

ОДИН ВЫБОР МОЖЕТ ИЗМЕНИТЬ МИР

РАВНОВЕСИЕ. СТЕНА

ЧАСТЬ 1

АСТРИД НОРД

18+

Астрид Норд
Равновесие. Стена

«Автор»

2026

Норд А.

Равновесие. Стена / А. Норд — «Автор», 2026

Ее душа оказалась крепче, чем он думал. Его интерес - опаснее, чем она могла предположить. Когда демон коллекционирует людей, а человек не хочет быть чьей-то коллекцией - кто из них станет монстром?

© Норд А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава 1. Кора	7
Глава 2. Хранитель	11
Глава 3. Кора	15
Глава 4. Хранитель	20
Глава 5. Кора	23
Глава 6. Хранитель	28
Глава 7. Кора	31
Глава 8. Хранитель	36
Глава 9. Кора	42
Глава 10. Хранитель	51
Глава 11. Кора	56
Глава 12. Хранитель	60
Глава 13. Кора	66
Глава 14. Хранитель	72
Глава 15. Кора	76
Глава 16. Хранитель	79
Глава 17. Кора	84
Глава 18. Кора	88
Глава 19. Хранитель	93
Глава 20. Кора	98
Глава 21. Хранитель	109
Глава 22. Кора	116
Глава 23. Хранитель	123
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Астрид Норд

Равновесие. Стена

От автора

Прежде чем вы откроете эту книгу, я хочу сказать несколько слов.

Это моя первая книга. Она родилась в моём воображении, росла вместе со мной и наконец доросла до того, чтобы выйти к вам. Все персонажи, события, диалоги и миры — плод вымысла. Если вдруг вам покажется, что кто-то из героев похож на реального человека, или какое-то событие напоминает то, что было на самом деле, — знайте, это случайность. Я никого не имела в виду.

В книге есть непростые сцены, я не стала их смягчать, потому что история требовала честности. Но я очень прошу вас: будьте бережны к себе. Если чувствуете, что сейчас не время для таких тем — отложите книгу на потом. Она подождёт.

Главное, что я хотела сказать этой книгой: даже когда весь мир против тебя, даже когда ты в самой глубокой тьме — внутри тебя всегда есть что-то, что способно сопротивляться. Не сдаваться. И иногда это «что-то» оказывается сильнее, чем ты думала.

Книга состоит из двух частей.

Я желаю вам приятного чтения. И спасибо, что вы со мной.

P.s. Прочитайте также мою книгу "Создатель" для полного погружения в мироустройство этого романа.

Пролог

Что делать, когда не остается надежды?

Не как в клише: «надежда умирает последней», произойдет чудо, и добро победит зло.

Что, если добро хочет искоренить зло? Что, если добро поступает хуже зла?

Баланс. Везде нужен баланс.

Встать на сторону зла, чтобы его сохранить? Или встать на сторону добра и пытаться всех переубедить?

Делай выбор.

Только не жалуйся потом. Никто не любит нытиков. Даже я.

Глава 1. Кора

Лязг цепей. Где-то далеко. Или у меня в голове? Боль. Боль...

Она не накатывает, не вспыхивает. Она просто есть. Везде. Сразу.

Я делаю вдох – резкий, рваный. Воздух будто режет изнутри. Я не могу открыть глаза.

Темно.

Или я уже их открыла?

БОЛЬ.

Снова.

Снова.

Снова...

Громкий писк проносится сквозь сон. Я дёргаюсь, вслепую шарю рукой по тумбочке. Звук обрывается.

Тишина возвращается. Сердце всё ещё колотится, дыхание сбито.

— Опять... — голос хриплый, почти чужой.

Последнюю неделю я практически не сплю. Тело отключается, а мозг — нет. Приходится подсакивать среди ночи в поту и с дикой одышкой. Кошмары меняются, но ощущения остаются теми же.

Боль.

И одиночество.

Закрываю глаза на секунду и тут же открываю.

Нет. Хватит.

Поворачиваю голову. На тумбочке стоит пустая кружка и телефон. На экране пропущенные — бабушка. Два раза. За окном только начинает светать, весенний Лондон не спешит просыпаться.

Я откидываю одеяло, свесив ноги, ощущаю холодный пол. Поднимаюсь и иду к коврику. Зарядка — единственное, что осталось от прошлой жизни. Отец приучил. «Голова дурит — заставь тело работать, — говорил он, постукивая себя по виску. — Мышцы глупые, они устанут и заткнутся. А за ними и мозг подтянется».

Я следую его совету уже год, он почти всегда работает. Начинаю медленно, позволяя телу проснуться. Каждое движение вытягивает остатки кошмара из суставов. Мысли становятся тише, пульс ровнее. Когда наконец выдыхаю и расслабляюсь, лёжа на коврике, в комнате уже светлее. В груди — не спокойствие, но хотя бы тишина.

Поднимаюсь, беру полотенце и бреду в ванную, по пути снимая одежду. Долго стою под струйками воды, почти не двигаюсь. Мышцы, разогретые зарядкой, наконец расслабляются, голова перестаёт раскалываться. В памяти всплывают обрывки кошмара.

Темнота, цепи. И голос, которого я не помню, но он где-то там, на грани сознания, ждёт.

Я часто моргаю, протираю глаза руками. Взгляд падает на деревянный гребень у раковины. Он с потёртыми зубьями, старый, с едва заметным узором на ручке. Подношу его к волосам, и в нос резко бьёт запах лаванды. Бабушка. Она забыла гребень ещё давно, но её запах держится на нём до сих пор. Прячу его в ящик, в самый дальний угол.

Запотевшее стекло скрывает отражение — и, наверное, это к лучшему.

Лестница скрипит, когда спускаюсь на кухню. Дом живёт своей жизнью: шорохи, тихие трески. Все мои движения отдаются эхом.

На кухне пусто.

Кидаю пакетик чая в кружку, заливаю кипятком, смотрю, как вода темнеет, как поднимается пар. Размешиваю сахар, стук ложки разносится по дому.

Слишком тихо.

Год назад здесь было по-другому. Мама гремела кастрюлями, отец читал газету в кресле и громко осуждал политиков.

Теперь здесь только я.

Красный диплом, золотая медаль и работа в кофейне. Зато эспрессо научилась варить идеально. Мама бы гордилась. Наверное.

Не спеша собираюсь на работу. Небольшие каблуки, юбка-карандаш, голубая рубашка, всё по стандарту. Входная дверь захлопывается за моей спиной чуть громче, чем нужно. Спускаюсь по ступеням, автоматически проверяя карманы.

Ключи. Телефон. Наушники. Карты.

Всё на месте.

Утро встречает сыростью. Весна в Лондоне — это не про солнце, а про мокрый асфальт и запах дождя, который так и не закончился. Люди уже спешат, всегда спешат. Лавирую между ними, кто-то задевает плечом и не извиняется, я тоже. До кофейни осталось идти десять минут. За это время я успеваю подумать уволиться, вспомнить маму, понять, что снова забыла позавтракать, и решить, что всё таки не уволюсь.

Дзынь.

Звонок колокольчика над дверью звучит как обычно.

Я на месте.

Захожу в подсобку, собираю волосы, завязываю фартук, руки делают всё сами. Включаю кофемашину, проверяю температуру молока, протираю стойку. Тодд появляется через десять минут. Он всегда опаздывает, но начальнику всё равно – парень умеет улыбаться гостям. Я не умею. Поэтому он на кассе, а я за кофемашиной.

— Уйду пораньше сегодня, — без приветствий говорю напарнику.

Тодд поднимает голову от кассы.

— Зачем?

— На кладбище. К родителям. Хочешь со мной?

Он сразу меняется. Взгляд виноватый и неловкий.

— Извини, я не знал, — тихо отвечает парень.

Конечно, не знал. Никто не знает, если не сказать прямо. И даже тогда — не понимают.

— Ты поэтому работаешь в кофейне? Родители не смогли обеспечить? — Рик. Бестолочь.

— У меня красный диплом, а у тебя какого цвета? — шумно вздыхаю, лицо перекосилось так, будто мне лимон целиком засунули в рот. — Жёлтый?

— Почему жёлтый? — удивляется парень.

— Такие выдают умственно отсталым детям после садика.

Рик закатывает глаза и уходит обслуживать столики. И как его люди терпят? У меня челюсть сводит, как только он рот открывает. Хотя, впрочем, он неплохой человек, но язык я бы ему всё равно подрезала. Пытаюсь скоротать время, в третий раз разбираю сорта кофе, протираю рабочее место. Взгляд падает на часы — пять вечера.

Вдыхаю полной грудью, на сегодня смена закончена.

Обожаю весну. Пахнет мокрым асфальтом и свежей травой. Гул автомобилей и сплетни двух проходящих мимо подруг дополняют образ города.

На кладбище идти недолго. Дорога туда кажется всегда короче, чем обратно. Я уже знаю каждый поворот, каждый фонарь, даже трещину на асфальте, которую мама всегда переступала и приговаривала: «На удачу». На моём лице медленно появляется тёплая улыбка. Останавливаюсь у ворот, как будто если не зайти — их смерть не станет реальностью.

Иду по знакомой тропинке, считаю шаги. От входа ровно сто сорок три, как обычно. Погода постепенно меняется, холодный ветер лезет под куртку, вызывая волну мурашек. Присаживаюсь на корточки у промёрзшей земли.

— Я закончила университет, мам. Красный диплом, как ты и мечтала, — с выдохом и грустной улыбкой говорю я.

— Правда, всё не так, как предвещал папа, — поворачиваю голову ко второй могиле, — без связей никуда не пробиться.

Диплом теперь пылится в ящике стола. Мама бы гордилась?

Она всегда говорила: «Главное – не потерять себя». Я не теряю, просто жду, сама не знаю чего.

Одинокая слеза скатывается по щеке, оставляя мокрую дорожку. Рука дрожит, но я всё же её смахиваю. В груди закипает что-то горячее, давя это чувство, пока не перестая дышать.

Смерть — наверное, самая тихая и самая громкая тайна человеческой жизни. Родители разбились на машине по дороге домой. Была сильная гроза, ветер буквально срывал ветви, некоторые деревья вырывались с корнем. СМИ описали это как несчастный случай: мокрая трасса, опасный поворот, плохая видимость. Никто точно не знает, что происходит после остановки сердца — исчезаем ли мы, или перерождаемся в нечто иное, за пределами нашего понимания. Важнее не ответ, а сам вопрос. Когда мы по-настоящему допускаем мысль о конце, привычные вещи перестают быть обычными. Время ощущается острее, слова — весомее, а моменты — хрупче.

Возможно, именно в этом и скрыт смысл — не разгадать тайну смерти, а яснее увидеть жизнь?

— Ровно год, — мой голос звучит устало.

Слова повисают в воздухе и растворяются. Никто не отвечает.

Я выхожу с кладбища, сворачиваю в парк.

Весна.

Время, когда всё оживает. Из земли прорываются маленькие росточки, свежая зелёная трава. Оглядываюсь и вижу на скамейке белую кошку, она сидит неподвижно, смотрит вверх. Поднимаю взгляд, на ветке сидит птица. Кошка не охотится, не крадёт, просто наблюдает. Сажусь рядом, животное даже не оборачивается.

— Тоже устала? — спрашиваю шёпотом.

Она медленно моргает и снова переводит взгляд на птицу. Протягиваю руку, едва касаюсь мягкой шерсти, как кошка встаёт и уходит. Дикая. Птица улетает следом.

Смотрю на пустую ветку, поднимаюсь и иду дальше.

Дом встречает запахом старого дерева. Ноги гудят, хочется лечь спать и ни о чём не думать, но так не получается. Сбрасываю одежду на пол и захожу в душ, горячий пар наполняет ванную. Если после смерти мне уготован отдельный котёл в Аду, думаю, я здорово расслаблюсь в нём. Рыжие волосы прилипли к загоревшей коже лица, на щеках начали появляться первые веснушки, тёмные глаза выделяются, будто не мои. Чужие.

И когда они перестали быть моими?

На подумать уже не остаётся сил. Ночь приходит незаметно. Гашу основной свет и включаю настольную лампу, в темноте слишком много места для мыслей.

Так одиноко.

Скрип.

Замираю.

Дом. Просто дом. Старый, поэтому так и должно быть. Логично. Закрываю глаза и считаю про себя.

Раз.

Два.

Три.

Скрип повторяется.

Ближе.

Четыре.

Пять.

Шесть...

Не открывать глаза.

По спине проходит холод.

Семь.

Восемь.

Девять.

Не двигаюсь.

Тишина.

Десять...

Почти проваливаюсь в сон, когда отчётливо ощущаю чьё-то присутствие прямо передо мной. Пульс учащается. Крепко зажмуриваюсь.

Не хочу.

Не могу.

Темнота становится ближе, и в ней будто кто-то наблюдает за мной, ждёт. Отворачиваюсь к стене и заставляю себя не думать об этом, но сон приходит не сразу.

Глава 2. Хранитель

Она почти чувствует это. Не понимает, но чувствует.

Люди редко замечают подобное, даже когда я стою вплотную, даже когда тень становится глубже, чем должна быть. Они смотрят сквозь, отводят глаза, убеждают себя, что показалось. Их мозг отсекает то, что не вписывается в привычную картину мира. Слишком страшно. Слишком непонятно. Проще сделать вид, что ничего не было.

Я не обижаюсь, мне даже нравится.

Раньше они были другими. Люди просыпались и благодарили за новый день. Смотрели на небо и видели там не просто облака, а чьи-то крылья.

Они верили.

Надеялись.

И ангелы были сильны.

Теперь всё иначе.

Я часто бываю среди людей, наблюдаю. Они перестали верить во что-то, кроме себя. Им нужно всё и сразу: деньги, власть, чужая боль, чужая женщина, чужая жизнь. Говорят громко, но не слышат друг друга. Люди идут, уткнувшись в землю или экраны, спешат туда, куда не хотят идти. Зависть гложет изнутри, гнев выплескивается на прохожих, алчность продаёт последнюю совесть.

Мир стал громким и злым. Голодным. И этот голод — не физический. Он где-то глубже, его чувствуешь сразу, как запах.

И мне это нравится.

Я видел, как человек продаёт друга за должность. Как женщина улыбается — и в следующую секунду вонзает нож в спину словами. Как мать отворачивается от собственного ребёнка, потому что «не вовремя».

Ангелы тихо умирают. Не в бою, нет. Это было бы слишком достойно. Они исчезают медленно.

Их райские города давно рассыпались в пыль. Те, кто остался, выживают в заброшенных церквях, в подвалах, в руинах собственной веры. Их крылья больше не сияют — они серые, облезлые, еле держатся на исхудавших плечах.

Ангелы злы. Ангелы устали. Ангелы готовы на всё, чтобы выжить.

Демоны же... демоны процветают. Люди сами приносят свои души.

На блюде.

С поклоном.

С благодарностью.

Чем больше злости, чем больше боли, тем сытнее наш мир.

Меня зовут Хранитель. Меня так называют. Моё имя давно стерлось, оно осталось далеко позади. Я коллекционирую души. Не из голода, не по приказу, не потому, что так надо. Просто... мне скучно, и они интересные. Каждая — как книга. Кто-то пишет свою историю скучно, серо, предсказуемо. Таких я не трогаю. Зачем?

Но есть другие, они яркие. Они мечутся, страдают, любят, ненавидят, боятся. За ними интересно наблюдать, а если ещё немножко помочь — подбросить кошмар, поскрипеть половицей, мелькнуть тенью в углу, — душа становится ещё сочнее. Она наливается страхом, в её жилах течёт адреналин и желание жить. От ужаса их душа сама готова выпрыгнуть из тела.

Я не ем их.

Я...смакую.

Разглядываю на свет, ищу в них то, чего нет в других, а в конце вытягиваю жизнь. Ощущение — как сделать глоток ледяной воды, когда горло пылает от жажды. Обычно говорят «душа выходит из тела», у меня же наоборот — внутри появляется ещё одна.

Но эта девушка...

Я впервые узнал про неё несколько дней назад. Морт подошёл ко мне в зале. Он — почти единственный, кто может говорить со мной без запинки, но и этот первые сотни лет держался на расстоянии, смотрел с опаской, будто я мог разорвать его в клочья без причины.

— Есть одна интересная душа, — сказал он, и в его голосе прозвучало недоумение. — Двадцать пять лет, сирота, сознание — как запечатанный сейф.

Я поднял голову.

— Ты пытался?

— Три дня, — он проводит рукой по светлым волосам. — Нашёл её мечту. Самую глубокую. Развернул перед ней целый мир. Она смотрела на это и плакала, а потом закрыла дверь. Сама.

Морт работает иначе, он забирает чувства. Входит в людей не через страх, а через желание. Находит человека в самый слабый момент, когда мечта становится нестерпимо близкой, а реальность — чрезмерно тяжёлой. И предлагает сделку. Без обмана. Человек получает ровно то, о чём молил судьбу годами: любовь, успех, возвращение умерших. А взамен Морт забирает способность чувствовать то, о чём были эти мольбы. Люди не знают об этом, пока не становится слишком поздно. К тому моменту договор уже подписан.

Я считаю это скучным, он считает мои методы грубыми. Мы спорим об этом уже несколько сотен лет.

— Почему? — спросил я.

— Стена, — ответил Морт. — Я даже не царапнул. Подумал, тебе будет интересно.

Демон был прав, мне стало интересно.

Пятый день я хожу вокруг неё, пятый день я посылаю ей сны — один страшнее другого. Она просыпается в поту, мечется, боится. Я вижу это.

Но душа не поддаётся.

Она как будто закрыта, заперта изнутри. Я тянусь к ней — и натываюсь на стену. Не барьер, не защита, как у ангелов.

Стена.

Невидимая, холодная, чужая.

Это бесит.

Я наблюдаю за ней из тени комнаты. Слышу, как быстро бьётся её сердце от скрипа. Она меня чувствует. Волосы, разбросанные по подушке, едва подрагивают. Но сейчас я оставлю девушку в покое. Есть другие дела. Делаю шаг назад, и пространство вокруг сжимается.

Ад встречает привычным гулом. Я появляюсь в центральном зале. Он живёт: шепчет, дышит, стонет. Факелы горят тускло, пламя едва шевелится, будто пространство здесь слишком тяжёлое, даже для огня. Потолок теряется в темноте, стены уходят вверх, и чем выше, тем чернее камень, тем плотнее мрак. Где-то в глубине кто-то коротко смеётся, чуть дальше раздаётся глухой удар, будто о камень бросили что-то тяжёлое.

Иду вперёд.

В центре — возвышение. Камень тёмный, почти чёрный, отполированный до гладкости. Там сидит фигура. Она не двигается, но пространство вокруг искажается.

Я останавливаюсь на расстоянии.

— Ты задержался.

Склоняю голову.

— Был занят.

Пауза. Он не задаёт лишних вопросов.

— Твои тени видели передвижения ангелов?

— Они собирают силы у запада.

— Уничтожь.

Сатана редко покидает свои покои. Правит несколько тысячелетий, ему давно всё наскучило. Войны, интриги — это стало для него рутиной. Поэтому правитель всё делает через нас.

Я смиренно склоняю голову, жду пару секунд и выхожу из зала. Тяжёлые створки смыкаются за спиной с глухим стуком, отсекая давящую ауру. В коридоре позволяю себе выдохнуть, но не от страха, а от скуки. Все эти разговоры об ангелах — одно и то же уже который век.

Не люблю делегировать грязную работу, когда хочу размяться. Тени — они для слежки. Для убийства есть я.

Выхожу во внутренний двор, ветер тут же поднимает мои перья, играет с ними. Один резкий взмах крыльев, и я уже под облаками. Взгляд проносится по границам, по острым скалам, по рекам лавы. Всё тёмное, пустое, но кое-что выбивается из привычного. Что-то светлое... Улыбка медленно растягивается на моём лице.

Нахожу их на западной границе. Четверо ангелов сидят у костра — жалкое подобие тепла в этом мёртвом месте. Их крылья сложены, свет исходит от них слабо, тускло. Они даже не слышат моего приближения, не чувствуют тьмы, которая сгущается у них за спиной.

Обожаю этот момент. Секунду перед тем, как всё рухнет. Тишину, когда они ещё ничего не знают.

Первый поворачивается, когда я уже стою у него за плечом. Его глаза расширяются, рот открывается, но крик не успевает родиться — моя рука входит ему в грудь сквозь рёбра. Сквозь свет, который пытается защитить его. Чувствую, как его сердце бьётся в моём кулаке.

Раз.

Два.

Три.

Сжимаю. Оно лопаётся, как переспелый фрукт. Тёплая кровь заливает пальцы. Ангел падает, даже не взмахнув крыльями.

Второй вскакивает, пытается взлететь, его крылья расправляются — белые, красивые, глупые. Я ловлю его за левое крыло у основания и дёргаю. Хруст. Как перелом сухой ветки. Он кричит. Отпускаю, ангел падает на землю, пытается подняться, но крыло висит под неестественным углом, кости торчат сквозь кожу и перья.

Третий бросается на меня. Энергия в его руках вспыхивает ослепительно. Он бьёт прямо в грудь. Я чувствую слабое, приятное жжение. Он бьёт снова. И снова. Я не уклоняюсь. Пусть тратит силы, пусть верит, что побеждает. В его глазах появляется надежда — и это самое сладкое.

— Всё? — спрашиваю.

Ангел замирает. Надежда гаснет, сменяется ужасом. Я беру его за горло, но не сжимаю сразу, провожу пальцами по его шее, чувствуя быстрый, панический пульс.

— Моя очередь, — шепчу.

Тьма вырывается из моих пальцев, впивается в его кожу, затекает под неё, в вены, в лёгкие. Он синееет на глазах. Свет внутри него мечется, пытается выжечь тьму, но не может. Моя сила глубже, и она уже внутри. Ангел падает на колени, хватает ртом воздух, но воздух не идёт. Тьма душит его изнутри. Когда он затихает, я отпускаю его тело, и оно падает лицом в пепел.

Четвёртый бежит. Умный. Жалкий. Я даю ему фору.

Сто метров.

Смотрю, как он перебирает крыльями, как его силуэт становится меньше на фоне багрового неба.

Двести.

Медленно вытягиваю руку, тьма собирается в ладони, формуется, заостряется. Копьё.
Идеальное. Тяжёлое.

Триста.

Я бросаю не глядя.

Копьё входит ему в спину между крыльев, он даже не успевает вскрикнуть — просто замирает в воздухе, как бабочка в коллекции. Глухой удар о землю...тишина.

Не буду убивать его. Пока.

— Отведите его вниз, — бросаю подоспевшим низшим. — Живым.

Бесформенные серые существа скалятся, хватая ангела за крылья. Тот кричит, когда они волокут его по камням. Кричит громко, чисто.

В голове появляется лицо девушки.

Интересно, она будет так же кричать, когда я доберусь до её души?

На мгновение замираю.

Нет. Не сегодня.

Я дарю ей эту ночь.

Пусть спит.

Это ненадолго.

Следующие ночи будут намного хуже.

Глава 3. Кора

Я проснулась без будильника, и это было настолько непривычно, что первые секунды просто лежала, уставившись в потолок.

Обычно он орёт, будто от этого зависит судьба человечества. Сегодня же — тишина, только редкие птицы за окном и шум просыпающегося города. Машины где-то внизу, хлопающие двери, чьи-то голоса — всё это звучит так далеко, будто меня не касается.

Сердце бьётся ровно, дыхание спокойное, ни паники, ни обрывков кошмаров, только вновь ощущение, что кто-то наблюдал всю ночь. Внутри пусто — не та давящая, липкая пустота, которая обычно наваливается по ночам, а спокойная, как после долгой болезни.

— Наконец-то, — шепчу, чувствуя, как уголки губ сами тянутся в слабую улыбку. — Организм решил дать мне отпуск.

Я лежу, не двигаюсь, наслаждаюсь этим непривычным состоянием. Жаль, скорее всего это ненадолго. Лениво сползаю с кровати, плетусь на кухню, холодный пол неприятно отзывается в ступнях, заставляя поёжиться. Чайник щёлкает кнопкой, я достаю кружку, ставлю — и замираю.

На столе стоит миска. Беру её в руки.

Обычная. Керамическая. Белая.

Пустая.

Медленно оглядываю комнату.

— Я что...вчера ела из миски?

В голове пусто, ни одного воспоминания, совершенно не помню, откуда она взялась. Ставлю миску обратно.

— Ладно.

Мало ли, живу одна, никто не осудит.

Чайник свистит, вырывая меня из размышлений. Я машинально кидаю пакетик, обхватываю кружку руками и зависаю у окна. Серое небо, мокрый асфальт, люди куда-то спешат.

Ничего нового.

Делаю глоток и морщусь — горячо.

И в этот момент слышу.

Тихий скребок.

Ноги прирастают к полу. Осторожно поворачиваю голову. У двери на кухню сидит белая кошка.

Та самая из парка.

Мы смотрим друг на друга.

— ...серьёзно? — выдыхаю.

Кошка не двигается.

— Ты откуда взялась?

Тишина.

Быстро оглядываюсь по сторонам в поисках открытого окна или двери, но ничего не нахожу. Никаких щелей, никаких признаков того, что сюда вообще можно попасть.

— Я что, уже начала приглашать гостей во сне?

Кошка медленно моргает, и в этом есть что-то...осознанное. Словно она понимает каждое моё слово, но просто не считает нужным ответить. Я вздыхаю и ставлю кружку на стол, осторожно подхожу поближе. Она не убегает, не шипит, просто ждёт. Её янтарные глаза скользят по мне, будто оценивая. Приседаю, протягиваю руку.

— Если ты сейчас исчезнешь, я, наверное, действительно пойду к врачу.

Пальцы касаются шерсти.

Мягкая. Тёплая.

Настоящая.

Провожу ладонью за ушками, она тут же подаётся навстречу.

— Ну привет, — тихо говорю.

Кошка трётся о руку, как будто мы знакомы сто лет. Глазу её — и на секунду кажется, что это не я её трогаю.

А она — меня.

Странно.

Встаю, беру загадочную миску, наливаю в неё немного молока и ставлю на пол. Животное подходит, начинает спокойно пить — уверенно, без спешки. Будто всегда здесь жила.

Я опираюсь о стол, наблюдая.

— Имя тебе придумать, что ли...

Она поднимает голову, смотрит прямо на меня. Щурюсь, перебирая в голове всевозможные варианты.

— Нет. С именами у меня плохо. Будешь просто кошкой.

Бросаю взгляд на часы.

— Чёрт, на работу опоздаю, — поворачиваюсь к кошке, — ты же не сбежишь?

Она лениво запрыгивает на стул, стоит пару секунду и укладывается, свернувшись клубком.

Собираться приходится быстрее обычного, слишком долго возилась с новой обитательницей дома. Когда я уже стою в прихожей и накидываю пальто, кошка даже не поднимает головы. Подхожу к миске, ополаскиваю её и ставлю в шкаф.

Кофейня встречает привычным ароматом зёрен и шумом. Тодд уже на месте, он стоит за кассой, что-то весело объясняя пожилой dame. Она явно ничего не понимает, но кивает из вежливости.

— О, живая! – восклицает он, заметив меня.

Его лицо расплывается в широкой улыбке.

— Пока да, — бросаю, проходя в подсобку.

Через пару минут я уже стою за кофемашиной. Кофе, молоко, кофе, молоко — этот ритм успокаивает лучше любых лекарств.

— Ты сегодня выглядишь почти нормально, — замечает Тодд, поглядывая на меня из-за кассы.

— Это комплимент? – спрашиваю, отодвигаясь от стойки.

— Это наблюдение и комплимент, — ухмыляется парень. — В последнее время ты выглядела как персонаж из фильма ужасов.

— Уже не особо похоже на комплимент. — Отрезаю, заканчивая диалог.

До конца смены работаю на автомате. Кофе, молоко, улыбки, которые никто не ждёт. Тодд болтает с клиентами, Рик выходит из кухни с очередной дурацкой шуткой, кто-то забывает сдачу, кто-то просит добавить сироп.

В восемь вечера снимаю фартук, бросаю последний взгляд на зал и выхожу, не оборачиваясь.

Фонари горят тускло, небо затянуто низкими облаками, которые отражают оранжевый свет города. Людей уже почти нет, только редкие прохожие, которые спешат к своим домам, к своим тёплым кухням, к своим жизням.

Я иду медленно, не хочу возвращаться.

В голове пусто. Только этот странный день, только кошка, которая не должна была оказаться в доме, только ощущение, что я что-то упускаю. Ключ поворачивается в замке с привычным щелчком. В прихожей темно. Включаю свет, скидываю пальто, ставлю сумку на пол.

Тишина.

Обычная. Домашняя. Но сегодня она кажется тяжелее. Прохожу в гостиную, телефон молчит, бабушка не звонила. Иду на кухню, не включая свет.

Привычка.

Открываю шкафчик, миска стоит там же. Я беру её в руки, кручу.

— Ты вообще существуешь? — тихо спрашиваю в никуда.

Ответа, конечно, нет. Ставлю миску обратно и закрываю дверцу.

Щелчок.

Темнота снова накрывает кухню, и на секунду мне кажется, что за моей спиной кто-то стоит. Прямо за плечом.

Близко.

Слишком.

Я резко оборачиваюсь.

Никого.

Сердце делает лишний удар.

— Хватит, — говорю уже громче. — Я просто не выпалась.

Звучит убедительно.

Почти.

Ночью долго не могу уснуть, постоянно ворочаюсь. Каждый звук становится громче: пол скрипит, трубы шумят. Обычные звуки.

Но сегодня они...

другие.

Закрываю глаза, заставляю себя расслабиться, постепенно тело сдаётся, сознание плывёт.

Почти сон.

Почти.

И вдруг —

шаг.

Тихий.

Прямо в комнате.

Я распахиваю глаза.

Темнота.

Лампа выключена. Точно помню, что не включала её.

Но...

в углу комнаты темнее, чем должно быть. И чем дольше я смотрю — тем больше понимаю:

это не тень. Тень не может смотреть в ответ.

Медленно приподнимаюсь на локтях.

Секунда.

Две.

Три.

Ничего не происходит. Я уже хочу отвернуться, сказать себе, что это бред, что это усталость, что это всё в голове. И в этот момент — в углу что-то едва заметно двигается.

Не форма.

Не силуэт.

Просто...движение.

Как будто сама темнота дышит.

Я замираю.

Тело перестаёт слушаться. Сердце стучит так громко, что, кажется, его слышно в комнате.

— Кто здесь? — шепчу.

Ответа нет, но чувствую взгляд.
На себе.
Чётко.
Тяжело.
И это уже не странно, не тревожно.
Это — страшно.
Тянусь к лампе.
Щёлк.
Свет заливает комнату.
Пусто.
Никого.
Угол обычный.
Как всегда.
Тяжело дышу.
Смотрю.
Долго.
Слишком долго.

Потом не спеша ложусь обратно, не выключая свет. Я не сплю, просто лежу, смотрю в потолок, слушаю своё дыхание.

Утром светает медленно. За окном — серое небо, мокрые ветки, лужи на асфальте.

Я стою под струями душа дольше обычного, оглядываю свои руки, запястья — на них ничего нет, но мне кажется, что должны быть следы. Почему?

Вода тёплая, почти горячая, но холод внутри не отпускает. Вытираюсь, натягиваю джинсы, свитер. Волосы собираю в хвост, даже не глядя в зеркало. На кухне быстро глотаю чай. Кошки нет. Ни на стуле, ни на полу, ни на подоконнике. Я проверяю — дверь закрыта, окна заперты.

Выхожу из дома.

В кофейне привычный шум. Пар от кофемашины, звон чашек, голоса клиентов. Тодд машет мне рукой, Рик выходит из подсобки с коробкой сиропов, бросает что-то про погоду, я киваю, не слушая. Завязываю фартук, проверяю молоко, температуру, давление.

Первый заказ, второй, третий.

Беру следующий стаканчик, разворачиваюсь к залу и замираю так резко, что чуть не роняю его из рук. У окна, на свободном стуле, сидит она.

Моя кошка.

Спокойно. Уверенно.

В её взгляде застыло выражение удовлетворенного человека, который только что выиграл важный спор.

— Да ладно... — вырывается у меня громче, чем я планировала.

— Что? — Тодд выглядывает, прослеживает за моим взглядом и равнодушно пожимает плечами. — А, эта кошка? Да она тут минут пять уже. Я думал, ты её принесла.

— Не приносила, — шепчу, всё ещё не веря своим глазам.

Медленно подхожу к стулу, останавливаюсь напротив неё, скрестив руки на груди. Кошка чуть склоняет голову.

— Ты как здесь оказалась? — говорю, наклоняясь к ней почти вплотную.

Животное не реагирует, только уши чуть прижимает, будто она слышит что-то. По спине проходит холодок. Лёгкий, едва заметный, но неприятный. В этот момент из кухни выходит

Рик. Увидев меня, склонившуюся над кошкой, он останавливается, его лицо расплывается в знакомой тошнотворной улыбке. Я в него сейчас запущу чем-нибудь.

— О, Кора, — тянет он. — Это твоя новая коллега по смене?

— Нет... — даже не могу сообразить едкий ответ парню. — Свали.

Рик кривится, но не успевает ответить, потому что к стойке подходит новый клиент.

— Когда вы прекратите это? — тихо шипит Тодд.

— Пусть, ему полезно иногда спуститься с небес на землю, — отмахиваюсь от него.

Смотрю на кошку, на людей за столиками, на Тодда, который вновь натянул улыбку и что-то объясняет клиенту.

Я не знаю, что это не просто животное. Не знаю, что янтарные глаза на самом деле наблюдают не за птичками и посетителями.

Не знаю, что за мной уже следят.

И что тот, кто смотрит — не уйдёт. Ни сегодня, ни завтра, никогда.

Глава 4. Хранитель

Я вернулся посмотреть на её состояние. В этот раз она не спала.

Тихо стоял в углу гостиной, наблюдая, как она двигается по кухне. Рыжий хвост покачивался в такт каким-то её внутренним мыслям. Она резала овощи, на губах — лёгкая, полузабытая улыбка. Я проследил за её взглядом: на полке, прямо напротив, стояли фотографии. Пара, которую она называла родителями.

Сегодня я решил зайти дальше.

Ночь опустилась незаметно. Сначала за окном просто стало тише — редкие машины, редкие шаги. Потом свет фонарей растёкся по стеклу мутными пятнами, вытягивая тени в длинные, неестественные полосы. Комната медленно утонула в полумраке, воздух будто остыл, стал плотнее.

Она спит. Тело расслаблено, но не до конца — пальцы иногда подрагивают, будто она держится за что-то даже во сне. Дыхание то ускоряется, то замирает на долю секунды. Лоб слегка нахмурен. Сон неглубокий, тревожный.

Я стою в углу её комнаты, не двигаюсь.

Настольная лампа горит, девушка боится темноты. Смешно. Если бы она знала, что тьма — это меньшее из зол. Рыжие волосы разметались по подушке, нелепые веснушки на носу. Пульс не ровный. Глаза под веками двигаются быстро, значит, ещё один кошмар.

Хорошо. Пусть.

— Мама, — доносится тяжёлый полусонный вздох.

Чуть склоняю голову.

Мама?

Ах ну да, у девушки нет родителей. Я часто использовал их в её снах. Это удобно. Страх потери — один из самых вкусных. Моё творчество основывается на главных страхах души. У кого-то это бедность, смерть или страх высоты. У неё же — одиночество и боль. Боль собственная и близких. В одном из кошмаров я несколько раз подряд убивал родителей у неё на глазах, не давая проснуться. Ломал ей ноги во сне.

Она кричала.

Давал надежду и тут же забирал её, как только душа начинала светиться. Интересно, почему это никогда не надоедает.

Сейчас, видимо, один из таких снов. Я почти вижу его, даже не входя внутрь: она бежит, зовёт, не успевает, руки тянутся — и пустота. Голоса обрываются, всё рушится в последний момент. Фантазии хоть отбавляй, в Аду слишком скучно, приходится так развлекаться.

Я подхожу ближе к ней.

Вблизи она обычная. Человек. Таких миллионы. Тонкая шея, смуглая кожа, тёмные круги под глазами. Уставшая. Но внутри — стена. Я чувствую душу и уверен, что она тоже чувствует меня, но как у неё хватает сил сопротивляться?

Касаюсь её виска.

Я не собираюсь щадить, не собираюсь уговаривать, я хочу вломиться, продавить, разорвать изнутри и посмотреть, что скрывается за этой проклятой преградой. Хочу войти в её сон, стать его частью, добраться до души напрямую.

Закрываю глаза.

Сладкий запах сандала окружает меня, густой, вязкий. Он не успокаивает — он давит. Непонятное чувство заползает по венам в тело, вызывает мурашки, тянется вдоль позвоночника, расплзается под кожей.

Чужое.

Не моя сила.

Сжимаю кулаки.
Что-то идёт не так.
Челюсть сводит, мышцы каменеют. В голове нет ни единой мысли, только глухая, звенящая пустота, словно меня вычистили изнутри, оставив оболочку.
Это бесит.
И в следующий момент —
Я проваливаюсь.
Сначала ничего не вижу.
Белое. Много белого. Бесконечность.
Где я?
Это не её сон. Это не её комната. Это не Ад и не Рай. Это...пустота.
И в центре пустоты — она.
Маленькая. Светящаяся. Смотрит на меня без страха. Без удивления. Без ничего. Это чувство, что было ранее, теперь я его понимаю.
Одиночество.
— Ты пришёл, — говорит девушка.
Голос тихий, далёкий, как эхо в горах.
— Я ждала.
Делаю шаг и открываю рот, чтобы спросить. Хочу понять.
Но не успеваю.
Белое взрывается огнём. Меня вышвыривает наружу с такой силой, что я врезаюсь спиной в стену её комнаты. Штукатурка сыплется. В голове звенит. Из носа течёт что-то горячее.
Я подношу руку — кровь.
Моя кровь.
...интересно.
Едкий смешок удивления вырывается из горла.
— Спустия столько много времени... — мой шёпот проваливается в стенах старинного дома.
Я смотрю на алые разводы на пальцах и чувствую, как внутри что-то зарождается.
Страх.
Нет, не страх.
Интерес.
Дикий, жадный, острый.
Кто ты такая, что можешь причинить боль демону? Что носишь в себе стену, которую я не могу сломать?
Вытираю кровь рукавом и улыбаюсь. Впервые за тысячу лет мне не скучно.
Отступаю в тень, пространство вокруг складывается, пропуская меня. Смотрю из-за угла. Её сон превращается в ещё один кошмар, глаза под веками начинают бегать, руки сжимают одеяло.
Поворачиваю голову и натываюсь на подвеску на полке.
— Кора... — успеваю шёпотом прочитать вслух перед тем, как перемещаюсь в Ад.

Дом.
Здесь не бывает тихо. Крики, стоны, лязг цепей. Раньше это раздражало, теперь — нет.
— Выглядишь хреново, как... — брат усмехается, оглядывая меня с ног до головы. — Как будто тебя ангелы поимели.
Мы ненавидели друг друга с детства. Причина давно стерлась, осталась привычка.
— Свали.

— Не-а, я чувю твой интерес внутри. Он вкусный. — Демон облизывается. — Отец будет недоволен. Пока ты развлекаешься, ангелы собирают силы.

— Не твоя забота.

— Моя, — он скалится, — потому что, если ты не уследишь за границей — расхлёбывать придётся нам всем. А отец не любит, когда его сыновья выглядят слабаками.

Азazelь что-то говорит дальше, но я не слушаю, прохожу мимо него, плечом задевая его. Жест грубый, демонстративный. Он рычит мне в спину, но не останавливает.

Двери замка захлопываются, отрезая запах серы. Я шумно втягиваю воздух, провожу ладонью по лицу.

— Скучал? — голос обволакивает, как шёлк.

Она выходит из темноты — высокая, волосы с синеватым отливом и глазами, в которых можно утонуть. Или умереть. Смотря что выберешь.

— Ты знаешь, что я не скучаю, — отвечаю сухо.

— Знаю. — Она улыбается. — Поэтому ты такой интересный.

Эшит — дух блуда. Она приходит к мужчинам, вытягивает из них силу, желание, а иногда и жизнь.

— Что узнала?

— Ангелы что-то ищут. Мы поймали одного, но это всё, что удалось узнать, — девушка прищуривается. — До того, как он с честью покинул этот мир.

Мои пальцы непроизвольно сжимаются. Ангелы в последнее время будто торопятся. Либо они нашли спасение, либо готовятся умереть.

— Узнай больше, — приказываю.

— Что мне за это будет? — её голос становится ниже, появляется знакомый соблазняющий шёпот.

— Останешься в моей милости.

— Скучный ответ.

— Другого не будет.

Эшит тихо мелодично смеётся.

— Мы с тобой почти равные, не забывай.

Она исчезает в тенях, оставляя после себя запах жасмина. Я коротко усмехаюсь, поворачиваюсь в сторону своих владений, делаю шаг. Но меняю направление.

В зал.

Тихий треск дров заполняет тишину пространства. В центре стоит светловолосый демон.

— Что случилось? — Морт смотрит на меня.

— Она не поддаётся.

— Я же говорил.

— Я хочу перетащить её целиком. С телом.

— Опасно, тела не выживают в Аду.

— Пусть.

— Тогда зачем?

Я смотрю на свои руки, на них всё ещё запах сандала.

— Хочу её душу. А тело не так важно.

Глава 5. Кора

Просыпаюсь резко, как будто меня кто-то звал. Сердце подскакивает куда-то в горло, глухо стучит. Голова ватная, а в ней лишь одна мысль:

БЕЖАТЬ.

Кровать вся мокрая, волосы прилипли ко лбу. Меня бьёт дрожь, как от мороза. Солёный пот стекает по виску, щеке, попадает прямо на губы.

Страх.

Подскакиваю, почти падаю с кровати и сразу подлетаю к окну, рывком раздвигаю шторы. Свет режет глаза. Адреналин бьёт в крови.

Страх.

Я прижимаюсь к холодному стеклу, дыхание настолько быстрое и рваное, что не хватает секунды для нормального вдоха.

Страх.

— Чёрт, — выдыхаю.

Пульс постепенно приходит в норму. Рёбра ноют, будто я только что пробежала марафон. Прикрываю глаза на мгновение. Опять кошмар. Но в этот раз там я была не одна. Был кто-то ещё — его присутствие я чувствовала нутром. Это ощущение не стирается, как обычно, не растворяется. Лицо было смазано, запомнила только глаза — ледяные, пронзающие, пустые.

Резко открываю свои.

— В двадцать пять инфаркты не случаются, — полушёпот тонет в стенах дома. — Надеюсь.

Кидаю взгляд на телефон. Разряжен. Будильник не прозвенел. На настенных часах стрелки показывают ровно восемь утра.

Прохладный ветер бьёт в лицо, немного отрезвляет. Люди идут мимо, разговаривают, смеются, ругаются, обычный поток, в котором легко раствориться. Это даже немного успокаивает.

Над головой привычно звенит колокольчик.

— Кора, ты зелёная, — Тодд окидывает меня взглядом, как только я переступаю порог кофейни. — Иди домой.

— Отвали.

— Я серьёзно, тебя трясёт.

— Это кофеин.

— В вену?

— Почти.

Проходящий мимо Рик хмыкает и тошнотворно улыбается. Я даже не огрызаюсь, сил нет.

Первый клиент, второй, третий. Латте, эспрессо. Руки двигаются сами, мозг постепенно догоняет тело. Ближе к четвёртому клиенту становится немного легче. Всё-таки рутина успокаивает, даже мысли начинают выстраиваться. Солнце уже всю освещает город. Настроение немного поднимается, когда в кафе вместе с посетителями забегает белая кошка. Последнее три дня она наш VIP-гость. Заходит с самодовольной мордой, садится на свободный стул поближе к кухне и ждёт молоко. Я поймала себя на мысли, что она выбирает места с лучшим обзором, будто наблюдает за залом.

Или за...мной.

Домой она больше не приходила, но здесь появляется каждую мою смену.

Странно.

Ставлю чашку на стойку, ещё один заказ готов.

— Ваш кофе, пож... — слова застревают в горле.

Тень.

Я отчётливо вижу краем глаза тень позади. Не человек, не предмет, просто...отсутствие света там, где он должен быть. Ладони резко потеют, ноги становятся ватными. Резко оборачиваюсь. Никого. Но липкое чувство остаётся в груди.

— алуйста, — договаривает за меня Рик. — Вы извините, сейчас стартует программа набора людей с отклонениями...

Дальше его слова проходят фоном, но каждое цепляет. Я медленно перевожу взгляд на него, победная улыбка озаряет лицо Рика.

— Какая хромосома отвечает за чувство юмора, просвети? — мои слова пропитаны ядом. — Мне кажется, тебе её забыли заложить родители.

Клиент удивлённо смотрит на нас, но, решив не задавать лишних вопросов, просто уходит.

Обычно я возвращаюсь поздно, однако сегодня даже администратор заметила моё состояние и отпустила домой.

Я не спорю.

Иду не спеша, стараюсь продышаться свежим воздухом, да и возвращаться в пустой дом не особо хочется. Сворачиваю на безлюдную улочку, чтобы сделать ещё один круг.

Резко останавливаюсь.

Ноги будто прирастают к земле. Не могу пошевелиться. Пытаюсь сжать руки в кулак — не выходит. Дрожь проходит от кончиков пальцев по всему телу. Сначала чувствую чей-то тяжёлый взгляд. Чужой. Пытаюсь шагнуть. Ноги не двигаются. Как будто меня держат, не руками.

Через пару мгновений отчётливо ощущаю, как кто-то дышит мне в затылок. Слишком близко.

Меня мутит. Нервы скручиваются где-то в животе — вот-вот вырвет.

Поворачиваю голову.

И в этот момент контроль внезапно возвращается. Я срываюсь с места и бегу. Инстинкт тянет домой, к безопасности, но понимаю, что нельзя. Сворачиваю на шумную улицу, мчусь к ближайшему парку. Прохожие оборачиваются, машины сигналият, когда я перебегаю на красный.

Мне всё равно.

Мне надо бежать.

Кажется, я сейчас выплуну лёгкие. Слышу удары сердца в ушах.

Раз.

Два.

Три.

Четыре.

Считаю, чтобы успокоиться.

Пять.

Шесть.

Семь.

Обычно помогает.

Восемь...

Ноги гудят, в груди пекло.

Я останавливаюсь только в парке. Сгибаюсь пополам, упираясь руками в колени.

Час.

Целый час я сижу и смотрю на фонтан, пока всё внутри не успокаивается, только потом иду домой.

Закрываю дверь и сползаю по стене на пол. Сердце больше не колотится. В сумке звенит телефон.

— Да?

— Кор, это Тодд. Хотел убедиться, что ты в порядке.

— Да, спасибо, всё нормально.

— Начальник дал тебе отгул до пятницы. Отдохни, приди в себя. Можем сходить в кино завтра вечером, я освобожусь пораньше.

— Тодд, пока. Спасибо за информацию.

Я вешаю трубку. Шумный вздох разносится по прихожей. Мне и правда надо отдохнуть. Приберусь дома, схожу за продуктами. Типичный день домохозяйки. Проходя мимо комнаты, замечаю на комодe фотографию мамы. Она улыбается. Беру рамку в руки. Мама смеялась на всех фотографиях, папа называл это «улыбка на заказ», а она толкала его локтем.

Я отворачиваюсь, не могу смотреть.

Беру тряпку и набрасываюсь на пыль. Полки, подоконники, плинтусы — всё должно блестеть. Руки двигаются сами, а в голове наконец тишина. Лезу под кровать и носом влетаю в липкую, гадкую паутину, целую сеть. Я вскрикиваю, запутываюсь ещё больше, дёргаюсь и со всей силы ударяюсь затылком о каркас кровати.

— Твою ж... — шиплю, вылезая и стряхивая с лица паутину.

Иду в ванную.

В зеркале на меня смотрит нечто лохматое, с паутиной в волосах и красной полосой на лбу. Я гляжу на это чудо и...смеюсь. Сначала тихо, потом громче. Сажу на полу, с паутиной в рыжих волосах, и смеюсь как ненормальная.

— Если кто-то сейчас зайдёт... — произношу вслух, — вызовут санитаров.

Телефон снова звонит, я вздрагиваю. На экране светится «Бабушка».

— Аллю, ба.

— Кора, внученька! Ну как ты? Я звонила, ты не брала.

— Всё нормально, бабушка. Работа была.

— Работа — это хорошо. А кушаешь? Голос у тебя уставший.

— Кушаю.

— Что ела?

— Макароны.

— Опять макароны! Так нельзя. Я пирожков напекла, приезжай.

— Хорошо, приеду завтра.

— Завтра дождь обещают, оденься теплее.

— Ба, я помню.

— Я тебя люблю.

— И я тебя люблю. Пока.

Уборка выматывает окончательно. Руки гудят, спина ноет, но в голове спокойно. Беру яблоко, падаю на диван, включаю старый фильм просто фоном. Нарезаю ножом дольки, смотрю в экран, ни о чём не думаю.

Хорошо.

Веки тяжелеют. Посуду оставляю на тумбочке, потом уберу.

Тишина.

Пол скрипнул. Как обычно, уже не реагирую. Я почти проваливаюсь в сон, когда слышу:

— *Спишь?*

Голос. Тихий. Прямо над ухом.

Замираю. Сердце пропускает удар.

— *А зря. Я только пришёл.*

Распахиваю глаза. В комнате никого. Только лампа горит.

— Показалось... — шепчу.

— *Не показалось.*

Секунда. Вторая.

Медленно поворачиваю голову. Он стоит в углу. Открываю рот, но крик не выходит.

— Интересная реакция, — усмехается он. — Обычно визжат.

Вдох застревает в горле.

Кто. Это. Чёрт. Возьми.

В темноте не видно лица, но я замечаю глаза. Ледяные. Пустые.

— Ты... — голос срывается.

— Я.

Будто мы уже знакомы. Меня пробирает дрожь. По спине ползёт мерзкий пот, кожа покрывается мурашками, ткань футболки липнет к коже. Свет лампы до него не достаёт — словно обтекает, едва касаясь. Высокий. Пепельные волосы. От него веет силой.

— Ты не настоящий... — шепчу, больше себе, чем ему.

Он делает шаг вперёд, но пол под ним не скрипит.

— Правда? — с насмешкой.

Я сжимаю одеяло и тогда замечаю...

Крылья.

Огромные, чёрные, с металлическим отливом. Сложены за спиной и едва касаются пола. Одно слегка дёргается — и воздух в комнате словно сдвигается. Как перед грозой.

— Кто ты? — выдыхаю.

Он улыбается. Медленно. Не тепло.

— Ты знаешь.

Мотаю головой. Это невозможно.

— Ты из моих снов, ты...

Он делает ещё один шаг ближе.

— Демон, — заканчивает он.

Слово падает тяжело, как приговор. На его лице появляется опасная, голодная улыбка.

— Демонов не существует, — слова звучат тихо, почти жалко.

В его глазах — интерес. Холодный. Хищный. Я медленно подаюсь телом назад. Рука скользит к тумбочке, и пальцы нащупывают холодный металл.

— Нет.

Он даже не повысил голос, но в груди всё сжимается так, что становится трудно дышать.

— Это сон...

Он молчит. Тело готовится к рывку, ноги напрягаются. Срываюсь с места и бегу к стене рядом с дверью. Он даже не шелохнулся, просто смотрит. Слишком внимательно. Перевожу взгляд на свои дрожащие руки, на пол — там мои ноги, босые, на ковре. Я не выдерживаю. Подбегаю к двери.

Он уже там.

— Быстрая.

— Не подходи. — Выдыхаю, отступая назад.

— Или что?

Демон делает шаг.

— Ты правда думаешь, что у тебя есть "или"? — произносит он.

Я не думаю, просто действую. Рука срывается вперед. Он перехватывает её мгновенно, не глядя. Пальцы сжимают запястье, как наручники. Дёрнулась — бесполезно.

— Пусти!

Пиная его в голень, он даже бровью не повёл.

— Больно, — говорит демон с иронией. — Я сейчас расплачусь.

Протягиваю руку, сама не знаю зачем. Хочу дотронуться — может всё-таки исчезнет. Пальцы касаются его груди. Горячая. Я отдёргиваю ладонь.

— Живой.

Демон чуть щурится, глядя на место, где я дотронулась.

— Не трогай.

Он сжимает пальцы сильнее, мне кажется, что кость вот-вот хрустнет.

— Нам пора.

Не вопрос, не предложение.

— Куда? — я ничего не понимаю.

Какой ещё демон? Это сказки для детей, чтобы не баловались.

— Домой. Ко мне. — Он улыбается. — У тебя я побывал, приглашаю с ответным визитом.

— Нет, спасибо, — тихо шепчу я.

Вблизи я могу рассмотреть его лицо. Красивое. Слишком красивое для...демона. В нос бьёт сладковатый запах. Озон? И железо. Старое железо. Кровь.

В миг комната начинает дрожать, я смотрю на пол и вижу только свои ноги, под ними — ничего. Бездна. Страх окутывает тело с новой силой, цепляюсь второй рукой за рубашку демона, он не отталкивает. Все вокруг вращается, становится дурно. Стены плывут, потолок уходит вверх, мир закручивается в воронку. Воздух заканчивается, я открываю рот, но не могу вдохнуть.

— Дыши, — звучит как приказ.

И я понимаю, что задержала дыхание с того момента, как он схватил меня за руку. Только делаю вдох, и глаза застилает темнота.

Глава 6. Хранитель

Ловлю взгляд её темных глаз, в них отражается страх и непонимание. Она отключается, ожидаемо, но я думал, что это случится раньше. Успеваю поймать за талию, тело лёгкое. Её костяшки побелели от того, какой хваткой она вцепилась в мою рубашку.

Забавно.

Переход разрывает пространство, ткань мира расходится без звука, без света – просто перестаёт существовать.

Ад встречает мрачным звуком цепей, отдалённых стонов. Сбоку раздаётся мягкое урчание, белая кошка сидит на камне, смотрит на меня.

— Что-нибудь необычное заметила?

Животное медленно моргает, переводит взгляд на девушку.

— Сильная? — уточняю.

Она чуть склоняет голову и два раза моргает.

— Она гладила тебя, — говорю я.

Кошка замирает, смотрит на меня с любопытством.

— И ничего? — спрашиваю.

Она медленно качает головой.

Интересно.

Кошка — усилитель. Её прикосновение не опасно само по себе, опасно то, что идёт следом. Последние кошмары я посылал через неё, животное впитывает их, делает гуще, плотнее, почти осязаемыми. Когда человек гладит, он получает не просто кошмар, а всё, что накопилось в ней за это время: страх, боль, отчаяние.

Девушка гладила её. И ничего. Кошмары по-прежнему приходили к ней, но стена не пропускала их в душу.

— Ясно, — говорю.

Киара спрыгивает с камня, в полёте тело начинает меняться. Шерсть сгущается, становится тяжелее, тело растягивается, наливается мощью, лапы утолщаются, когти выходят из подушечек — длинные, как кинжалы.

Приземляется уже не кошкой.

Белая львица с чёрными полосами, которые текут по шкуре, как смола. Глаза те же янтарные, но в них больше нет ничего кошачьего, только холод и расчёт. Животное медленно уходит в сторону замка.

Я перемещаю взгляд на девушку. Глаза закрыты. Грудь равномерно вздымается.

Дышит?

Она не должна дышать...

Здесь другой воздух, не такой, как на Земле. Ад не для живых. Тела здесь задыхаются в первые минуты, души выходят наружу, и только тогда мы можем их забрать. Но это против правил.

Я наклоняюсь к её лицу ближе.

Вдох.

Выдох.

Вдох.

Это неправильно. Прислушиваюсь к себе, пытаюсь понять, что именно меня настораживает и слышу.

Не лёгкие.

Не воздух.

Её душа.

Она пульсирует в такт дыханию, расширяется и сжимается, заставляя тело подчиняться. Так не бывает.

Касаюсь её шеи, проверяю пульс. Сильный. Слишком сильный для человека без кислорода. И в этот момент меня окутывает запах сандала, запах чистоты. Настолько чистый, что даже голова немного гудит. Чужой для этого места.

— Ты решил нарушить все законы Ада и принёс сюда человека? — сзади раздаётся голос, — так это ещё и девушка.

Я поворачиваюсь, держа девушку на руках. Брат. Всё та же липкая улыбка. Он переводит взгляд на неё, задерживается дольше, чем нужно.

— Никогда их не видел, Азазель? — парирую, — не удивлён.

— А она хорошенькая, жаль только скоро подохнет, — он пропускает мою реплику мимо ушей. — Или если не подохнет, может поделишься?

В груди зло кольнуло от его слов и мерзкого взгляда. Животное. Я не отвечаю, молча разворачиваюсь и улетаю в свои владения.

Дверь в комнату открывается с протяжным жалобным скрипом. Аккуратно кладу девушку на кровать. У входа уже стоят трое низших. Бесформенные, серые, с тупым взглядом.

— Следить, не трогать, — отдаю чёткий приказ. Они синхронно склоняются.

Снова перевожу взгляд на девушку. Её тело напрягается, веки подрагивают, слышу стук сердца, чувствую душу. Она светится изнутри, зовёт. Дотрагиваюсь до виска, хочу попасть внутрь ещё раз.

Стена.

Я давлю сильнее.

Не получается. Душа будто запечатана. Раздражение вспыхивает мгновенно.

— Что же ты такое...

В голове появляется картинка, как она металась по комнате в поисках своего спасения.

От меня.

Она не боялась меня, как другие. Да, тряслась, но в глазах горело что-то ещё. Упрямство. Жизнь.

А потом дотронулась до меня, я этого не ожидал. Никто не дотрагивается до меня добровольно. Меня всегда молили о пощаде, тыкали в лицо крестиком и поливали святой водой. Не работает, это всё сказки.

Детство в аду — это выживание. Мать не нянчится с ребёнком, она его бросает сразу же, как только тот научится ходить.

Я видел свою мать один раз. Она посмотрела на меня безжизненными глазами, склонила голову и ушла. Мне было три года. Я ничего не чувствовал: ни жалости, ни горя, ни радости.

Один раз за непослушание скинули в Яму. Это бездна, похожая на тюрьму, только там неограниченное пространство, почти бесконечное. Там нет стен, пола, потолка, света. Даже тьма — это слишком много для Ямы. Только пустота, которая давит на глаза, даже когда они закрыты. Там нет звука: ни шагов, ни дыхания, ни твоего собственного голоса. Горло работает, лёгкие сжимаются, но звук гаснет, едва родившись. Там нет себя. Я помню, как кричал и ничего не слышал, как смотрел на свои руки и не понимал, чьи они. Тишина была самым худшим испытанием.

Я плутал там месяцы или годы, не знаю. Когда меня помиловали и вызволили — я почти забыл своё имя.

Из обрывков воспоминаний вытаскивает тихий шелест движения.

Она прижимает колени к груди и съёживается. Инстинкт, даже без сознания. Наверное, холодно. Я тянусь за одеялом и накрываю её до головы. Если окоченеет и умрёт — душа уйдёт к ангелам, а мне этого не надо.

— Серьёзно? — голос у двери.

Морт.

— Она замёрзнет.

— В Аду? — он тихо смеётся.

Молчу.

— За тысячу лет ты никого не укрывал. — Произносит друг.

Пауза.

— Никого, — отвечаю ему.

Я сжимаю челюсть:

— Она не должна умереть.

Тишина.

— Что ты будешь с ней делать? — спрашивает демон. — Если она будет долго в таком состоянии, то умрёт.

— Без тебя знаю, — огрызаюсь.

Меня напрягает, что уже сразу два демона знают о присутствии человека в Аду. Это может плохо кончиться. Для меня.

— Свали.

— Как прикажете, благословенный Хранитель, — с усмешкой произносит Морт перед тем, как закрыть дверь.

Мы остаёмся одни. В комнате тихо, чересчур тихо. Я щёлкаю пальцами, и в углу вспыхивает огонь, треск дров наполняет тишину. Легче.

Что мне с ней делать?

Убить? Жалко.

Отпустить? Глупо.

Сломать? Возможно.

Да.

Девушка начинает приходить в себя. Дыхание меняется, пульс ускоряется. Я беру её на руки и лечу вниз. Глубже. Туда, где даже низшие стараются не задерживаться.

Тюрьма.

Коридоры становятся уже. Факелов всё меньше, света почти нет, только густая, плотная, почти осязаемая тьма. Воздух здесь холодный, сырой, пахнет ржавчиной и чем-то гнилым. Стены грубые, необработанные, камень торчит острыми краями.

Тюремный уровень.

Я лечу к самому дальнему блоку. Тому, что граничит с подземельями, куда не доходит даже эхо Ада. Здесь никто не ходит, никто не услышит криков. Дверь тяжёлая, кованая, с ржавыми петлями, открывается с трудом. Внутри камера. Три шага в длину, два в ширину, пол каменный, холодный, стены в трещинах.

Разжимаю руки, и девушка падает, тело глухо ударяется о камень. Оборачиваюсь. Решётка из толстых чугунных прутьев, грубые, с заклёпками. Провожу по ним рукой. Тьма течёт из пальцев, обволакивает металл. Замок щёлкает — не обычный, а магический, снять его могу только я.

Задерживаюсь у решётки дольше, чем нужно. Смотрю на неё. На бледное лицо, на расчёпанные волосы, на руки — они всё ещё сжаты в кулаки, даже без сознания.

— Прости, — произношу тихо. Это слово выходит само, я не планировал его произносить. — Но твоя душа моя.

Кривая жестокая улыбка сама появляется на моём лице.

Решетка закрыта. Света нет. Только тьма.

Глава 7. Кора

Холодно. Очень холодно и больно.

Я делаю вдох, и кости внутри будто ломаются. Не могу дышать.

Вдох.

Лёгкие обжигает.

Вдох.

На щеках появляются мокрые дорожки от слёз.

Вдох.

Горло раздирает. Будто воздух слишком плотный, тяжёлый, и моему телу приходится прилагать усилие, чтобы его пропустить. Как будто ташу в груди что-то увесистое. Это не удушье. Это сопротивление. Мир не хочет, чтобы я здесь дышала.

Вдох.

Выдох.

Мышцы сводит от перенапряжения. Веки стали будто свинцовыми. Я прищуриваюсь. Темнота, гладкий ледяной пол, стена, вонь. Тошнотворный запах бьёт в нос, меня почти выворачивает наизнанку.

Что это за место?

В памяти вспышками появляются фрагменты. Крылья. Колкие глаза. Дом. Полет.

Демон.

Это сон?

Я закусываю губу, она трескается, чувствую солоноватый вкус во рту.

Не сон.

Пытаюсь подняться, но падаю на колени. Пол обдирает кожу, холод от камней доходит до костей, спина покрывается ледяными мурашками, зубы скрипят. Я обхватываю себя руками, пытаюсь согреться — получается плохо. В помещении очень темно, вижу лишь очертания ближайшей стены.

— Сладкая, — доносится шепот откуда-то сбоку.

Волосы встают дыбом. Я резко оборачиваюсь, в глазах темнеет, но никого не вижу.

— Красивая, — тот же самый голос. — Вкууусная.

Я не хочу знать ответ, но рот открывается сам:

— Кто здесь? — слова даются с трудом.

Не могу нормально вздохнуть. Голос хриплый, дрожит. Воздух другой, как будто нет кислорода.

— Протяни руку, — его фраза звучит с мольбой.

Ползу подальше от голоса.

— Дрянь, — шепот уже не похож на мольбу.

Я молчу, нет сил ответить или что-то ещё спросить.

Глаза медленно привыкают к темноте, проглядываются очертания решётки. Три стены. Поворачиваю голову и вижу маленькую щель. Оттуда прямо на меня смотрят красные глаза.

Они не моргают.

Существо не просто смотрит, оно облизывается. Мерзкий, раздвоенный язык проходит по кривым острым зубам. Слышу, как слюна капает на камень. Желудок прилипает к позвоночнику. Холодный пот проходит по спине. Я сгибаюсь пополам и меня вырывает прямо на пол, во рту появляется тошнотворный привкус желчи.

Вытираю губы дрожащей рукой и ползу на четвереньках вдоль стены, подальше от щели, подальше от этих глаз. Ложусь на пол. Наступает абсолютная тишина. Слышу только своё сердцебиение. Раз. Два. Три. Четыре...

Помещение начинает кружиться. Перед глазами бегают мушки, я на секунду их прикрываю. Настойчивый металлический стук заставляет их распахнуть.

— Ты очень много спишь, — человек напротив стоит за решёткой.

Чувствую, как что-то появляется за спиной, поворачиваю голову — верёвки. Они медленно окутывают мои руки, плавно, потом резко сжимаются.

Дёргаюсь, но от этого они затягиваются туже. Такая же верёвка завязывается на шее.

— Где? — сдавленно произношу.

— В Аду. В тюрьме, — спокойно отвечает человек.

Я разглядываю его. Высокий. Крепкого телосложения. Поднимаю взгляд выше и замираю.

Это он.

В нос бьёт запах дождя.

— Давай договоримся. Я задам тебе пару вопросов, — произносит демон. — Ты на них ответишь. Я тебя отпущу.

Я молча сжимаю зубы.

— Приму это как за «да».

— Имя. — Произносит демон.

— Кора.

Верёвки ослабевают.

— Где ты родилась?

— Лондон.

— Кто твои родители?

Это личное. Это только моё.

Верёвки стягиваются сильнее.

— Мертвы, — еле выдавливаю.

— Я знаю. Имена.

— Анна и Джеймс.

Он делает паузу, будто проверяет данные в своей голове, сопоставляет.

— Ты веришь в Бога?

Вопрос сбивает меня с толку.

— Что?

— Ты веришь в Бога? — повторяет демон.

Я не знаю, что ответить.

Правда.

В Бога? В того самого, который позволяет демонам забирать людей? Который забрал моих родителей в грозу, оставив меня одну в доме, полном их вещей?

Я не злюсь на него. Просто...не знаю, есть ли он вообще. А если есть — то зачем?

— ...не знаю, — говорю честно.

Верёвки стягиваются мгновенно, не успеваю вдохнуть, рот открывается в поисках воздуха.

— Неправильный ответ.

— Я верю, что есть вещи хуже, чем Ад! — хриплю. — И ты этому прямое доказательство.

Демон замирает. Пространство вокруг будто накаливается, становится жарко. Я поднимаю взгляд и натываюсь на ледяные глаза, охваченные злостью.

— Что внутри тебя?

— Ничего.

Верёвки всё так же стянуты, ещё чуть-чуть — и упаду в обморок.

— Ты врешь.

— Я...не...знаю... — слова выходят с трудом.

Тишина.

Верёвки падают.

Хватаю ртом воздух и тут же оглядываюсь. Я одна. Пытаюсь дышать ровно — не получается. По щеке скатывается слеза. Только не сейчас. Зажимаю уши и забиваюсь в угол.

Когда шаги затихают, холод возвращается. Он не просто окружает — он проникает под кожу, заползает в разрезы на запястьях, где ещё минуту назад были верёвки. Кожа горит, будто её облили кислотой. Прижимаю руки к груди, пытаюсь согреть — пальцы немеют.

Тишина становится тяжёлой. Она давит на барабанные перепонки сильнее, чем воздух. Мне кажется, что темнота вокруг сгущается, становится вязкой, как смола.

Я боюсь пошевелиться. Вдруг она заметит? Вдруг темнота услышит стук моего сердца?

Лежу, не дыша.

Жду.

Но никто не приходит. Только время. Оно тянется, как резина. Секунда растягивается в час, минута — в вечность. Страх притупляется, остаётся только онемение.

Я закрываю глаза.

Открываю их рывком.

Сколько времени прошло?

Красные глаза в щели. Совсем близко. Тварь смотрит прямо на меня, не шевелится, не дышит. Я не кричу, просто замираю, глядя в эти красные точки, которые не моргают, не отступают, не исчезают. Не знаю, сколько мы так смотрим друг на друга. Может, минуту, может, час. Потом она отстраняется. Слышу, как её тело скребёт по камню, как язык облизывает губы. Шорох затихает.

Снова закрываю глаза.

Что-то падает на пол. Глухой удар.

Я не открываю глаза сразу, боюсь увидеть снова эти красные точки. Но запах...запах хлеба. Тёплого, свежего. На полу, в метре от меня, лежит кусок хлеба. Обычный, серый, с коркой, рядом — штаны и кофта. Простые, тёмные, с длинным рукавом. Тонкие, но чистые. Желудок сжимается так сильно, что я опять сгибаюсь пополам, во рту собирается слюна.

Не выдерживаю.

Хватаю хлеб, впиваюсь зубами. Жую, почти не прожёвывая, глотаю большими кусками, давлюсь, кашляю, но не могу остановиться. Слезы текут по щекам, смешиваясь с крошками.

Снимаю с себя рваные, грязные тряпки, что были на мне. Натягиваю штаны, кофта падает на плечи свободно, скрывая синяки и ссадины. Ткань холодная. Я обхватываю себя руками, сжимаю пальцы на предплечьях, голова гудит, веки сами закрываются.

Когда открываю — ничего не меняется. Та же стена, та же темнота, тот же запах. Смотрю на хлебные крошки на полу, на свои руки, на новый рукав кофты. Всё на своих местах.

Я снова закрываю глаза.

Открываю.

Пробую встать — ноги дрожат, но держат. Делаю несколько шагов вдоль стены, считаю.

Раз. Два. Три. Четыре. Пять.

Упираюсь в угол. Разворачиваюсь. Снова считаю. Снова пять. Сажусь, вглядываюсь в темноту. Хлебных крошек уже нет. Кто-то убрал. Или я съела их? Не помню. Пытаюсь вспомнить, сколько раз я уже открывала глаза. Десять? Сто? Тысячу?

Разницы нет.

Всегда одно и то же.

Стена. Тишина.

Ничего не меняется.

Я засыпаю, просыпаюсь, засыпаю, просыпаюсь. И между этими моментами — пустота. Ни снов, ни мыслей, ни себя. Только стены. Только темнота.

Здесь нет времени, поэтому я считаю удары сердца. Сбиваюсь на тысяче, потом сбиваюсь на том, что сбилась.

Желудок сворачивается от боли. Меня тошнит, но рвать больше нечем. Справа за стенкой — нечто с красными глазами и жуткой улыбкой. Слева — тоже кто-то есть. Кто-то маленький, тихий и слабый. Почти как я. Иногда слышу, как заходят в эту камеру, звенят цепи, и жалобный голос просит остановиться. Пытаюсь заговорить с ним — в ответ всегда тишина.

Мне одиноко.

Я так больше не могу. Я готова пройти ещё один допрос, лишь бы не оставаться одной. Скатываюсь спиной по холодной стене, её обдирают острые камни. Мне всё равно.

Тук. Тук. Тук. Тук. Слушаю сердце. Считаю.

Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть...

Не помогает.

— Чёрт! — внутри всё взрывается от отчаяния. Бью кулаком в стену. Ничего не меняется. Бью второй, третий раз, пока с костяшек не начинает капать кровь.

Поворачиваюсь к загадочному соседу слева.

— Скажи хоть что-нибудь! — дрянная клетка, дрянная дверь.

Раздаётся шорох из щели справа:

— Не ори, — голос низкий, скрежещущий, будто камни трутся друг об друга. — Ты мне спать мешаешь.

— Спать? — я чуть не смеюсь. — Здесь?

— Мы тут живём.

Замолкаю. Живут. Я тоже теперь здесь живу?

— Кто ты? — спрашиваю.

— Раньше был демоном, — голос скрипит, как ржавое железо. — Потом провинился.

— В чём?

— Слишком много захотел, слишком много взял. — Он облизывает губы длинным языком.

— Почему ты не бежишь?

— Куда? — он смеётся. Смех переходит в кашель. — Меня сковали тьмой. Без нормальной еды я не могу использовать свои силы. Могу только жрать то, что кинут, и ждать, пока не сохну.

В тюрьме одиночество другое. Раньше я думала, что это про пустой дом, про разговоры с могилами, потому что больше не с кем. Здесь же оно другое. Не снаружи, а внутри. Оно заползает в лёгкие с каждым вдохом, пульсирует в висках. Я не чувствую себя живой.

Может, меня уже нет? Может, я умерла в полёте, и это просто воображение, которое не знает, как остановиться?

Щипаю себя. Больно. Значит, живая. И от этой правды хочется выть, но не произношу ни звука. Обхватываю колени руками и смотрю в пол. Только сердце стучит.

Считаю. Тук-тук-тук.

В голову бьёт воспоминание.

Мне лет пять. Я лежу в кровати ночью, за окном гроза. Мама сидит рядом, гладит по голове, напевает песню. Она придумала её специально для меня. Я очень боялась темноты.

«Нечего бояться темноты, — говорила она. — В ней просто нет света. Но чтобы свет появился — обязательно нужна тьма».

И вдруг — голос.

Изнутри.

Тот, что я не слышала больше года.

Мамин.

Она поёт ту самую песню. Негромко, будто сквозь сон. Я замираю. Дыхание останавливается, боюсь спугнуть. Закрываю глаза и зачем-то открываю рот. Сначала тихо, почти беззвучно, губы шевелятся, а звук застревает где-то в горле, не решаясь выйти наружу.

— За высокими небесами, — шепчу, — где не тают облака...

Слова приходят сами, не помню, когда выучила это. Мама всегда пела её, когда я просыпалась среди ночи в поту.

— Кто-то светит нам ночами,

Кто-то ждёт у огонька...

Губы дрожат. В горле ком. Но я продолжаю.

— А под нами, глубже, ниже,

Где не видно даже снов,

Кто-то дышит, кто слышит

Тихий звук твоих шагов.

Замолкаю на секунду, внутри разливается тепло. Крошечное, слабое, почти незаметное, но оно есть.

— Не бойся ни дня, ни тьмы, — продолжаю шептать. — Обе внутри — это мы...

Встанешь, когда упадешь,

Равновесие в себе найдешь.

Последние слова тонут в тишине.

Я держу глаза закрытыми. И передо мной появляется мама. Она вновь поёт эту песню. Её голос успокаивает, убаюкивает. Веки тяжелеют. Кажется, вся тюрьма замерла, и только один демон, стоящий в тени, задумчиво смотрит на спящую девушку.

Сквозь сон пробивается тихий плач из клетки слева.

Глава 8. Хранитель

Ненавижу тишину.

Всегда ненавидел.

В ней нет ничего, кроме пустоты, а пустота напоминает Яму. Там было так же — ни звука, ни света, ни времени, только стены, которые сжимаются, и я, который постепенно забывает про собственное существование.

Сначала исчезают мысли, потом желания, а за ними и ты сам.

Шум — это жизнь. Шум — это я.

Но здесь...

Я стоял в тени и слушал.

Она пела. Тихий, сломанный голос, который дрожал, но не срывался. И в этой тишине не было пустоты, наоборот, она была живая. Я ненавижу тишину, но эта не пугала.

Перевожу взгляд на лицо девушки.

Она спит. Или нет?

Здесь трудно понять, может, без сознания, может, притворяется. Или просто не хочет открывать глаза. Я бы на её месте тоже не открывал. Делаю шаг ближе, камень под ногами скрипит едва слышно, но звук режет пространство. Девушка даже не дёргается.

Грязная, худая, синяки на руках и шее. Дышит тяжело — каждый раз словно воздух режет изнутри. Должна была давно сдохнуть, тела здесь не живут. А она дышит. Каждый вдох звучит как усилие, как будто его нужно проталкивать внутрь силой.

У меня есть души. Тысячи. Я мог бы сидеть в своей башне, перебирать их, слушать, как они кричали и ломались, как пытались договориться.

Например, душа алчного отца, который продал единственную дочь за деньги. Она пахнет жадностью и страхом быть бедным. Или душа женщины, которая не вытерпела измену мужа и отравила его. Она горькая, с привкусом мёда и яда.

Все они интересны по-своему, все они — мои. Но после неё мне скучно с другими. Слишком простые, слишком понятные. Загадки нужно ломать, или они начинают ломать тебя. Кошмары, побег, страх. Интересно смотреть, как человек мечется, когда выхода нет.

А ещё — стена.

Я чувствую её душу. Она есть, светится, зовёт, но когда я тянусь — стена. Холодная, чужая. Я бью — она держится.

Не понимаю.

Заходил в её сны — вышвырнуло. Я давил страхом, голодом, одиночеством — она гнётся, но не ломается.

Это бесит.

Я хочу узнать, что там, хочу добраться до того, что внутри, увидеть, как она сломается. Или что будет, если не сломается. Мне не нужно, чтобы она жила, не нужно, чтобы она страдала. Мне нужно понять. Она — задача, головоломка, редкий экземпляр, который не поддаётся.

Я наклоняюсь ближе.

— Что ты такое? — тихо говорю.

Девушка не отвечает. И не должна.

Я вернусь. Завтра. Послезавтра. Через неделю. Потому что она не сломалась, а я не люблю проигрывать.

— Ты... — спокойный шёпот разрывает тишину.

Я поднимаю взгляд. Тёмные, как ночь, глаза смотрят на меня, в них плещется ненависть, злоба, обида, но только одно чувство цепляет — презрение. Она смотрит так, будто я не демон, а насекомое, которое случайно село на её руку. Это бесит больше, чем страх.

Подхожу ближе, наклоняюсь, вглядываясь в её лицо.

И тут...

Что-то касается моей щеки.

Тёплое.

Медленно сползает вниз.

Я поднимаю руку, провожу пальцами.

Вода?

Нет.

Слюна.

Гнев поднимается мгновенно, одним горячим, душным ударом. Чувствую, как кровь тяжелеет, приливает к лицу, как пальцы сами собой сжимаются. Выбрасываю руку вперёд и хватаю её за горло. Не резко, а так, чтобы она почувствовала момент, когда ещё могла дышать.

— Поиграть решила? — шиплю сквозь зубы. — Запомни, я тебе здесь царь и Бог.

— Иди к чёрту, — выплёвывает она.

Хватка становится сильнее. Она пытается отбиться, царапает ногтями, но я даже не чувствую боли, только её пульс под пальцами — быстрый, но ровный.

Она не боится.

Я жду.

Сейчас.

Сейчас должно появиться.

Но страха нет.

В ней нет того липкого, панического ужаса, который я привык смаковать. Есть что-то другое. В комнате становится тише. Я сам не заметил, как пространство сжалось, подчиняясь моему настроению, так бывает, когда я раздражён.

А я раздражён.

Она закрывает глаза, вижу, как шевелятся её губы.

Раз. Два. Три.

Воздух с трудом проходит в лёгкие, но она всё ещё держится. Девушка резко открывает глаза, и в них — чистая ярость, непривычная для той, кто должна быть жертвой.

— Отпусти, — хрипит она.

Я прищуриваюсь. В её глазах нет мольбы, только требование.

— Иначе? — спрашиваю девушку.

Она не отвечает, просто смотрит прямо, не отводя взгляд.

Секунда.

Вторая.

И вдруг я чувствую это. Что-то внутри неё щёлкает. Как будто где-то глубоко, там, где прячется её душа, трескается лёд. Мои пальцы сжимаются сильнее, но в этот раз неуверенно.

Первый раз за тысячу лет я не уверен.

— Что... — начинаю.

Она не даёт договорить. Свободной рукой слабо толкает меня в грудь, но я чувствую это. Не силу. Не удар. Что-то проходит сквозь меня, как лезвие через туман.

Отшатываюсь.

На шаг.

Не потому, что она сильнее, а потому что внутри меня что-то дёрнулось, то, что я не контролирую. Смотрю на неё, она сама замерла, в глазах — удивление, непонимание.

— Повтори, — говорю тихо.

Делаю шаг к ней, девушка подаётся назад. Я тянусь к её руке, хочу понять, что это было. Касаюсь.

И отдёргиваю пальцы, как от огня.

Жжёт.

Слабо, но жжёт.

Не кожу — глубже. Там, где нет плоти, нет костей. Смотрю на свою ладонь, на ней ни следа, ни ожога, но память о прикосновении осталась, она пульсирует где-то внутри.

— Интересно... — шепчу.

Впервые в этом слове нет легкости, только напряжение. Девушка сжимает кулаки, её сердце ускоряется, но это не страх.

— Я не твоя игрушка, — шипит она.

Голос дрожит.

Я молчу.

Смотрю на неё, на её лицо, веснушки, на руки, сжатые в кулаки, готовые ударить. Она готова драться со мной? С демоном, который старше на тысячу лет? Делаю шаг ближе, мы стоим почти вплотную. Её дыхание прерывистое, горячее. Вижу, как расширены зрачки, как вздрагивают ресницы. Наклоняюсь, заглядываю прямо в глаза.

— Я ещё не начинал играть, — произношу тихо с полуулыбкой.

В этот раз это звучит не как угроза, скорее как обещание. Выпрямляюсь и иду к выходу, шаги гулко отдаются в коридоре. Дверь протяжно скрипит, металл громко бьётся о камень, и в голову вновь бьют звуки Ада.

Крики.

Цепи.

Шёпот.

Я поднимаюсь в свои владения. В комнате снова тишина. Зажигаю в камине костёр, пламя взвивается, брёвна трещат.

Что это было?

Она не ангел, не демон, а просто человек.

Обычный.

Повторяю это слово, но оно не ложится, не прирастает. Обычный человек не смог бы меня оттолкнуть. И это чувство, что осталось внутри после... оно не проходит. Будто застряло под рёбрами.

Жжёт.

Тихо, не больно, но настойчиво, как напоминание. Провожу ладонью по груди. Ничего. Но внутри — не пусто, там теперь её прикосновение.

Это выводит из себя.

Тихий стук в дверь вытягивает из размышлений.

— Да.

Внутри сначала протискивается светлая голова, потом руки, а за ними и всё тело.

— От твоего настроения стены дрожат, — говорит Морт.

Он оглядывается, будто ожидает увидеть трещины.

Я хмыкаю. Ещё бы.

Сажусь в кресло и потираю шею. Пальцы находят узел там, где мышцы закаменели. Я не спал несколько суток. В голове образовалась путаница.

— Она в меня плюнула.

Морт буквально на секунду замирает. Вижу, как его лицо начинает меняться — от непонимания к осознанию, от осознания к шоку. Потом появляется улыбка, лицо начинает крас-

нет, демон прикрывает рот рукой, но из него всё равно выходит оглушительный смех. Он отражается от стен, множится, и от этого самому почти становится легче.

Мой гнев потихоньку отступает.

— Ты плюнул в ответ? — спрашивает он в порыве смеха. Глаза блестят, на щеках румянец.

Я формирую в руке небольшой тёмный шарик и кидаю в сторону парня.

— Эй, эй, эй! — Морт уворачивается. — Полегче.

Он садится на кровать, растягивает ноги, успокаиваясь, но улыбка ещё не сошла полностью.

— Что ты сделал?

— Думал её убить...

— Убил? — шепчет он.

В голосе появляется что-то, чего я раньше не слышал. Беспокойство?

Молчу.

Брови Морта поднимаются вверх.

— Зачем? — он повышает голос, почти кричит.

— Не убил.

Смотрю на него, в глазах плещется настоящее беспокойство.

— Ты переживаешь за неё?

Морт замаялся, будто я спросил, хочет ли он её поиметь.

— Она интересная.

— Не она. Её душа, — поправляю я.

Перебираю в голове варианты. Кто мог её защитить? Ангелы? Нет. У них нет такой силы — прятать душу так глубоко, чтобы я не мог до неё добраться. Другие демоны? Смешно. Никто из высших не станет возиться с человеком, а низшие не способны на такое.

Значит, дело не во внешней защите, дело в ней самой.

Но что в ней такого?

Я закрываю глаза, пытаюсь снова нащупать её душу. Её нет. Она должна быть — но её нет. Чёртова стена. Не могу пробить её силой. Может, смогу понять? Понять, кто она, откуда, что сделало её такой. Кто-то же знал, кем она растёт, кто-то видел, как она становится той, кто способен сопротивляться демону. Может, этот кто-то оставил след, книгу, запись.

Или предупреждение.

Я тут же цепляюсь за мысль.

— Мне пора, — говорю другу. — Передай Эшит, чтобы проверила северную часть.

Морт открывает рот, но я уже взмахиваю рукой. Пространство передо мной расходится, как ткань под ножом. Портала не видно, только дрожащий край, за которым находится другая реальность.

Делаю шаг.

Лондон. Вечер. Улица пуста.

Я стою напротив её дома. Кирпичного, с облупившейся краской на дверях. Окна тёмные. Никого. Дверь закрыта, я выбиваю её плечом. Она поддается не сразу — дерево трещит, но держится. Бью сильнее, петли сдаются с визгом, и дверь падает внутрь, поднимая облако пыли. Внутри пахнет забвением, старым деревом, сухими травами, чем-то ещё едва неуловимым. Её запахом.

Поднимаюсь в комнату. Кровать не застелена, на тумбочке стоит пустая кружка, на стуле висят джинсы, брошенные наспех. Как будто она ушла на минуту и скоро вернется.

Но не вернется.

Осматриваю все ящики, тумбы, вещи, перебираю бумаги, старые чеки, билеты в кино. Ни одной зацепки, ничего, что объяснило бы, кто она такая. Рассматриваю фотографии на стене. Её родители. Она с широкой улыбкой, волосы разметались, глаза горят. Я перечисляю всё, что вижу: мать, отец, дом, голубое платье, непонятное слово, светлое небо, бабушка

Слово.

Сердце пропускает удар.

Вглядываюсь внимательнее. Знак. Не человеческий. Я его помню. И мне это не нравится.

Tenebrae.

Его едва видно на книге, которая лежит на столе позади девушки. Буквы тонкие, почти стёртые, но они есть. Перебираю в голове все знания, которые вкладывали в меня несколько сотен лет. Место — нет. Время — нет. Жизнь — нет

Тьма.

Это слово — тьма.

Но почему оно здесь? Почему на её фотографии? Я хватаю снимок, пальцы сжимаются слишком сильно так, что уголок мнётся. Плевать.

Пора возвращаться.

Но вдруг:

— Кора! — слышится крик с первого этажа.

Я не двигаюсь, замираю, превращаясь в статую. Странное чувство внутри.

— Кора, что с дверью? — кричит кто-то.

Руки постепенно чернеют, набираясь энергией, тьма сгущается на пальцах, готовая выплеснуться.

Слышу звук шагов на лестнице. Скрип осторожный, старческий, но упрямый. Отхожу в тень и сливаюсь с ней, ткань пространства принимает меня, укутывает, прячет.

Жду.

В комнату входит пожилая женщина, она осматривается, переводит взгляд с одного угла на другой, задерживается на кровати и вздыхает.

— Ну что за девчужка. Телефон оставила, — говорит она. Голос тёплый, с лёгкой хрипотцой.

Бабушка.

Женщина поворачивается спиной ко мне и замирает.

Секунда. Другая.

Я не дышу, не двигаюсь, тьма вокруг меня непроницаема. Она не может меня увидеть. Никто не может. Старушка резко хватается телефон, разворачивается и уходит, у двери кидает взгляд прямо на меня.

Прямо. На меня.

Не сквозь, не мимо.

В её взгляде нет удивления. Только...понимание.

Невозможно.

Женщина уже на лестнице, шаги быстро удаляются. Выхожу из тени, собираюсь с мыслями. Оборачиваюсь на место, где я только что стоял. Пусто. Только стена.

Нет.

Она не могла меня увидеть. Я не оставляю следов, не отражаюсь в зеркалах, невидим для живых, если сам не захочу.

Или я ошибся?

Портал раскрывается с тихим шипением.

Лечу к темнице.

В руке — фотография.

На ней улыбается девушка, которая плюнула мне в лицо, а за её спиной — слово, которого здесь быть не должно.

Tenebrae.

Тьма.

Глава 9. Кора

Внутри будто всё перевернули. Меня знобит, желудок сворачивается, пульс никак не может стать ровным. Сажу в углу камеры, обхватив колени руками, и пытаюсь понять, что случилось.

Как я это сделала?

Прокручиваю в голове тот момент снова и снова. Он сжал моё горло. Пальцы ледяные, но жгут, как огнём. Я не могла дышать, не могла думать, только чувствовать.

Страх. Злость. Отчаяние.

Когда демон подошёл слишком близко, где-то глубоко под рёбрами щёлкнуло, как будто внутри меня долго что-то спало, свернувшись в тугой комок, и вдруг проснулось, расправило плечи и вдохнуло. Пустота, которая была там всё время, вдруг начала наполняться чем-то живым, слишком большим для моего тела. Я не знаю, что это было, не знаю, откуда оно взялось, но когда я толкнула демона — это выплеснулось наружу. Сразу после того, как он ушёл, я упала на колени. Руки дрожали и подёргиваются до сих пор, словно кто-то разом забрал все мои силы. И это пугает больше всего.

Не демон.

Не Ад.

А то, что было внутри меня.

Двигаюсь к стене спиной и молча сажу. Камень холодный, но меня уже не пробирает. Что-то мокрое течёт из носа, смахиваю пальцем.

Кровь.

Пальцы становятся липкими. Запрокидываю голову наверх, смотрю в потолок, которого не видно.

— Что ты со мной сделал? — шепчу в пустоту.

Никто не отвечает.

Вдруг в конце коридора вижу слабое свечение. Сначала я думаю, что это галлюцинация, что у меня кровотечение из носа, и скоро начнёт двоиться в глазах. Но свет не исчезает, он пульсирует. То слабый, почти невидимый, то яркий...кто-то зажжёт свечу в тоннеле? Это не похоже на факелы, которые иногда оставляют тюремщики, этот свет другой. Он не жёлтый и не красный, он...белый, чистый.

Никогда такого не видела.

Подползаю ближе, камни больно врезаются в колени, но я не чувствую. Не могу оторвать взгляд. Свечение мигает, будто оно дышит. Заворожённо наблюдаю. Прижимаюсь наполовину к решётке спиной, свет падает на мои руки, и я вижу их впервые за всё время. Бледные, грязные, в садинах. Но в этом свете они кажутся почти красивыми.

Не двигаюсь. Свет убаюкивает, тепло мягко разливается по груди, как будто кто-то гладит по голове. Веки тяжелеют. Тварь справа от меня закопошилась, она что-то шепчет, тоже прижимается к прутьям и жадно облизывается.

— Я его за километр чувствую, — хрипит.

— Кого? - спрашиваю.

— Ангела...

Ангел? Здесь? Они тоже существуют?

Я смотрю на свет, на то, как он пульсирует — медленно, ритмично, как сердцебиение.

Ангелы существуют. Демоны существуют. Ад существует. Что ещё из того, во что я не верила, окажется правдой?

Издали слышится протяжный болезненный стон, не похожий на крики, которые я слышала раньше, этот другой. Он не злой. Он...умирающий.

Свет потухает резко, словно кто-то задул свечу.

Я прикрываю глаза.

Перед тем, как скрипит решётка, тишина становится абсолютной, даже мысли будто замирают. Все вокруг знают: сейчас он придёт. Скрип металла режет уши. Открываю глаза — в камере всё так же темно, но чувствую, что я не одна.

Воздух стал тяжёлым, давящим.

Слышу шаги.

Это он.

Не спешит. Закрывает решётку за собой медленно, как будто уверен, что я никуда не денусь.

И он прав.

Я встаю и вжимаюсь спиной в стену. Сердце колотится где-то в горле. Тварь спряталась в тень своей камеры, даже она его боится. Он изучающе смотрит на меня, близко не подходит, замечает кровь из носа. Взгляд становится удивлённым.

— Это он сделал? — демон кивает в сторону твари.

Я поворачиваю голову к правой камере.

— Нет.

Она мне, конечно, не нравится, но я не хочу оставаться совсем одна.

— Что это? — тон холодный.

В его руках — моя фотография из комнаты. На ней родители. Мне пятнадцать лет. Я стою между ними, лохматая, счастливая, в руках держу букет полевых цветов. Мама обнимает меня за плечи, папа смеётся. Воспоминание накрывает тёплой волной, а потом — холод, потому что этот демон держит моё прошлое в своих руках.

Я смотрю на него и молчу.

— Говори.

От его голоса сердце сжимается.

— Моя фотография.

— Где она сделана?

Злость во мне бурлит, я хочу плюнуть в него снова, хочу выцарапать эти ледяные глаза, но тело не слушается. Страх сильнее.

— В гостиной. До ремонта.

— Книга, — он пальцем указывает на задний фон, на стол, где лежит потрёпанная книга в тёмном переплёте.

Разглядываю размытое пятно на старой фотографии. Это книга моей бабушки.

— Ты знаешь, что на ней написано?

Смотрю на название, на буквы, которые не понимаю, такие я видела только в детстве на обложках книг, что прятали от меня родители.

— Нет.

Демон держит дистанцию, пространство между нами накаляется.

— Откуда она у вас?

— Не помню.

— Сейчас помогу.

Шар из тьмы срывается с его пальцев. Не вижу его, но чувствую. Холодный, плотный, как кусок ночи, спрессованный в комок. Он летит в меня. Я отскакиваю в сторону, не успеваю полностью — задевает плечо. Демон даже не смотрит, попал или нет.

Он знает.

Боль проходит как удар током, точно кто-то разом прижал раскалённое железо к коже. Вскрикиваю, хватаюсь за плечо, пальцы вновь мокрые, все в крови.

— Я не помню, откуда эта книга, — выдавливаю. — Помню только, что бабушка её привезла. Родители иногда открывали её, но мне не давали. Говорили, что для взрослых. А после смерти ... не видела её.

Ещё один шар. На этот раз в живот. Я пытаюсь увернуться, но тело не слушается. Удар приходит точно в цель. В глазах темнеет, воздух вышибает из лёгких. Падаю на четвереньки, меня выворачивает наизнанку, во рту образуется привкус желчи и крови. Он не бьёт по голове или сердцу. Демон хочет помучить меня, хочет, чтобы я взмолилась.

— Я не помню! — кричу.

— Неправильно.

Удар. Снова в плечо. Та же рука. Та же боль.

Сгибаюсь пополам и сжимаю зубы так сильно, что кажется, треснут. Раны глубокие, но не настолько, чтобы умереть. Он знает, где бить, знает, как долго я продержусь.

— Говори, — его голос спокойный, безжалостный.

— Не...помню... — шепчу.

Снова удар. В ногу. Чувствую, как разрывается кожа, как кровь заливает штанину.

— Ты врёшь.

— Я не...

— Все врут, пока боль не становится сильнее правды.

Он делает паузу.

— Посмотрим, когда ты перестанешь.

Его рука вновь чернеет, собирая вокруг себя тьму.

— ПОМНЮ! — крик вырывается сам. — ПОМНЮ!

Шар в его ладони гаснет. Я смотрю на него, на ледяные глаза, на чёрные крылья за спиной. И ненавижу.

Ненавижу так сильно, что внутри снова что-то щёлкает, но не так, как в прошлый раз. Слабее.

Не сейчас.

В голове появляется картинка. Точно такая же книга, но с другим названием, их было две. Одну из них мама сожгла, вторую не успела — папа забрал. Я тогда проснулась от кошмара, выбежала попить воды, дошла до коридора и замерла. Родители стояли на кухне, свет не горел, только свеча. И две книги на столе.

— ...их надо уничтожить, — сказала мама. Голос тихий, но твёрдый.

— А её нам тоже тогда уничтожить? — спросил отец, взглядом показывая на второй этаж. — Мы не можем скрывать её вечно.

Дальше ничего не помню. Я вернулась наверх в комнату и залезла под одеяло с головой. Утром книги уже не было, и никто ничего не объяснил.

Демон внимательно смотрит в мои глаза, он видит, что я что-то вспомнила.

— Говори.

— Была ещё одна такая же, но с другим названием.

— Каким?

Я подношу дрожащий палец к полу, медленно вывожу буквы на слое пыли.

L-U-X.

Лух.

Как только последняя буква касается камня — внутри меня что-то откликается.

Тихо.

Неуверенно.

Брови демона ползут вверх.

— Свет... — шепчет он.

— Книги привезла бабушка, — произношу на последнем издыхании.

Демон смотрит на слово, потом на меня, и впервые его лицо не пустое, оно меняется. Не сильно, но достаточно, чтобы заметить. Демон стирает подошвой обуви буквы на полу.

Я не пытаюсь встать, сил нет. Ни в руках, ни в ногах, ни где-то глубже. Тело будто стало чужим, неподъёмным, каждое движение — через усилие, которого уже нет. Опускаю голову и смотрю в пол, но ничего не вижу, перед глазами пелена. Мысли расплзаются.

Осталась только пустота.

Тихая, спокойная.

И в этой тишине впервые появляется мысль — логичная, простая:

так будет легче.

— Ты меня убьёшь? — слова срываются с губ.

Демон молчит. Я немного отползаю назад. Он не двигается, но всё равно кажется ближе, чем раньше.

— Убей сейчас...

Голос слабый.

— Ты думаешь, я тороплюсь? — спрашивает демон.

Он улыбается.

— У меня есть вечность. — Заканчивает.

Он разворачивается и выходит из камеры, решётка за ним закрывается со скрежетом. Шаги затихают.

Я остаюсь одна.

Смотрю на пол, где только что было написано «Lux». Смотрю на свои руки — грязные, в крови, в ссадинах. Слеза скатывается по щеке. Сначала одна, потом вторая, а после я уже сбилась со счёта.

Сижу, прижавшись спиной к решётке, холод металла уже не ощущается, тело привыкло или просто перестало реагировать.

Взгляд.

Тяжёлый.

Он стоит у двери, не двигается, просто смотрит.

И от этого хуже всего.

Если бы кричал — было бы проще. Если бы злился — понятнее. Если бы бил — честнее. Но он молчит, и в этом молчании есть что-то опасное.

— Подойди, — говорит демон тихо, без приказа в голосе.

Но тело реагирует раньше, чем я успеваю подумать. Делаю шаг, потом ещё один. Останавливаюсь в паре метров, держу дистанцию.

Он замечает.

Конечно, замечает.

Его взгляд скользит по мне медленно, внимательно, как будто он не просто смотрит, а проверяет.

— Я сказал подойти, — повторяет он чуть жёстче, голос остаётся спокойным, но под ним появляется металл.

Сглатываю.

И подхожу.

Ближе.

Слишком близко.

Чувствую его тепло, чувствую, как от него тянет чем-то тёмным, тяжёлым, почти осязаемым.

Замираю.

Он резко поднимает руку. Я вздрагиваю, отшатываюсь на полшага назад, будто он уже ударил.

Тишина.

Мгновение, в котором всё застывает. Его рука висит в воздухе, он не касается меня. Опускаю глаза.

— Я, — голос предаёт, становится тихим. — Я не...

Не договариваю, потому что и так ясно.

Я боюсь.

Его.

Демон медленно опускает руку, как будто любое движение сейчас может что-то сломать.

— Я не трогал тебя, — говорит он, — не бил без причины.

Голос ровный, но слышу в нём напряжение.

— Нет, — шепчу.

Перед глазами вспыхивают его удары.

Кровь.

Раны.

Холод.

Боль.

Дыхание сбивается. Демон на секунду замирает, затем делает шаг ближе. Не отступаю, но внутри всё сжимается.

— Ты всё ещё думаешь, что я сделаю это снова? — спрашивает он.

Поднимаю глаза. Демон смотрит на меня так, будто пытается понять что-то, чего сам не ожидал.

— Посмотри на меня, — говорит он.

Я уже смотрю, но он имеет в виду другое. Заставляю себя не отводить взгляд.

Секунда.

Две.

Три.

Сердце колотится так громко, что, кажется, он слышит. Демон делает ещё шаг. По спине пробегает холод, но не двигаюсь, не отступаю.

Он медленно поднимает руку.

Снова.

Вижу это движение, каждую его часть. Как напрягаются мышцы, как пальцы раскрываются, как он тянется ко мне.

И в этот раз я не двигаюсь.

Стою.

Заставляю себя стоять.

Его пальцы касаются моей щеки. Лёгкое прикосновение, почти невесомое, но тело реагирует так, будто это удар. Зажмуриваюсь на секунду, потом открываю глаза. Он всё ещё здесь, рука всё ещё на моей коже. Но не давит, не сжимает. Просто...касается.

— Я не буду, — говорит он тихо.

И я не знаю, что именно он имеет в виду, но в голосе нет лжи.

И всё равно —

страх никуда не уходит, просто становится другим.

Тише.

Глубже.

— Тогда почему я всё ещё боюсь тебя? — шепчу.

Демон не отвечает сразу, сначала вглядывается в мои глаза, будто пытается проникнуть в душу, достать какие-то ответы. Потом тихо, почти беззвучно:

— Потому что ты должна.

И от этого становится холоднее, чем от любого его прикосновения. Он разворачивается, уходит. Мои ноги подкашиваются, я падаю на колени, сердце стучит где-то в горле. Прижимаю руки к груди, пытаюсь успокоиться. Взгляд падает на решётку.

Она открыта...

Демон не закрыл её, либо забыл.

Моргаю.

Раз.

Второй.

Она не захлопывается.

Свобода.

Слово всплывает в голове, но звучит чужим, неправильным.

Осторожно делаю шаг, будто земля под ногами может исчезнуть.

Ничего.

Ещё шаг.

Выхожу.

По-настоящему.

Воздух за пределами клетки холоднее, глубже, свободнее.

Я не выдерживаю.

Срываюсь.

Бегу.

Коридор тянется вперёд, длинный, пустой. Факелы горят тускло, отбрасывая дрожащие тени, они движутся вместе со мной.

Или...не со мной.

Не оглядываюсь, не могу, если оглянусь — он будет там.

Бегу быстрее. Дыхание сбивается, в груди начинает колоть, не останавливаюсь. Впереди дверь. Я её вижу, почти чувствую.

Выход.

Ещё немного.

Тянусь к ней —

и она исчезает.

Прямо передо мной. Я не успеваю затормозить, врезаюсь в стену, теряю равновесие, хватаюсь руками за воздух.

— Нет... — выдыхаю.

Паника поднимается мгновенно.

Разворачиваюсь.

Бегу обратно.

Но коридор уже другой. Слишком узкий, слишком тёмный. Стена вырастает передо мной, я ударяюсь в неё ладонями и отскакиваю.

И сразу за этим —

смех.

Он повсюду.

Слева.

Справа.

Сверху.

Сзади.

— Беги, — тихо звучит голос.

Оборачиваюсь.

Никого.

Только тьма. Она становится гуще. Плотнее.

Делаю шаг назад.

Ещё.

Упираюсь в стену.

Холодная.

Реальная.

В отличие от всего остального.

Тьма сжимается, чувствую это почти физически, как давление на грудь, на горло. Делаю вдох. Тяжело. Воздуха не хватает. Отхожу в сторону, спотыкаюсь, падаю. Ладони скользят по камню, кожа сдвигается, но не чувствую.

Только страх.

Он внутри.

В кончиках пальцев.

В голове.

Смех.

Громче.

Не помню, в какой момент снова начинаю бежать, просто вдруг оказываюсь в движении — резко, отчаянно, будто если остановлюсь хоть на секунду, тьма снова сомкнётся и уже не отпустит. Длинный, бесконечный коридор тянется передо мной.

Но в этот раз —

впереди есть свет.

Сначала едва заметный. Тонкая полоска, как трещина в камне, потом больше. Я замираю на долю секунды.

Он настоящий?

Или...

Нет.

Мне всё равно.

Бегу к нему, не думая больше ни о чём. Ни о ловушках. Ни о нём. Ни о том, что было до. Только свет. Он становится ярче с каждым шагом.

Теплее.

Живее.

Сердце начинает колотиться так, что заглушает всё остальное. Ещё немного.

Ещё—

Я почти у выхода.

Рука уже тянется вперёд, пальцы раскрываются, готовые коснуться света.

И вдруг—

что-то обхватывает меня сзади.

Резко.

Слишком резко.

Руки.

Жёсткие.

Сильные.

Они впиваются в талию, не давая даже вдохнуть. Я вскрикиваю, инстинктивно пытаюсь вырваться, но хватка только усиливается.

— Куда? — тихо, почти насмешливо у самого уха.

Он.

Не успеваю даже обернуться, как в следующую секунду меня отрывает от земли и швыряет назад. Сила удара выбивает из меня весь воздух. Спина с глухим звуком врежется в камень, голова откидывается, перед глазами вспыхивают искры. Грудь сжимается, я хватаю

воздух ртом, но вдохнуть не получается, лёгкие словно забыли, как это делать. Падаю на бок, сжимаюсь, пытаюсь поймать хоть немного воздуха. Пальцы скользят по холодному камню.

— Далеко собралась? — голос над головой.

Я не поднимаю взгляд.

Не могу.

Страшно.

Чувствую его присутствие всем телом, как тень, которая нависает и не даёт пошевелиться. С трудом делаю болезненный вдох.

— Я... — голос хриплый, почти не мой. — Я думала...

Смех.

Тихий.

Низкий.

— Вот именно, — перебивает он.

Зажмуриваюсь.

Глупо. Глупо было надеяться.

Пытаюсь подняться, но тело не слушается. Руки дрожат, мышцы ноют после удара. Демон не помогает, просто смотрит.

— В следующий раз, — говорит он спокойно, — думай быстрее.

Наконец заставляю себя поднять голову. Тьма исчезает, коридор возвращается. Решётка на месте, я лежу внутри клетки. Как и была. Как будто ничего не было.

Смотрю на него и сразу жалею.

Его глаза — ледяные.

Глубокие.

В них нет ни капли сомнения, ни капли жалости, только холодный интерес. Как будто я не человек, а что-то, что можно сломать и посмотреть, как именно это произойдёт.

По спине проходит холод. Отвожу взгляд.

— Поднимайся, — коротко бросает он.

Не двигаюсь. Не потому что не хочу, потому что боюсь, если подойду ближе — он снова коснётся.

Я сглатываю.

— Не могу, — выдыхаю.

Демон делает шаг вперёд, и этого достаточно. Я вздрагиваю и резко поднимаюсь сама, почти теряя равновесие. Лишь бы он не трогал. Он останавливается, смотрит, и на секунду в его взгляде мелькает что-то похожее на удовлетворение.

— Можешь, — тихо произносит он.

Стою, с трудом удерживаясь на ногах, и не знаю, куда деть руки, куда смотреть, как дышать. Он ближе, чем должен быть. Делаю маленький шаг назад, демон не двигается, но ощущение, что он всё равно рядом, не исчезает.

— Запомни, — говорит он спокойно. — Здесь никому нельзя верить, а мне тем более.

Киваю.

Сразу.

Он замечает это.

И снова этот едва заметный, холодный интерес в глазах, как будто он что-то понял. Про меня. Чего я сама ещё не до конца осознаю.

— Хорошо, — произносит демон.

Разворачивается.

И уходит.

А я остаюсь стоять на том же месте с болью в спине, с дрожью в руках. И с пониманием, которое медленно, очень медленно укладывается внутри:

я не контролирую здесь ничего.
Даже надежду.

Глава 10. Хранитель

Я выхожу из темницы медленно. Интересно, как долго она будет сидеть там, пытаюсь понять, что из произошедшего было настоящим. Шаги глухо отдаются в коридоре, камень под ногами холодный, привычный, в отличие от её взгляда.

Испуганного.

Слишком живого для этого места.

Едва заметно усмехаюсь.

Побегала.

Я дал ей ровно столько свободы, сколько нужно, чтобы она в неё поверила. И ровно столько страха, чтобы в следующий раз сомневалась в каждом шаге. Это всегда работает. Сначала надежда, потом — удар. И в какой-то момент человек сам перестаёт верить, что выход вообще существует.

Провожу рукой по шее, чувствуя остаточное напряжение.

Она быстро учится.

Смотрит.

Думает.

Это интереснее.

Опаснее.

Я поднимаюсь выше, проходя мимо длинных коридоров замка. Тени тянутся за мной, как послушные звери.

Она боится. И правильно делает. Но страх — не главное, главное — чтобы она начала сомневаться.

В себе.

В реальности.

Во мне.

Особенно во мне.

Останавливаюсь на мгновение у узкого окна, за ним раскинулась живая, густая, как кровь под кожей, тьма Ада.

Вдруг...

Резкий крик прознает Ад. Здесь никогда не бывает тихо, но сейчас — слишком громко даже для этого места. Звуки накладываются друг на друга, искажаются, сливаясь в сплошной гул: скрежет металла, вой, треск огня. Всё поднимается вверх, бьётся о своды и возвращается обратно, усиливаясь. Я стою на балконе своей башни, когда небо раскалывается белым.

БАМ!

Снаряд энергии ударяет в стену замка. Камни дрожат, сначала едва заметно, потом сильнее, крошка сыплется с потолка, оседает на плечах, на крыльях. Где-то внизу раздаётся треск — что-то обрушилось. Крик. Не один, а десятки.

Ад просыпается, и он зол.

Поднимаю взгляд.

Ангелы.

Их чересчур много для обычной разведки.

В крови медленно разгорается огонь, он поднимается изнутри, тяжёлый, густой, заполняет грудную клетку, подбирается к горлу. Челюсть сжимается.

— Божьи твари, — лицо искажает кривая улыбка.

Тело окутывает пламя. Оно не жжёт — оно становится мной, частью меня. Крылья меняют цвет с металлического на угольно-чёрный. Одним рывком добираюсь до ангела, он даже не понимает, что я рядом. Крайне медленный. Сжимаю кулак, и тьма срывается с паль-

цев, тысячи мелких игл впиваются в ангела, проходят сквозь его свет, разрывают изнутри. Он кричит недолго, несколько секунд, а затем замолкает навсегда. Крылья медленно теряют своё сияние, руки обмякают, тело падает вниз.

Я уже не смотрю.

Это не самый сильный. Не серафим.

Значит, главный где-то рядом.

БАМ!

Ещё один снаряд сотрясает пространство, он прилетает рядом с моими владениями. В небо поднимаются несколько десятков крылатых небожителей. Я сканирую их быстро, по одному: обычный, слабый, неинтересный. Но один из них отличается аурой, она плотнее и намного тяжелее остальных. Свет вокруг него не просто сияет — он пульсирует, живёт.

Вот и моя цель.

Остальные — шум. Этот — проблема.

Рядом со мной появляются несколько низших, смиренно склоняют головы.

— Убить, — бросаю им. — Главного не трогать.

Они срываются вперёд. Бесформенные существа окружают ангелов, их серые тела мелькают между белыми крыльями, рвут, кусают, не дают подняться. Я же надвигаюсь на серафима. Воздух вокруг начинает плавиться, жар ударяет в лицо даже на расстоянии. Уворачиваюсь в последний момент — белый луч прошибает тьму там, где я стоял только что.

— Слабовато, — говорю ему. — И медленно, очень медленно.

Серафим не отвечает, только сильнее сжимает кулак, и свет вокруг него вспыхивает ярче, агрессивнее. Я бросаюсь вперёд. Крылья режут пространство, скорость такая, что мир размывается в серую точку. Удар — он ставит блок, но я чувствую, как защита вибрирует.

Ещё удар. Ещё.

Он не успевает нанести ответный. Отступает, пытается взлететь, но я хватаю его за горло и кидаю вниз. Трещины на земле разбегаются во все стороны, приземляюсь рядом, серафим пытается встать, но я наступаю на крыло.

Хруст.

Белые перья разлетаются. Он кричит, издаёт первый звук за весь бой. Крик чистый, высокий, нечеловеческий. Я на секунду замираю от неожиданности — такие звуки редко вырываются из ангелов.

И в этот момент он бьёт. Вспышка вырывается из его груди и ударяет меня в плечо. Я чувствую, как горит плоть, как тьма внутри меня содрогается. Дыхание сбивается на несколько мгновений, резко втягиваю воздух, пальцы сжимаются.

Боль.

Настоящая.

Давно такого не было.

Медленно поднимаю на него взгляд. Делаю шаг ближе и бью. Кулак врежется ангелу в лицо с глухим звуком. Его голову вжимает в камень, поверхность под ней расходится паутиной. Он не успевает прийти в себя.

Бью ещё раз.

Сильнее.

С каждым ударом свет вокруг него дёргается, рвётся. Я хватаю его за одежду и приподнимаю.

— Где твои бойцы? — спрашиваю тихо.

Он молчит, смотрит с ненавистью.

Хорошо.

Ненависть — это честно.

Я давлю сильнее, от чего крыло ломается с мокрым хрустом, белые перья пачкаются в крови.

— Где?

— Здесь... — выдыхает он. — Они везде.

В его глазах появляется что-то на грани безумия.

Улыбаюсь.

Смелый, но слабый.

Наклоняюсь ближе, хватаю за горло. Тьма течёт из пальцев, впитывается в его кожу, как вода в сухую землю. Он дёргается один раз, второй. Свет внутри него вспыхивает — не атакой, а агонией. Бьётся, мечется, не хочет гаснуть. Сжимаю пальцы, тьма идёт глубже, до костей, до души.

Он кричит, а потом замолкает, глаза пустеют, тело тяжелеет. Я вытираю руку о его крыло, белое перо прилипает к пальцам — сдираю, бросаю на землю. Отпускаю его и просто стою. Плечо ноет, свет всё ещё жжёт изнутри, как заноза.

Раздражает.

Я поднимаюсь в небо, вижу демонов, которые испепеляют ангелов заживо. Пара быстро улетает с поля боя.

Труссы.

Собираюсь отвернуться, когда замечаю движение. Один из ангелов уходит не так, как остальные. Летит не в ту сторону. В его руках что-то есть...

Крылья рассекают пространство. Почти достаю до него — рука вытянута, пальцы уже готовы сомкнуться. Ещё секунда.

БАХ!

Перед ним открывается брешь. Небо Ада рассекает светлая трещина, и ангел влетает прямо в неё.

Я замешкался.

В его руках...книга.

Они пришли за книгой?

Выжившие ангелы сразу отступают и уходят туда же. Свет затягивается, брешь закрывается, небо вновь становится серым.

Что за?..

Я прокручиваю всё в голове. Слишком слаженно. Слишком быстро. Это было не нападение.

Опускаюсь на землю и осматриваюсь. Трупы. Десятки. Ангелы и демоны лежат вперемешку, их кровь смешивается на камнях, образуя лужи. Белые перья прилипли к черным, чёрные к белым, всё смешалось. Война не разбирает, где свои, где чужие, она просто жрёт.

Где-то вдалеке стонет раненый, я не иду туда, не хочу знать, кто это. Ангел или демон. Если ангел — добить. Если демон — добить тоже. Но не сейчас, сейчас я смотрю на небо, которое затягивается. Светлая трещина, куда улетели ангелы, медленно закрывается, сначала как рана, что ещё кровоточит, затем плотнее, а потом совсем исчезает.

Демоны, которые только что рвали ангелов, замечают меня, расступаются. Азазель смотрит на меня, усмехается, но сам того не замечая, неосознанно делает шаг назад.

— Книга. Они забрали книгу, — говорю брату.

— И всё? — он откашливает кровь на землю. — Ради этого они устроили весь этот цирк?

Я не отвечаю.

Осматриваюсь.

— Найти Эноха. Привести ко мне.

Низшие исчезают. Волна раздражения прокатывает по телу. Я не могу просто стоять на месте, пинаю первый попавшийся камень.

Слишком много вопросов.

Надо отвлечься. Мысль приходит сама. Не вовремя.

Девчонка.

— Тюрьма целая? — спрашиваю у стоящего рядом демона.

— Точно не знаю, один удар вроде пришёлся по темницам.

Взгляд у него испуганный, покорный.

Не к добру это.

Одним взмахом крыльев поднимаюсь на несколько метров вверх. Если тюрьма пострадала, вероятность того, что она сбежала, растёт с каждой секундой. Я быстро окидываю взглядом повреждения.

Целая.

Но...

Небольшая трещина в земле, уходящая вниз, туда, где темницы. Оттуда тянется свет. Слишком чистый для этого места.

Чёрт.

Заключённый ангел.

Уже собираюсь рвануть вниз, как слышу сзади хлопки крыльев. Передо мной склоняется пожилой демон. Его глаза выцвели, будто он смотрит сквозь время, а глубокие морщины — как трещины на лавовом поле.

— Чем могу служить? — спокойно спрашивает он.

— Энох, — я прохожусь по нему взглядом, — ты не пострадал?

— Нет.

— Тогда объясни мне одну вещь, — голос становится грозным и колким, — почему у тебя из-под носа украли книгу, а ты даже не сопротивлялся?

— Мои годы уже давно сочтены, Хранитель, — он поднимает голову. — Я не воин.

— Тогда зачем ты нам нужен?

Мой вопрос остаётся без ответа. Тяжело вздыхаю, пока демон молчит и смотрит в сторону, будто не слышит.

— Что они забрали?

— «Скрижаль», — говорит Энох, и я замечаю, как его голос чуть дрожит.

— Поясни.

— Эта книга — единственный фолиант, где записаны легенды о начале и конце, о цикле жизни. О балансе. Её не переписывали. Не пересказывали. Она одна.

— И?

— Она не открывается каждому. Те, кто пытались её прочесть без права, сходили с ума. Или исчезали.

— А ангелы?

— Ангелы... — он замолкает. — Возможно, они знают, что с ней делать.

— Ты знаешь содержание книги?

— Не могу знать. Язык древний. О её содержании, возможно, знают только мудрецы.

Я смотрю на него несколько секунд, взвешивая информацию.

— Ты свободен.

Демон быстро улетает, будто только этого и ждал.

Мудрецы, значит.

Старцы прячутся в глубине Ада, где даже воздух не движется. Их не трогают, потому что они чересчур много видят и слишком много знают.

Я провожу ладонью по лицу, потираю шею — на пальцах остаётся кровь. Серафим всё же достал и здесь. Рана на плече пульсирует.

Значит, ангелы решили узнать о начале и конце.

Много им это даст?

Если осмелились напасть так в открытую — значит, много.

Что ж...

Наведемся к старцам.

Глава 11. Кора

Просыпаюсь от нового звука. Громкий шелест заполняет темницу, как будто птица застряла и машет крыльями, пытаясь выбраться.

Что это?

— Кто здесь? — тихо спрашиваю.

Никто не отвечает.

— Здесь кто-то есть? — уже громче.

И тут я замечаю свечение, то самое свечение. Слабое, тусклое, как умирающий фонарик. Оно пульсирует где-то в конце коридора, едва освещая каменные стены.

— Я... — раздаётся слабый мужской голос где-то в другом конце тюрьмы. Далеко. Еле живой. — Я здесь...

— Кто ты?

— А ты?.. — голос почти затухает.

— Почему ты здесь? — я игнорирую его вопрос.

— Меня оставили в живых, — он говорит это так, будто речь идёт не о милосердии, а о наказании. — Хранитель...он приказал.

Я не знаю, кто такой Хранитель, но от имени становится не по себе.

— Как отсюда выбраться? — спрашиваю.

Он не отвечает.

Я сажусь на холодный пол, слушаю. Вода капает с потолка. Кап. Кап. Кап.

...сто два, сто три, сто четыре...

И вдруг — резкий, оглушающий звук.

БАМ!

Стены дрожат. Ладони вмиг потеют, я прикрываю уши. Откуда-то сверху сыплется каменная крошка.

БАМ!

Раздаётся совсем близко. Вслед за ним — звуки ударов, крики, топот, что-то тяжёлое падает на пол, и он вибрирует.

— Что там? — тихо интересуюсь.

Тварь справа от меня закопошилась.

— Мой обеед, — он мерзко облизывает губы, — я так голоден, так голоден.

— Что значит обед?

— Ангелы прилетели. Хоть бы один сюда заглянул.

Ангелы? Они меня вытащат отсюда?

Прижимаюсь лбом к холодной решётке, пытаюсь выглянуть чуть дальше. Темно и пусто, как обычно.

БАХ!

Звук разносится эхом по всей темнице. Сердце сжимается то ли от страха, то ли от надежды. Я вижу, как у входа в тюрьму сыпется камень.

БАХ!

По стене камеры напротив пошла трещина.

Ну давай же...

Стою минуту, две, пять, вжимаясь телом в решётку. Ещё один удар приходится чуть дальше, туда, где было едва заметное свечение. Больше ничего не происходит.

Вдруг недалеко мелькает белая тень.

— Эй!

Тень оборачивается и подлетает ближе. Высокий парень, одетый в лохмотья, карие глаза и странная татуировка на шее, похожая на голубя.

— Ты человек? — удивлённо спрашивает он.

Его лицо бледное, крыло сломано, одежда в крови. Я вижу его впервые, но он выглядит так, будто прошёл через ад. Хотя мы все здесь через него проходим.

— Сможешь вытащить меня отсюда? — без лишних слов спрашиваю его.

Справа доносится протяжный стон.

— Аааангееел, — тварь смотрит на него жадными глазами, липкая слюна течёт из уголка рта. Мерзость.

Ангел не обращает внимания.

— Ты человек? — ещё раз спрашивает.

— Да! — я уже не могу терпеть. — Ну же, помоги мне.

— Я обязательно помогу тебе, — говорит он. — Позже. Ты давно здесь?

— Ангелы пришли, они спасут меня? — снова игнорирую его вопрос.

— Они пришли...

Договорить он не успевает, потому что сзади него появляется демон. Он врезает крылом ангелу по голове, тот впечатывается в пол. Я отскакиваю от прутьев. С пальцев демона слетает огненный шар.

— НЕТ! — протест вырывается из рта быстрее, чем я успеваю подумать.

Демон отвлекается, шар проходит мимо ангела и врезается в стену. Камень плавится, воняет гарью. Ангел не теряет времени, он раскрывает уцелевшее крыло и летит к выходу.

Демон смотрит на меня. В упор. Будто не знал, что здесь есть кто-то ещё. Его глаза сканируют меня, оценивают, запоминают, я же стараюсь отойти в тень, вжаться в стену, стать невидимкой. Проходят считанные секунды, как он разворачивается и улетает вдогонку за сбегавшим.

Закрываю лицо руками. О чём я только думала? Спасибо, что в порошок не стёрли.

Звуки боя резко прекращаются, как и звуки ударов. Проходит минута, две, десять. Час. Не знаю. Я всё так же сижу с закрытым лицом.

Ангелы? Демоны? Что я здесь забыла?

Вновь слышу чьи-то шаги. Они останавливаются у клетки справа.

— Еда, — доносится до меня фраза.

Чёрт. Как же хочется есть. Живот болезненно скрутило. Не помню, когда последний раз кушала.

Тварь сразу накидывается на тарелку, звуки чавканья заполняют тишину тюрьмы. Я впервые могу его рассмотреть при свете факела, который оставил тюремщик. Он похож на демона, но только отдалённо. Тело покрыто серой, потрескавшейся кожей, которая натянута на кости так сильно, что кажется, будто вот-вот лопнет. Руки длинные, непропорциональные, с пальцами, которые сгибаются в лишних суставах. На некоторых нет ногтей — только тёмные, воспалённые ложбинки. Но самое мерзкое — рот, растянутый почти до ушей.

Он сидит в углу камеры, цепь впиалась ему в шею, кожа вокруг почернела и гноится. Я подвигаюсь ближе к трещине между нашими камерами, чувствую запах пищи, желудок сводит спазмами.

— Ты ешь человеческую еду? — спрашиваю.

Тварь отвлекается от тарелки и смотрит на меня через щель.

— Так они контро...ли...руют мою си...лу, — рот, полный еды, не даёт нормально разобрать слова.

Я глотаю собравшуюся слюну.

— Хочешь немного? — вопрос явно с подвохом.

Я думаю, но мысли перебивает голод. Он кричит внутри меня, заглушает всё. Знаю, что нельзя. Знаю, что он врёт. Но тело уже не слушается.

— И ты ничего не попросишь взамен? — уточняю у него.

— Нет.

Я подхожу ещё ближе к стене, смотрю в упор то на тварь, то на еду.

— Подойди ближе, на мне цепи, — приказывает он.

Двигаюсь дальше.

— Протяни руку.

Ну уж нет. Это слишком опасно. Кто знает, сдержат ли его эти наручники, на вид они вообще бутафорские.

— Тогда ты ничего не получишь.

Снова сглатываю. Урчание желудка эхом отдаётся по камере. Вплотную двигаюсь к трещине и протягиваю в неё руку, царапая кожу об острый камень. Пару секунд ничего не происходит. Я напрягаюсь. Вдруг тварь хватает мою руку, по телу пробегает ток.

— Что ты творишь? — силой пытаюсь отодвинуться назад.

— Вкусная, — вместо его привычного голоса я слышу шипение.

— Отпусти, придурок, — он меня не слышит, да и не собирался.

Протянутую конечность резко обдаёт болью. Зубы впиваются в предплечье. Боль не резкая, она жгучая, медленная, будто он пережёвывает мясо. Я кричу и толкаюсь ногами от стены. Не помогает. Он держит мёртвой хваткой. Чувствую, как с руки начинает течь кровь. Кожу будто проткнули тысячами игл. В глазах собираются слёзы.

— ПОМОГИТЕ! — ору в надежде, что кто-то из охраны окажется поблизости.

Неожиданно боль прекращается, меня отпускают, и я тут же отхожу от стены. Смотрю на руку и не могу понять, что вижу. Много крови, она заливает пальцы и стекает вниз, вокруг раны вены вздулись и стали тёмными.

— Дрянь, — слышится справа.

В ступоре, собираюсь с мыслями.

— Твоя кровь, — шипит он. — Я питаюсь только людьми для использования сил...

Я не слушаю, всё моё внимание приковано к ране.

— Чтоб ты сдох, — с выдохом произношу.

Кровь течёт рекой, меня бросает в пот, я не знаю, что делать. Рву рубашку и перематываю лоскутом руку выше раны. Она начинает адски пульсировать.

— Что ты сделал? — сквозь зубы шиплю на тварь.

Он скалится. Кровь на зубах, на губах, на подбородке. Его глаза горят красным, и в них нет ничего, кроме голода.

Вдруг слышу шорох. Лёгкий, мягкий. Как лапки по камню.

Кошка...?

Она появляется из темноты, не идёт, а словно вытекает. Будто тьма сгустилась в одном месте и вдруг стала белой. Медленно проходит по коридору, не прячется, не торопится. Останавливается напротив моей камеры.

Это она...

Из дома.

Из кофейни.

Та, что сидела на моём стуле, пила молоко из миски, смотрела на меня янтарными глазами.

— Как ты... — мой голос срывается. — Как ты здесь оказалась?

Я тру глаза. Может, мне мерещится? Может, я схожу с ума?

Нет.

Она переводит взгляд на мою руку, на перевязанную рану, на кровь, которая всё ещё сочится сквозь ткань. Я вижу, как глаза животного темнеют. Кошка поворачивается к камере твари и замирает. Тварь дёргается, прижимается к стене, цепи с протяжным звуком тащатся по полу.

— Не... не подходи, — голос у него дрожит, впервые я слышу в нём страх.

Кошка не двигается, просто смотрит, и в этом взгляде — что-то такое, от чего мне самой становится не по себе. А потом она делает шаг вперёд. Я не вижу, как она проходит сквозь решётку, слышу только крик. Резкий, высокий, полный ужаса.

Крик твари.

Он переходит в визг, потом в хрип. Что-то тяжёлое падает на пол. Я отшатываюсь к стене, прижимаюсь спиной к холодному камню, в ушах звенит.

Тишина.

Потом — шаги. Мягкие, тяжёлые. Когти царапают камень.

Из соседней камеры выходит кошка. Белая. Маленькая. Спокойная. Она садится напротив меня, облизывает лапу, словно ничего не случилось.

Смотрю на её морду, на её глаза. Перевожу взгляд на камеру справа.

Там пусто.

Ни твари. Ни звука. Ничего. Только тёмное пятно на полу, которое растекается по камню и выходит за решётку.

Кошка медленно моргает и ложится на каменный пол, свернувшись клубочком. Прижимается к моей ноге.

— Кто ты... — начинаю говорить.

Животное поднимает голову. Один раз моргает.

Я замолкаю.

Глава 12. Хранитель

Я пересекаю рубеж Ада, неторопливо лечу в сторону огромных скалистых гор, которые чернеют на горизонте, как гнилые зубы. Это место не имеет названия на языке людей, сюда никто не летает, не приходит, не стучится. Мудрецы живут отдельно, потому что знают слишком много, много того, чего ты сам не хотел бы знать, даже если бы тебе заплатили за это вечностью.

Я поднимаюсь чуть выше, внизу виднеются трещины, провалы, застывшие потоки лавы. Всё слишком мёртвое, даже для Ада. И среди этого стоит полуразрушенный чёрный собор. Когда-то это место процветало. Камни были белыми, а витражи сияли так, что слепили глаза. Здесь проходил ежегодный бал. Ангелы и демоны собирались под одной крышей, танцевали под одну музыку, пили из одних кубков. Мы жили в перемирии несколько тысяч лет, не было войн, не было границ, сейчас это кажется чем-то чужим, почти невозможным.

И я помню, как это закончилось.

Двадцать шесть лет назад.

Воздух стал тяжёлым, как перед грозой, даже свет будто замер.

Один старик. Одна фраза.

Он вышел на балкон, поднял руки и сказал то, что должно было остаться в тайне:

«Равновесие будет нарушено. Тьма поглотит свет».

Сначала никто не придал значения словам, подумаешь, старческий бред, но ангелы насторожились, они всегда были параноиками. После всё начало меняться, почти незаметно. Сначала — расстояние, потом — недоверие. Ангелы озлобились и начали укреплять свои позиции на небесах, строить стены там, где раньше были мосты.

Нам это не понравилось.

А кому понравится, что его род начинают считать угрозой?

Договор был нарушен, кровь упала на белый мрамор. Мы начали свободно спускаться на землю, делать что душе угодно, люди сами открывали нам двери. Это был первый чёрный день для ангелов.

Их Бог молчит, наш же Правитель наблюдает. Ему скучно, он ждёт, кто окажется сильнее в этой песочнице. С тех пор демоны пытаются занять вершину, а светлые из последних сил сопротивляются.

Они надеются.

Это забавно.

Надежда — их последнее оружие. Она делает их слабыми и сильными одновременно. Слабыми — потому что мешает видеть реальность. Они собирают силы, строят планы, молятся. Но кому? Себе? Пустоте? Богу, который их забыл? Сильными — потому что заставляет бороться даже тогда, когда всё кончено. Я бы выразил им уважение, но это не моё ремесло.

Плавно снижаюсь, ветер здесь холодный, режет крылья. Приземляюсь у входа. Двери собора когда-то были золотыми, теперь это обугленные доски, держащиеся на честном слове. Внутри пыль, темнота, здесь не просто тихо, здесь ничего не двигается, даже время.

Шагаю внутрь.

Из тени выходит пожилой мужчина, он не похож на демона. Нет крыльев, когтей, кожа серая, как пепел, глаза затянуты белой плёнкой — он слеп, но видит лучше любого из нас.

— Я тебя ждал, — хрипит старик.

— Дождался, — отвечаю.

Он разворачивается и идёт внутрь, я следую за ним. Собор внутри выглядит ещё хуже. Своды обрушены, сквозь дыры в крыше видно багровое небо, фрески на стенах стёрты, будто

кто-то пытался уничтожить саму историю. В центре стоит каменный стол, на нём свитки, книги, кости.

Останавливаюсь.

— Скрижаль.

Старик медленно поворачивается. Он понимает.

— Ангелы забрали её. Но это не та книга, которую ты ищешь.

— Объясни.

— Скрижаль — не ответ. Это вопрос. Тот, кто прочтёт её, должен задать его себе и ответить.

Я хмурюсь.

— Тогда зачем она ангелам?

— Они думают, что найдут способ уничтожить вас. Ошибаются. Скрижаль не даёт силы, она показывает путь. А путь всегда выбирает идущий.

Сжимаю челюсть, мышцы на лице напрягаются, скулы выступают. Старик говорит загадками, а у меня нет времени их разгадывать.

— Говори прямо.

Он вздыхает.

— Подай книгу. Там.

Он указывает пальцем в тёмный угол. Я прослеживаю за его рукой. На полке, среди пыли и паутины, лежит маленькая книга, чёрная кожа, без названия, без символов.

Беру.

И в ту же секунду ладонь прожигает изнутри. Боль острая, резкая. Я не вскрикиваю, но дыхание перехватывает. Отбрасываю книгу в сторону.

— Что за... — рычу.

Снаружи кожа цела, но внутри будто коснулись чего-то живого. Старик кивает и подбирает книгу сам.

— Что это?

— Книга демонов. В ней есть строки из Скрижали.

— Почему она обожгла меня?

Он улыбается.

— Подумай, Хранитель.— говорит он. — Книга реагирует на суть. На душу. Она обожгла тебя, потому что ты изменился.

— Я не менялся тысячу лет.

— Именно.

Старик проводит пальцем по странице.

— В тебе появилось что-то чуждое.

Я молчу.

— Это не важно. Расскажи о книге.

— Язык в ней древний. Его сможет прочитать только определённое существо. Не ангел.

Не демон. Не человек.

— Кто?

— Тот, кто является всеми ими. И никем одновременно.

Он делает паузу.

— Мы пытались её перевести несколько тысяч лет. Удалось совсем не много.

Старик разворачивает книгу.

Листы почти рассыпаются.

Noli timere tenebras.

Sine eis lux non est.

Sed lux quoque excaecare potest.

Utrumque in te est.

Dic nomen.

Katechon.

— Не бойся тьмы, — говорит мудрец, — без неё нет света. Но свет может ослепить. Они оба в тебе. Назови имя.

Первые пять строк переводит легко, потом доходит до последней.

— А это? — спрашиваю я.

— «*Katechon*», — тихо произносит он.

— Я не знаю, что это значит. Никто не знает. Это не латынь. Я перерыл все свитки, все языки мёртвые и живые. Этого слова нет нигде.

— Тогда зачем оно здесь?

Старик поднимает голову.

— Может быть, это не переводят.

Я стою в ступоре, смотрю на строчки. Некоторые слова мне недавно встречались.

— Как уничтожить? — спрашиваю.

— Это баланс, мальчик. Его можно только нарушить.

Не ангел. Не демон. Не человек.

Образ возникает сам.

Слишком быстро.

Слишком точно.

Я отталкиваю его.

Рано.

Смотрю в пролом стены, пепел кружится в воздухе.

— Он здесь? — спрашиваю.

— Он уже проснулся.

Киваю.

— Я займу место отца? — спрашиваю вдруг.

Старик поднимает голову, на его лице появляется лёгкое удивление. Первая эмоция за весь разговор.

— Место нашего правителя?

— Да

— И да, и нет.

— Объясни.

— Этого места не будет.

Не понимаю. Разворачиваюсь и почти дохожу до проёма.

— Будь осторожен, *****, — произносит мудрец.

Замираю.

Он назвал *моё имя*.

— Откуда ты знаешь? — мой голос низкий, опасный.

Воздух вокруг начинает темнеть, сгущаться, пульсировать в такт моему дыханию. Старик не пугается, только улыбается беззубым ртом.

— Я многое знаю, Хранитель. В том числе и то, что ты пытаешься скрыть.

— Никто не знает моего имени, я стёр его тысячу лет назад.

— Ты спрятал его, — поправляет мудрец. — Но спрятанное не значит исчезнувшее.

Я сжимаю кулаки, когти впиваются в ладони.

— Назови моё имя с намерением убить — и буду при смерти. Ты это знаешь?

— Знаю, — спокойно отвечает он. — Твоя сила — в твоём имени. Ты единственный, кто связан с ним так крепко. Остальные умирают от клинка. Ты — от слова.

— Это проклятие.

— Это цена, — отвечает старик.

Я молчу. Внутри плещется глухая, тёмная злость.

— Не позволяй другим использовать его против тебя, — добавляет он.

В груди что-то резко обрывается. Его голос эхом разносится по пустому собору. Я смотрю на старика несколько секунд, потом разворачиваюсь и взлетаю.

Мысли гудят.

Баланс. Тьма. Свет.

Меняю курс.

К Морту.

Он сидит в своих покоях, крутит в руках кинжал. Светлые волосы, вечная полуулыбка. Поднимает голову, когда я вхожу.

— Хранитель, — кивает. — Что-то случилось?

— Мне нужно кое-что узнать, — говорю я, садясь напротив.

— Что именно?

Смотрю на него, и слова застревают в горле. Как объяснить то, чего сам не понимаешь?

— Та девушка, — наконец произношу. — Её родители.

— Что с ними?

— Я хочу знать, кто они. Всё, что сможешь найти.

Морт откладывает кинжал, в глазах появляется любопытство.

— Зачем?

— Затем.

Он усмехается, но быстро поднимается на ноги.

— Это займёт время.

— Жду.

Через секунду добавляю:

— И её бабушка. Проверь.

Он уходит. Я остаюсь один, смотрю на огонь в камине, но не вижу его. В голове засели слова старика.

Морт возвращается через несколько часов. Слышу его шаги раньше, чем он открывает дверь.

— Ну? — спрашиваю.

Демон садится напротив, молчит несколько секунд.

— Её родителей звали Анна и Джеймс Вейл, — говорит он. — Официально они погибли в автокатастрофе год назад.

— Я знаю это.

— Ты не знаешь, кем они были.

Жду.

— Я нашёл записи. Старые, почти стёртые, — он смотрит на меня. — Анна была ангелом. Джеймс — демоном. Про бабушку нет информации. Вообще.

Внутри всё замирает.

— Ты уверен?

— Настолько, насколько можно быть уверенным в старых записях.

— Они встретились в перемирие, — продолжает он. — До войны. Когда перемирие было нарушено — они сумели скрыться на земле. Отказались от своей сущности.

— И у них родилась дочь, — добавляю я. — На земле. Человеком.

— Она появилась, когда её мать ещё была ангелом, — говорит Морт. — Но родилась от человека. Такое случается раз в тысячелетия.

— Её душа...

— Её душа — это и свет, и тьма. Вместе.

Мы молчим.

— Что это значит? — спрашивает Морт.

Я встаю, иду к выходу.

— Хранитель, — окликает Морт.

Останавливаюсь.

— Что ты будешь делать?

— Подумаю.

— Если она та, кем может быть, — он делает паузу, — это многое меняет.

— Знаю.

— Ты мог бы...

— Я знаю, что я мог бы, — перебиваю я. — Никому не рассказывай.

Выхожу.

Должен лететь в покой.

Должен думать.

Но разворачиваюсь.

И лечу вниз.

В темницы.

Хватит гадать. Хватит ждать.

Сжимаю кулак, и тьма стучается на пальцах. Густая, горячая, живая. Она жаждет выплеснуться, разорвать, уничтожить.

Я заставлю её говорить, сломаю эту стену, вытащу из неё правду, даже если придётся разобрать человеческое тело по кускам.

Она знает. Она должна знать.

Крылья разрезают воздух, ветер бьёт в лицо, но я не чувствую его.

Она ответит на все мои вопросы, даже если мне придётся выжечь ответы из её крови.

Коридоры тянутся бесконечно, шаги гулко отдаются в пустоте. Я чувствую ее запах еще до того, как дохожу до камеры. Сандал. Чистота. Чужая, неправильная здесь.

Девушка спит.

Свернулась клубком, прижав колени к груди. Руки обхватывают плечи, как всегда, когда замерзает. Лицо бледное, под глазами тени, губы приоткрыты, дыхание ровное.

Беззащитная.

Смешно.

Такая сила и такая хрупкость.

Я заносу руку, тьма течет по пальцам.

Один удар.

Её сердце остановится.

Всё кончится.

Пальцы дрожат, но не от слабости, а от того, что внутри что-то сопротивляется. Что-то новое. Липкое. Тянущее.

Я не понимаю.

Я не могу.

Рука опускается сама. Медленно. Будто не слушается.

Что со мной?

Тьма не уходит, но больше не стремится наружу. Она тихо пульсирует, ждёт.

Чего?

Я делаю шаг назад. Ещё один. Упираюсь спиной в холодную стену камеры напротив. Смотрю на неё. Девушка даже не пошевелилась. Медленно опускаюсь на пол, прислоняюсь затылком к камню и закрываю глаза.

И вижу её. Сквозь веки. Не лицо — ощущение. Тепло. Живое. Оно внутри меня, как зараза. И я не могу его выжечь.

Усмехаюсь.

Тысячу лет я был холоден. Тысячу лет я не чувствовал ничего, кроме скуки и голода. Сотни душ прошли через мои руки, сотни жизней оборвались, и я не помню ни лица, ни имени.

А эту помню.

Открываю глаза.

Она все так же спит. Бледная, тихая, почти неживая. Встаю, подхожу к решетке и говорю в пустоту:

— Если ты окажешься угрозой... если ангелы получат тебя... я лично вырву твою душу.

Шаги отдаются эхом.

Что это?

Я не знаю.

И это пугает сильнее, чем любой враг.

Глава 13. Кора

Открываю глаза.

Потолок. Белый. Знакомый.

Смотрю на него и не могу вспомнить, почему он должен быть другим. Мысль мелькает и тут же гаснет. В голове тяжёлая пустота, липкая как вата. Пытаюсь вспомнить, что было до, но память ускользает.

Лежу на кровати. Моей кровати. Одеяло то же самое, с выцветшими цветами. На тумбочке стоит кружка с остывшим чаем, книга, заложенная на середине. Я беру её. Провожу пальцами по корешку. Моя. Помню, как покупала её, долго сомневалась, но всё же взяла.

Лежу и слушаю.

Тишина.

Обычная.

Домашняя.

В комнате пахнет мамиными яблочными пирогами. Едва заметно улыбаюсь.

Это чувство... спокойствия.

Из кухни доносится звон посуды, негромкий разговор. Слышу смех. Папин. Низкий, раскатыстый. Я не слышала его так давно, что внутри что-то больно сжимается и тут же отпускает. Медленно сажусь, как будто если сделаю резкое движение, то всё исчезнет. Встаю, ноги держат. Опускаю взгляд на руки.

Чистые.

Поворачиваю. Кожа гладкая, без шрамов, без ран. Провожу пальцами по запястью — ничего, только тонкие голубые вены под прозрачной кожей.

Светлый коридор, на стенах фотографии. Мой выпускной из университета. Я стою с красным дипломом в руках, широкая улыбка, и родители по обе стороны от меня. Щемящая радость оседает где-то в груди. Следующая фотография. Мама и папа на свадьбе. Белое свадебное платье, которое мама до сих пор хранит и хочет передать мне по наследству.

— Кора?

Голос. Мамин.

Поворачиваю голову, она стоит в дверях кухни.

Живая.

Улыбается.

В том самом платье, которое надевала на все праздники. Когда становилось мало, она относила в ателье подшить новые ткани, и так из года в год.

В этот момент всё внутри меня срывается вниз.

— Мама...

Слово просто выходит само.

— Ну наконец-то, — она подходит, обнимает. Руки тёплые, настоящие, пахнут яблоками и корицей. — Третий день уже. Мы волновались.

Я прижимаюсь к её плечу сильнее, чем нужно. Чувствую, как ровно и спокойно бьётся её сердце.

— Что...что случилось?

— Срыв, — слышу голос из кухни.

Папа выходит, вытирая руки о полотенце. В очках, которые вечно спадают, в домашней кофте, которую мама обещала выкинуть, но так и не выкинула.

— Ты забыла? — он подходит, кладёт руку мне на плечо. Тяжёлая, родная. — Ты же в больнице была.

— В больнице?

— Нервный срыв, — мама отстраняется, смотрит мне в глаза. Её взгляд мягкий, обеспокоенный. — Ты кричала по ночам. Мы вызвали скорую.

Кричала.

Слово отзывается эхом где-то глубоко.

Темнота. Холод.

Морщусь.

— Я...

— Ты ничего не помнишь? — папа поправляет очки. — Это нормально. Врачи сказали, так бывает.

Пытаюсь вспомнить. Больница. Белые стены. Капельницы. В голове выстраивается картинка. Я мокрая лежу в постели и истошно кричу, на зов прибегают родители, пытаются меня успокоить.

— Тебе нужно принять лекарства, — мама берёт меня за руку. — Пойдём.

Она ведёт меня на кухню. На столе стоит тарелка с пирогами, чайник, чашки, всё как раньше. Я сажусь на своё место, у окна, папа садится напротив, мама ставит передо мной кружку. Чай с мятой.

Я люблю чай с мятой.

— Выпей, — она протягивает мне две белые таблетки. — Врач сказал, это поможет.

Я уже видела их раньше? Где?

— Кора, — папа накрывает мою руку своей. — Мы здесь. Мы с тобой. Всё будет хорошо. Поднимаю глаза, смотрю на него, на его морщинки, на родинку над губой. Смотрю на маму, на её руки, которые месят тесто, на волосы, которые она собирает в пучок, когда готовит.

— Я мне снилось, что вы умерли, — говорю тихо.

Мама замирает, отец перестаёт поправлять очки.

— Мне снилось, что был кто-то ещё, — я протираю глаза и пытаюсь вспомнить.

Пусто.

— Кора, — мама садится рядом. — Это был сон. Просто сон.

— Но...

— Ты бредила, — папа говорит мягко. — Три дня кричала, что ты в Аду. Что какой-то демон тебя мучает. Врачи сказали, это защитная реакция. Твой мозг пытается справиться со стрессом.

Я слушаю, и это звучит правильно, логично. Снова смотрю на свои руки. Чистые. Гладкие. Ни шрамов. Ни ран.

— Я...я не помню.

— И не надо, — мама гладит меня по голове. — Главное, что ты проснулась. Главное, что ты с нами.

Беру таблетки и кладу их в рот, запивая тёплым чаем.

Это был просто сон.

— Молодец, — папа улыбается. — Сейчас поешь и отдохнёшь. Завтра поговорим.

Мама нарезает пирог, кладёт мне самый большой кусок, как всегда.

— Ешь, — говорит она. — Ты худая стала.

Беру вилку и откусываю. Тёплый вкус детства мигом разлетается по языку, улыбка медленно появляется на лице.

— Вкусно? — спрашивает мама.

Я киваю, глотаю кусок. Слезы подступают к горлу.

— Хорошо, — шепчу. — Очень хорошо.

Вечером сижу на диване, укутавшись в плед. Папа читает газету, мама вяжет. За окном темнеет, дождь барабанит по окнам.

— Сейчас фильм начнётся, — произносит папа. — Старый. Ты любишь такой.

Я охотно киваю. Мама включает телевизор, на экране появляется чёрно-белая картинка. Я смотрю, но не вижу. В голове — тишина. Спокойная, ровная. Сажу между ними, и впервые за долгое время мне не страшно.

Это было не по-настоящему, — думаю. — Всё было не по-настоящему.

Откидываюсь на спинку дивана, мама накидывает мне плед на плечи.

— Ты устала, — произносит она. — Ложись спать.

— Посажу ещё.

— Нет, — папа откладывает газету. — Тебе нужно отдыхать.

Они оба заботливо смотрят на меня.

— Хорошо, — встаю. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, доченька, — мама целует меня в лоб.

— Спи, — отец снимает очки. — Завтра будет новый день.

— Я вас так люблю... — шепчу им перед тем, как выйти из гостиной.

Иду в свою комнату и ложусь в кровать. Одеяло пахнет лавандой.

— Я дома, — говорю себе. — Я дома.

Закрываю глаза и сплю спокойно, без кошмаров.

Утром вновь пахнет пирогами.

— Кора, ты ещё спишь? Вставай, завтрак готов.

Я открываю глаза. Мама стоит в дверях и улыбается мне. Смотрю на неё долго, очень долго, она не исчезает.

— Иду, — говорю я.

Встаю и шагаю на кухню. Папа читает газету, пахнет яблоками. Я сажусь за стол. Беру кружку. Чай с мятой.

— Ты хорошо спала? — спрашивает мама.

— Да, — говорю. — Хорошо.

Смотрю на таблетки. Две белые. Гладкие. Беру их и кладу в рот, запивая чаем.

— Молодец, — хвалит папа.

Улыбаюсь в ответ. Не знаю, что правда. Не знаю, где я. Не знаю, есть ли у меня родители. Есть ли дом. Есть ли я. Смотрю на родителей. Они счастливы. И тепло разливается в моей груди.

В углу мелькает что-то тёмное.

Я оборачиваюсь.

В голове всплывают картинки. Холод. Решётка. Крылья.

Я не просто помню это — ощущаю, чувствую, будто проживала эти моменты. За спиной отчётливо слышу шелест чего-то мягкого по полу. Зажмуриваю глаза.

Это был сон.

Мама смотрит на меня, улыбается, но неожиданно её взгляд меняется, свет внутри него потухает.

— Ты опять? — спрашивает она. — Кора, сколько можно нас мучить...

— Мам? — она смотрит сквозь меня.

— Мы так устали, — шепчет папа одними губами.

— Что? — я в недоумении смотрю на них.

— Иногда так хочется пожить спокойно, — отец говорит так, будто меня нет рядом.

— Спокойно? — переспрашиваю.

— Ты наша дочь, но... — отвечает мама.

— Но?

— Но мы тоже люди, Кора.

Слова простые. Но в них нет места для меня.

Мама подходит к шкафу в коридоре и достаёт большие сумки. Хочу подойти к ним, но ноги будто приросли к полу. Папа поднимается с кресла, его глаза пустые. Я с мольбой смотрю на родителей. Посреди дома появляется нечто. Большие крылья с металлическим отливом, хищная улыбка. И...ледяные глаза.

НЕТ.

Он медленно подходит сзади к родителям.

— Любишь их? — существо не открыло рта, но слова врезаются в голову.

Я киваю, руки дрожат, ноги еле держат. Помню его. Он из моих снов. У меня опять галлюцинации? Но я же выпила таблетки.

— А ты уверена, что они люди? — голос демона звучит откуда-то из темноты.

Не успеваю ответить. За окном начинается гроза, ветер бьёт в стёкла. Огромная ветка срывается с дерева и летит в дом, треск стекла заполняет тишину. Сердце сначала замирает, а потом бьётся с бешеной скоростью. Я оглядываюсь на окно. Оно выбито вместе с рамой. Не может быть. Это же всего лишь ветка.

Смотрю на родителей. Они проходят мимо меня с сумками. Дотрагиваюсь кончиками пальцев до руки мамы.

Холодная.

Они идут к входной двери, а я не могу пошевелиться.

— Мам...пап...пожалуйста, — шепчу.

Тянусь руками к ним. Они не оборачиваются. И в этот момент меня накрывает.

Воспоминания.

Мама. Кухня. Мне лет пять. Я стою на табуретке и мешаю тесто, слишком быстро, мука разлетается по столу.

— Тише, Кора, — смеётся она. — А то пирог убежит.

Смеюсь вместе с ней. Думаю, что пироги правда могут убежать.

Папа. Двор. Велосипед. Я падаю, коленка разбита, щиплет.

— Ничего, чемпион, — он поднимает меня. — Это значит, что ты учишься.

Верю ему. Всегда верю.

Лето. Парк. Тот самый шарик. Красный. Он вырывается из руки и улетает вверх.

Я плачу так, будто потеряла что-то важнее всего.

А папа покупает новый.

И держит крепко. Вместе со мной.

Их руки.

Их голоса.

Их смех.

Всё это — они.

— Не уходите... — говорю сквозь слёзы. — Пожалуйста я буду хорошей я всё сделаю только не уходите...

Они доходят до двери. Мама кладёт руку на ключ. Я помню эту руку, как она гладила меня по голове, когда было страшно, как держала меня за пальцы, когда я боялась переходить дорогу.

Она открывает дверь.

— МАМА! — кричу, уже срывая голос. — ПОЖАЛУЙСТА!

Холодный, чужой ветер врывается внутрь, он срывает фотографии со стен. Они падают на пол, рамка трескается.

Мой выпускной.

Парк.

Ёлка.

Всё на полу.

— НЕ БРОСАЙТЕ МЕНЯ! — ору так, что в ушах звенит.

Свет падает на их спины, и в этот момент я вижу тени. Не от тел — от того, что вырастает за ними.

Крылья.

За спиной мамы — белые, почти прозрачные, с тонкими, как паутина, прожилками. Они раскрываются медленно, неуверенно. У отца — чёрные, тяжёлые, с металлическим отливом, который я уже где-то видела.

Они не оборачиваются, не видят, что я смотрю. Или не хотят видеть.

Вспышка.

Ослепляющая.

Их силуэты растворяются в ней, как будто их никогда не было.

Тишина.

Только ветер.

Падаю на колени и ощущаю холодный каменный пол. Слезы каплют на ладони. Поднимаю взгляд.

Тюрьма.

— ВЕРНИ ИХ! — кричу я. — ВЕРНИ!

Ни звука.

Только моё рваное, хриплое дыхание. А потом шаги. Он стоит в тени, прислонившись к стене. Крылья сложены, глаза горят в полумраке. Смотрит холодно, без единой мысли на лице.

— Кто они? — голос низкий, безразличный.

Я молчу.

— Я спросил. Кто твои родители?

— Люди... — выдыхаю, губы трясутся. — Они люди.

Демон сухо усмехается.

— Ты в это веришь?

Поднимаю на него глаза. Внутри всё кричит, что это неправда, что я видела крылья, что мамина рука была холодной.

Но не могу.

— Они... — голос ломается. — Они просто люди.

— Тогда почему ты плачешь?

Не отвечаю. Слезы текут сами, не могу их остановить. Он отходит от стены и делает шаг ко мне.

— Ты видела их спины, ты видела крылья.

— НЕТ! — крик разрывает горло. — НИЧЕГО Я НЕ ВИДЕЛА!

Демон останавливается в двух шагах, смотрит сверху вниз, и в его глазах не злость, не презрение, а просто ничего.

— Врёшь.

— НЕ ВРУ!

— Врёшь. — Он не повышает голоса, от этого ещё страшнее. — Ты знаешь правду. Ты просто боишься её назвать.

Закрываю лицо руками. Всё внутри дрожит. Я не знаю, кто они. Не знаю, кто я. Не знаю, что было правдой, а что — сном.

— Я не знаю, — шепчу в ладони. — Я не знаю, кто они.

— Узнаешь.

Он разворачивается, не спешит. Шаги затихают, и я остаюсь одна на холодном полу.
Слёзы капают на камень. Руки всё ещё закрывают лицо.

Кто они?

Кто я?

Ответа нет.

Глава 14. Хранитель

Кто она?

Вопрос не просто звучит в голове, он давит изнутри, как трещина в камне, которая медленно расходится. Не даёт сосредоточиться, не даёт удержать мысль дольше нескольких секунд.

Должно быть объяснение. Где-то здесь, среди тысяч книг, спрятан ответ. Я найду его, вырву когтями, если понадобится.

Её родители, бабушка.

Слишком много пустых мест, слишком много несостыковок.

Голова трещит от недосыпа и количества информации, мысли накладываются, каждая требует внимания, но я не могу сосредоточиться ни на одной.

Толкаю массивные двери библиотеки. Они открываются с протяжным скрипом, будто жалуются, что их потревожили. Внутри тишина, такая, какая бывает только в местах, где никто не живёт, но всё помнит. Она давит на уши, заставляет сердце биться громче, чем нужно. Я слышу собственное дыхание, слышу, как кровь пульсирует в висках.

Меня встречает Энох. Он склоняется в поклоне, его серая кожа тускло мерцает в свете факелов, глаза бегают, руки подрагивают. Он боится.

Правильно.

— Хранитель? — голос тонкий, почти жалкий.

— Раздел со всеми существами, — бросаю, даже не глядя на него. — Быстро.

Демон кивает и почти бежит вперёд, путаясь в собственных ногах.

Библиотека раскрывается постепенно, сначала один зал, потом второй. Стеллажи поднимаются вверх, теряясь в темноте. Резное чёрное дерево, старое, но крепкое. Золото на узорах потускнело, но всё ещё держится. Книги повсюду. Кожа, пергамент, камень, металл, свитки, таблички, фолианты. Знания, собранные за эпохи. Некоторые книги светятся — внутри заперта магия, некоторые едва слышно шуршат, будто перелистывают себя сами. Есть те, что издают тихий, протяжный звук словно плач, и есть те, что полностью неподвижны.

— Вам нужна моя помощь? — осторожно спрашивает Энох, останавливаясь у нужного отсека.

— Исчезни.

Он уходит, растворяется в тенях между стеллажами. Я слышу, как его шаги затихают, и остаюсь один.

Беру первую книгу. Тяжёлую, в переплёте из овечьей кожи, на корешке выжженные руны. Листаю быстро, почти не вчитываясь, глаза цепляются за ключевые слова, отбрасывая остальное.

Демоны. Серафимы. Ангелы. Высшие. Низшие. Классификация по силе, по происхождению, по способностям.

Не то.

Постепенно ритм становится быстрее. Я уже не читаю, а просто просматриваю, отмечаю, отбрасываю. Книги сменяются одна за другой. Вторая книга. Третья. Четвёртая.

Всё не то.

Katechon.

Нигде нет.

Ни в оглавлениях, ни в сносках, ни на полях. Словно его никогда не существовало, словно кто-то вырезал это слово из всех книг, из всех свитков, из самой памяти мира. Раздражение поднимается из груди, оно жжёт горло, сжимает челюсть.

Я останавливаюсь.

Медленно закрываю книгу.

Это уже не случайность.

Слишком чисто.

Слишком аккуратно.

Мысль смещается.

Ангелы.

Если кто-то и мог скрыть информацию — это они. Мощный взмах крыльев, и я уже у противоположной стены. Здесь пахнет по-другому. Светлее. Суше.

Создатель. Архангелы. Святые. Пророки.

Страницы шуршат под пальцами, пыль поднимается в воздух, оседает на плечах, на крыльях.

Пусто.

Снова пусто.

Ни слова.

Отбрасываю книгу, она падает на пол с глухим ударом. Проходят минуты, часы. Теряю счёт времени. Факелы мерцают, отбрасывая длинные тени. Где-то в глубине библиотеки слышен тихий шелест, может страницы переворачиваются сами собой, может, кто-то ещё здесь.

Мне всё равно.

В какой-то момент нахожу книгу о начале. О зарождении мира. Тяжёлый фолиант в переплёте из неизвестного металла. Его страницы не шуршат. Они поют. Тонко, едва слышно. Голоса тех, кто записывал эту историю.

В начале был Один. Без формы. Без имени. Дыхание, которое еще не стало ветром.

Он смотрел в пустоту, и пустота смотрела в ответ.

Тогда Он разделил себя. Так появились двое. Тот, кто взял свет, и тот, кто принял тьму. Первый создал ангелов из света, который любил. Второй создал демонов из тьмы, которую не отверг. Ангелы несли свет туда, где его не хватало, демоны наполняли тенью то, что без неё было плоским.

Вместе они держали равновесие. Мир дышал.

На балансе.

Я задерживаюсь на этом слове.

Баланс.

Пальцы чуть сильнее сжимают страницу. Что-то в этом сходится, но недостаточно.

Это не ответ.

Отбрасываю книгу, она падает на каменный пол, пыль взлетает облаком и оседает на сапогах. Беру перепись всех существ, что когда-либо жили на небесах и в Аду. Старый свиток, края обуглены, пергамент жёлтый, почти коричневый, ломкий на ощупь.

Пролистываю до буквы «В».

Анна Вейл, Джеймс Вейл. Ангел и демон. Их имена вписаны аккуратным почерком, даты рождения больше тысячи лет назад, даты смерти неизвестны. Смотрю на эти надписи и чувствую, как внутри закипает злость.

Что-то не сходится.

Они жили слишком долго и исчезли слишком тихо. Скрывались. Родили её. Умерли. А она ничего не знает.

Её нет в переписи. Я перечитываю список. Ещё раз. Ещё. Провожу пальцем по каждой строчке, каждому имени. Её нет.

Не было. Или её вычеркнули.

Сгусток тьмы срывается с пальцев раньше, чем я успеваю подумать. Он ударяет в книгу с глухим хлопком, пергамент вспыхивает, края сворачиваются, пепел поднимается в воздух. Всё равно её опять переписут, через сотню лет кто-то сядет за этот стол и выведет те же имена теми же чернилами.

Анна. Джеймс.

И никто не вспомнит, что здесь был ещё кто-то.

Но на одной из страниц, там, куда упал пепел, появляется красное свечение. Оно слабо, неуверенно пульсирует, как умирающий огонёк.

Наклоняюсь ближе.

Тонкие буквы, едва заметные, словно кто-то пытался выжечь эту надпись, но не смог до конца. Края оплавились, но они всё ещё читаются.

Элеонора Вейл.

Бабушка?

Я провожу пальцем по стёртой надписи и чувствую чужую энергию. Она течёт по ладони, поднимается к запястью, заставляет кожу покрыться мурашками. Тёплая. Слишком тёплая для мёртвой записи.

— Энох, — зову, и мой голос разносится по библиотеке, отражаясь от стен, множась, возвращаясь эхом.

Старик появляется из тени, будто всё это время стоял за углом и ждал приказа.

— Что это? — я указываю на светящееся имя.

Он смотрит на книгу. Его глаза расширяются, на лице появляется страх. Его зрачки сужаются, он сглатывает, руки начинают дёргаться.

— Я...не...это... — мямлит он, голос дрожит.

— Это не первый твой промах, Энох, — говорю тихо. — Следующего не будет.

Старик опускает голову, плечи поникают.

— Найди всё, что знаешь об Элеоноре Вейл.

— Хорошо, — шепчет и исчезает быстрее, чем я успеваю моргнуть.

Разминаю шею, позвоночник хрустит, мышцы ноют. Взмахиваю крыльями и лечу к себе. В свою библиотеку.

Здесь темно. Другой свет, другая тишина. Библиотека душ — это не место для книг, это место для памяти.

Как только я захожу, они встречают меня. Сотни. Тысячи. Мерцают в полумраке, каждая в своей стеклянной шкатулке. Они стоят на чёрных каменных полках, уходящих вверх, до самого потолка, теряясь в темноте. Стекло чистое, прозрачное, но каждая шкатулка светится изнутри своим цветом.

Красные — души убийц. В них ярость, кровь, боль, которую они причинили другим.

Чёрные души тех, кто продал себя тьме. Они почти не светятся, только иногда вспыхивают тусклым, умирающим огнём.

Синие, как глубокое море, души мечтателей. Тех, кто хотел, но не смог, тех, кто умер с надеждой.

Золотые редкие. Души героев. Они светят ярко, но их мало, очень мало.

И другие. Зелёные, фиолетовые, белые, прозрачные.

Каждая душа это история, чья-то жизнь. Я медленно иду между рядами, стекло тихо звенит в такт моим шагам. Души тянутся ко мне, они знают, кто я, помнят. Останавливаюсь у некоторых, вслушиваюсь в их тихий шёпот. Они рассказывают мне свои истории, свои тайны, свою боль, но молчат о том, что мне нужно.

Души не знают *Katechon*.

Они знают только свою жизнь. Свою смерть. Своё.

Пальцы скользят по прохладному стеклу, оставляя на нём полосы. И вдруг в голове возникает она. Останавливаюсь, смотрю на шкатулку перед собой, но не вижу её. Вижу только рыжие волосы, тёмные глаза, её душу полную света, но при этом пустую. Таковую, какой я никогда не видел.

Раздражение вновь приливает к голове. Жар поднимается из груди, заливая лицо, уши, шею.

Чёртова девчонка.

Сжимаю кулаки, стекло рядом со мной начинает вибрировать.

Мало ей было испытаний? Почему она не ломается? Почему её душа дышит здесь, в Аду, где не дышит никто из живых? Почему она ничего не знает о себе и своих родителях?

Я ударяю кулаком по стене, камень тут же трескается, кровь выступает на костяшках.

Сломать нельзя помиловать.

Почему я думаю о ней?

Злюсь на себя за это. Сжимаю кулаки сильнее так, что когти впиваются в ладони, прорывают кожу. Алая жидкость капает на пол.

Я дотрагиваюсь до груди. На ней её невидимый след, ожог от прикосновения уже прошёл, но память о нём осталась, жжёт до сих пор.

Закрываю глаза. Темнота наваливается, укутывает, прячет от всего. Пусть кричит. Пусть ломается. Пусть докажет, что она обычный человек, который сломается под давлением, как и все остальные.

Пусть задыхается. Пусть умоляет. Пусть...

А если нет?

Я отгоняю эту мысль, но она возвращается. Снова. Снова.

Она сломается. Должна.

Глава 15. Кора

Он приходит, когда я уже не различаю реальность и сон. В нос ударяет запах еды настолько резко, что я вздрагиваю. Желудок моментально скручивает, во рту появляется кислый привкус желчи.

— Ты можешь сегодня поесть, — демон спокоен.

Не двигаюсь. Смотрю сначала на тарелку, потом на него. Пар от только что приготовленного блюда поднимается вверх тонкой струйкой, запах становится сильнее. Живот болезненно сжимается.

Он будто специально держит тарелку близко, чтобы я чувствовала, чтобы захотела.

— Но, — делает паузу, — только ты.

Не понимаю, слова не сразу приобретают смысл.

— Если возьмёшь ты, — продолжает демон, — твой оставшийся сосед по камере не получит воды неделю.

Сердце срывается вниз.

Его тихий плач иногда доносится до моей камеры. Этот звук я уже знаю. Узнаю среди других.

— Если не возьму? — мой голос звучит жалко.

— Еда достанется ему, вода тебе.

Пауза.

— Но ты будешь голодать ещё три дня, — договаривает он.

Три дня.

Я даже не помню, сколько уже не ела.

Четыре дня? Пять? Время здесь не идёт, оно гниёт. Оно оседает на стенах липкой сыростью, въедается в кожу.

Мысли путаются. Я слишком слаба. Тело горит, хотя в камере холодно. Каждый мускул ноет, каждый сустав скрипит, когда пытаюсь пошевелиться. Голова тяжёлая, будто её набили камнями.

Демон ставит тарелку ближе. Чувствую от неё тепло, настоящее, живое тепло.

— Только одному, — повторяет он. — Ты выбираешь.

Руки поднимаются. Я не даю им команду, они двигаются сами. Живот сжимается в спазме, во рту собирается вязкая, тягучая слюна. Едва не глотаю воздух, так сильно хочу есть.

Я хочу жить.

Мысль вспыхивает резко, почти болезненно.

Я не виновата, что здесь есть кто-то ещё. Не просила, чтобы меня сюда тащили. Не просила сидеть в этой дыре и смотреть, как тело медленно съедает само себя.

У меня есть право.

У меня есть право выбрать себя.

Это не эгоизм. Это выживание.

В ушах звон. Пальцы дрожат и медленно тянутся к тарелке. Рука висит в воздухе, в нескольких сантиметрах от еды. Смотрю на неё, как будто это не моя рука, как будто она принадлежит кому-то другому, кому-то более слабому. Или, наоборот, более честному.

Желудок скручивает так резко, что сгибаюсь вперёд. В глазах темнеет. На секунду кажется, что я сейчас потеряю сознание прямо здесь, так и не дотянувшись.

И в этот момент:

— Пожалуйста... — доносится шёпот из камеры слева.

Тихий, слабый голос.

Детский.

Этот звук проходит сквозь меня, как игла.

Я замираю. Меня будто ударяют. В груди что-то сильно сжимается. Прикрываю глаза на секунду и резко отдёргиваю руку, будто обожглась.

— Не буду, — тихо произношу, почти неслышно.

— Что? — демон слегка наклоняет голову, в его появляется интерес.

— Отдай ему.

Тишина. Такая густая, что давит на уши. Он долго смотрит на меня так, будто пытается понять, что я такое.

— Ты уверена?

Живот сводит от боли. Я с трудом киваю. Слышу, как открывается камера, слышу тот самый жалобный голос:

— Спасибо, — беззвучно, на грани слуха, но успеваю поймать благодарность.

Закрываю глаза, в груди разливается тепло.

Я спасла.

Я смогла.

Я ещё... человек.

Слышу, как ребёнок осторожно двигается. Медленно, слишком медленно, будто боится, что еду у него отберут. Он садится на пол. А потом звук.

Он ест.

Жадно, неровно, с перерывами, потому что, кажется, давится. Каждый глоток звучит чересчур громко. Каждое движение как будто происходит прямо у меня в голове.

Я слушаю, не могу не слушать. И с каждым этим звуком внутри становится легче. Как будто это я ем, как будто тепло доходит и до меня тоже.

Глупо.

Прижимаюсь затылком к стене. Камень холодный, но сейчас это даже приятно, он немного остужает голову. Дышать становится проще, наверное, так и должно быть. Делаю медленный вдох, затем ещё один. Сердце постепенно замедляется, я почти успокаиваюсь.

КРИК.

Резкий.

Разрывающий.

Он бьёт по мне сильнее голода.

Сильнее страха.

Вздрагиваю всем телом.

Крик становится выше, больнее.

— АААААА! — слышу, как падает и разбивается тарелка.

Что происходит?

Крик захлёбывается и переходит в стон, потом в хрип. Слышу, как ребёнок хватается ртом воздух, как он скребёт ногтями по каменному полу. Каждый вздох такой тяжёлый как последний.

Не могу пошевелиться. Не могу встать. Крупная дрожь проходит по всему телу. Ладони потеют.

И потом:

— Ты его убила, — спокойно, почти ласково произносит демон из тени.

Слова падают, как камни.

— Нет...

— Еда была отравлена.

Мир уходит из-под ног. Смотрю на демона, но не вижу. Его губы шевелятся, и я не понимаю, как он может говорить такое.

Нет.

Нет. Нет. Нет. Нет.

— Если бы отдала ему воду, то умерла бы ты.

Демон смотрит на меня и произносит:

— Но ты решила быть хорошей.

Я зажимаю уши. Глаза застилает пелена.

Слёзы?

Не знаю.

Не чувствую.

— И убила ребёнка. — Продолжает он.

— Заткнись.

— Это твоя вина.

Меня трясёт. Сначала руки, затем плечи, а потом и всё тело. Я не могу остановиться. Зубы стучат, мышцы сводит судорогой. Сжимаюсь в комок, придвигаюсь спиной к стене.

— ЗАТКНИСЬ!

Это сон.

Это просто сон.

Это не может быть правдой.

Но голос не замолкает. Он звучит внутри, въедается в мозг, повторяется снова и снова, пока слова не теряют смысл, остаётся только звук. Гул. Обвинение.

Убила, убила, убила, убила...

Подскакиваю на ноги и тут же падаю на колени, твёрдый пол обдирает кожу.

— Я не знала...

Ползу в угол, считаю вслух, чтобы заглушить мысли.

— Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть.

Ребёнок не оживает. Демон не исчезает.

— Семь. Восемь. Девять...

Замолкаю, потому что ничего не меняется.

Тишина. Она течёт по полу, забирается под кожу, заполняет лёгкие. Мне хочется закричать, но голоса нет.

Чудовище.

Я чудовище?

Поднимаю голову. Он стоит в нескольких шагах, не двигается. Смотрит на меня спокойно, с интересом, в его взгляде нет ненависти, нет осуждения. Только холодное, изучающее любопытство, как будто я эксперимент, и он только что получил результат.

— Не молчи, — его голос ровный, без намёка на эмоции.

Ни звука.

Слышу, как он делает шаг, ещё один, останавливается у самой решётки. Его тяжёлый взгляд прожигает спину.

— Я сказал — не молчи!

Сжимаюсь сильнее, пальцы впиваются в плечи. Не заговорю. Слова кончились.

— Ты слышишь меня?

Не отвечаю.

Он раздражённо выдыхает.

— Упрямая.

Шаги удаляются. Решётка закрывается. Звук — как удар по голове.

Я остаюсь одна.

Теперь считаю удары сердца.

Глава 16. Хранитель

Делаю несколько шагов к выходу из темницы, но что-то останавливает меня, что-то не даёт мне уйти. Задерживаюсь в тени, тьма укрывает меня полностью. Ни звука. Ни движения. Только холодное, внимательное наблюдение.

Смотрю на девушку.

Чувствую её душу.

Она дрожит, будто плачет без звука. Что-то внутри неё сжимается и разжимается в такт невидимой боли.

Насколько эта заключённая сильная?

Она боится, ломается, но держится. Сцепляет зубы и держится. Другие на её месте давно бы выли, молили о пощаде, пытались бы торговаться, обещать, лгать. А эта молчит, сжавшись в комок смотрит в темноту. Даже когда страшно. Даже когда больно. Даже когда тело уже не слушается.

Девушка сидит в углу, прижимая колени к груди. Глаза закрываются, дыхание замедляется, становится глубже. Хотя она вообще не должна была дышать здесь. Никто из живых не дышит в Аду. А она спокойно дышит, как дома.

Рубашка задралась, оголяя живот. Выступающие рёбра, впалые бока, острая линия таза. Она здесь уже две недели, кормили от силы пять раз. Я мог бы сжать её в своем кулаке, настолько сейчас хрупкая.

И такая негибаемая.

Тут мимо меня проходит...

белая кошка.

Моя львица.

Какого...?

Она не смотрит на меня. Идёт уверенно, будто знает, что имеет полное право быть здесь. Аккуратно проскальзывает в камеру сквозь прутья, я даже не вижу, как она это делает. Проходит мимо девушки, останавливается у её лица, принохивается. И ложится рядом, сворачиваясь клубочком.

Животное поворачивает морду, и её янтарные глаза останавливаются точно в том углу, где я стою. Даже сквозь тьму, даже сквозь то, что никто не видит.

— *Киара, — зову мысленно. — Что ты здесь делаешь?*

Кошка медленно, очень медленно мотает головой в сторону спящей заключённой. Девушка быстро отключилась. Сон глубокий, почти мёртвый. Она даже не вздрагивает, когда я выхожу из тени.

Делаю шаг к камере.

В глазах кошки появляется злоба. Не просто недовольство, а предупреждение. Она смотрит на меня, и в её взгляде читается: «Не подходи».

Ещё шаг.

Открываю клетку, металлические прутья скрипят.

Шаг.

Животное скалится. Маленькие острые зубы блестят в полумраке, шерсть встаёт дыбом, из горла вырывается низкое, протяжное рычание.

— *Я твой хозяин, — посылаю мысленный приказ.*

Вкладываю в него силу и волю. Взгляд животного меняется с озлобленного на настороженный. Она не убирает оскал, но напряжение чуть спадает, рычание затихает.

— *Защищаешь, значит, — говорю ей вслух. — От кого? От меня?*

Кошка зевает. Я провожу рукой по её мягкой шерстке, под пальцами чувствуется скрытая сила, мышцы напряжены, готовы к броску.

— Ты убила его? — киваю на клетку справа, туда, где раньше была тварь, где теперь только тёмное пятно на полу и тишина.

Киара кивает.

— Молодец.

Она прикрывает глаза, но не успокаивается, следит за каждым моим движением.

Я подношу пальцы к виску девушки.

Касаюсь.

И чувствую.

Её душа не отталкивает меня, не жжёт, как в прошлый раз. Она принимает. Тихо. Осторожно. Будто прислушивается, узнаёт, вспоминает.

Я хмурюсь.

Любая душа чувствует, кто я. Боится, сжимается, пытается вытолкнуть. Меня всегда сразу отвергают без сомнений.

Но эта не тянется ко мне, но и не отталкивает. Будто во мне нет ничего, от чего нужно защищаться. Закрываю глаза, вслушиваюсь. Слышу её душу. Она поёт. Тихо, едва слышно. Но не словами. Это... чувства?

Одиночество. Боль. Страх. И что-то ещё. Что-то, чего я не могу назвать.

Она не делит. Не ищет во мне свет, не боится тьмы, просто принимает.

Тепло разливается по пальцам, поднимается выше, заполняет запястье, предплечье, грудь. Но я не могу забрать душу. Не потому, что стена вернулась. Она здесь, я чувствую её холодную, чужую, твёрдую, как камень. Но сейчас она не мешает, она просто есть, наблюдает, ждёт.

Я должен убрать руку сразу. Задерживаюсь на мгновение дольше и только потом отступаю. Смотрю на спящую девушку.

— Что ты такое? — шепчу.

Никто не отвечает. Только кошка смотрит на меня своими необычными глазами, в них спокойствие, и что-то похожее на одобрение.

В этот момент к камере подбегает охранник. Его шаги гулко отдаются в тишине темницы. Он запыхался, лицо мокрое от пота, глаза бегают из стороны в сторону.

— Хранитель! — выдыхает он, останавливаясь у решётки хватаясь за прутья.

Я поворачиваюсь.

Он замирает на месте, когда видит кошку. Та вновь оскаливается мгновенно, без предупреждения. Охранник отшатывается, прижимается спиной к стене, закрывает лицо руками.

— Вас ищет Эшит, — выдавливает он, голос дрожит, срывается на писк.

Смотрю на него несколько секунд.

— Свободен, — бросаю.

Он срывается с места и исчезает в коридоре быстрее, чем я успеваю моргнуть.

Я оборачиваюсь на девушку. Кошка смотрит на меня. Она знает, знает больше, чем говорит.

Крылья разрезают воздух, ветер бьёт в лицо, а в голове её лицо, тепло на пальцах и странное, чужое, тянущее чувство, которое я не могу объяснить.

Сырая темница остаётся позади, Ад встречает меня привычным гулом. Крики, стоны, лягз цепей — всё смешивается в один сплошной, тягучий шум. Факелы горят тускло, пламя едва шевелится в тяжёлом воздухе. Тени пляшут на стенах, вытягиваются, сжимаются, будто живые.

Я опускаюсь на каменный пол. В центре зала стоит Эшит, её волосы с синеватым отливом струятся по плечам, глаза горят в полумраке. Перед ней на коленях ангел.

— Не убила? — говорю, подходя ближе. — Удивлён.

Эшит усмехается, и в её усмешке проскальзывает удовлетворение.

— Он забавный. Рассказал мне кое-что.

Я оглядываю ангела.

Молодой. Тёмные волосы слиплись от пота и падают на лицо. Белые крылья в крови, переломанные, висят под неестественным углом, одно вывернуто, другое раздроблено. Из рта течёт алая жидкость, капает на камень, собирается в маленькую лужицу. Под бровью красуется глубокая рана, её края уже почернели, запеклись. Он тяжело дышит, каждый вдох даётся с трудом, со свистом.

— Мне повторишь? — спрашиваю.

Наклоняюсь ближе к его лицу. В глазах страх, страх смерти. Липкий, холодный, он въедается в кожу, забирается под ногти, отравляет кровь. Я мог бы наслаждаться этим чувством, но сейчас не до того.

— Говори, — Эшит пинает его в спину.

Ангел падает лицом в пол, но быстро поднимается, дрожа всем телом. Его крылья беспомощно волочатся по камню.

— Мы искали, — он сплёвывает кровь, голос хриплый, срывающийся, будто говорит через стекло. — Мы ищем её.

— Кого?

Ангел поднимает глаза, и в них не мольба, не надежда, а что-то другое. Одержимость. Свет внутри него горит неровно, пульсирует, как больной орган.

— Несущую равновесие.

Сердце пропускает удар, а потом бьётся с бешеной скоростью, гулко отдаваясь в висках. Дрожь пробирает всё тело от позвоночника до кончиков пальцев, от шеи до колен. Я чувствую, как кровь приливает к лицу, как сжимаются кулаки.

— Что ты сказал?

— Несущую равновесие, — повторяет ангел шёпотом. — Та, кто держит баланс. Та, кто приходит, когда мир трещит по швам.

— Она здесь? — спрашиваю.

Ангел молчит, в эту же секунду Эшит заносит руку для удара.

— Не на Земле, — быстро говорит он, съёживаясь. — Не в раю. Мы искали везде. Перерыли всё. И не нашли.

— Значит, здесь, — говорю.

Он не отвечает, но я читаю ответ в его глазах.

Да.

Она здесь.

В Аду.

Я выпрямляюсь и отхожу на несколько шагов. Голова гудит мысли сталкиваются, разбегаются, сходятся снова.

Несущая равновесие.

Не ангел. Не демон. Не человек.

Слова мудреца всплывают в памяти. Его скрипучий голос, слепые глаза, беззубая улыбка. *«Тот, кто является всеми ими. И никем одновременно.»*

Она.

Её родители ангел и демон. Анна и Джеймс. Одна из света. Другой из тьмы.

Она родилась на земле человеком. Но с душой, в которой живут и свет, и тьма. Вместе. Не раздельно. Не враждую.

Она не ломается в Аду, дышит там, где никто из живых не дышит. Её душа не поддаётся мне. Она оттолкнула меня. Обожгла. Заставила чувствовать то, чего я не чувствовал тысячу лет.

Стена.

Я думал, это защита или барьер. Кто-то поставил её, чтобы спрятать душу. Но стена — это не защита.

Это она сама.

— Она и есть равновесие, — говорю я вслух.

Эшит смотрит на меня, ангел замирает, боясь пошевелиться.

— Что? — переспрашивает демоница. В её голосе проскальзывает любопытство, она чувствует что-то важное.

Я не отвечаю.

Она не просто человек. Она то, что держит этот мир. Или то, что его ломает.

Поворачиваюсь к ангелу.

— Ты, — говорю. — Будешь жить.

Он вздрагивает, не верит.

— Передай своим: вы ищите не там. И не то.

— Что? — ангел не понимает, его глаза мечутся от меня к Эшит, от Эшит ко мне.

— Несущая равновесие. Она не здесь.

Я сжимаю кулак, тьма сгущается на пальцах, пульсирует, дышит.

— Убирайтесь из Ада.

Ангел пытается подняться, падает, поднимается снова. Его крылья волочатся по камню, оставляя кровавый след. Эшит открывает портал, и светлая трещина рассекает воздух, шипит, искрится. Небожитель, шатаясь, уходит в неё, даже не оглядываясь. Портал закрывается.

— Ты знаешь, кто это, — произносит Эшит. — Это твоя заключенная?

Я напрягаюсь. Откуда она знает?

— Твой братец уже всем разболтал. — Добавляет девушка.

Мог догадаться.

— Нет. — Отвечаю.

Она мне не верит.

— И что ты будешь делать?

Я смотрю на свои руки. На них тепло её души, оно всё ещё там, не уходит.

— Подумаю, — говорю.

Эшит хмыкает и смотрит на меня долго, изучающе, потом разворачивается и растворяется в тенях.

Несущая равновесие.

Она спит в тюремной камере. Голодная, хрупкая, почти мёртвая. Думаю о том, что сказал мудрец. О книге, которую читал. О словах, которые выжжены в моей памяти.

«Не бойся тьмы. Без неё нет света. Но свет тоже может ослепить. И то, и другое в тебе.»

В ней.

Всё в ней.

Взмахиваю и взлетаю к потолку, вылетая в серое небо Ада. В голове мысли. Они роятся, жалят, не дают покоя. Провожу рукой по лицу, пальцы слегка дрожат от усталости, от злости, от этого чужого, липкого чувства бессилия.

Что я буду с ней делать?

Убить?

Один удар и всё кончится.

Я представляю это. Вхожу в камеру, сжимаю пальцы на её горле, выпускаю тьму. Она даже не успевает проснуться. Всё тихо, чисто. Никаких следов.

И мир взрывается.

Останавливаюсь.

Что если она действительно то, что держит равновесие? Несущая баланс между светом и тьмой, между ангелами и демонами, между раем и адом?

Если она умрёт исчезнут и те, и другие?

Или начнётся война, которая сотрёт всё?

Или мир просто перестанет существовать?

Не знаю. И это хуже всего. Я не могу рисковать, не могу проверить. Слишком высокая цена. Даже если это ложь, даже если мудрец ошибся, даже если она просто человек с большой душой.

Я не могу, чересчур много поставлено на карту. Сжимаю кулаки, когти впиваются в ладони.

Оставить в живых — риск.

Убить — риск.

Но если убить — уже не исправить.

Отпустить? Не хочу. И не могу. Если она уйдёт ангелы найдут её. Или другие демоны. Азазель уже знает, Эшит знает. Скоро будет знать весь Ад.

Оставить в тюрьме? Бессмысленно, начнётся охота.

Я Хранитель. Я должен знать ответ. Я должен принимать решения. Я не сомневаюсь. Никогда.

Но сейчас не знаю ничего.

Лечу в пустоту. Ветер свистит в ушах. Ад внизу расстилается чёрной, потрескавшейся землёй, огненными реками, гнилыми городами.

Выход есть. Один.

Я должен держать её ближе.

Глава 17. Кора

Просыпаюсь от того, что пространство вокруг будто сжимается, становится слишком мало места для меня одной. Открываю медленно глаза, надеясь, что это ощущение исчезнет вместе с ним.

Нет.

Он стоит напротив неподвижный, собранный, но в нём что-то не сходится. Лицо лишено привычной хищности, нет той холодной, выверенной угрозы, к которой я успела привыкнуть.

Взгляд другой, он глубже и тише.

Демон делает шаг ближе. Я не двигаюсь, просто смотрю ему в глаза, но они не давят, не прожигают.

— Ты...не будешь? — голос звучит глухо, почти чужим.

Я смирилась.

После последнего будто всё внутри выжгли. Осталась только оболочка, которая дышит, двигается, отвечает, если заставят.

Я своими руками...

Даже мысленно не могу это произнести.

Жду, что он опять направит сферу, будет задавать вопросы, на которые я не знаю ответа, что мне будет физически больно. Тело напрягается, мышцы реагируют на его присутствие быстрее, чем разум.

Но...

Он просто садится рядом.

Рядом со мной.

На расстоянии вытянутой руки.

Спиной к каменной стене, будто ему нужно опереться. Словно тяжесть не снаружи, а внутри. Я чувствую тепло от него, слышу дыхание ровное, но тяжёлое. Сердце бьётся глухо, как удар в стену.

Слишком близко.

— Сегодня нет.

Эти слова звучат хуже, чем угроза. В темнице повисает пауза. Впервые тишина не хочет меня сожрать.

— Тогда зачем?

Он не отвечает. Я отвожу взгляд, но продолжаю наблюдать краем глаза и понимаю, что он и сам не знает.

— Ты всегда считаешь? — спрашивает он.

— Когда хочу успокоиться.

— Помогает?

— Иногда.

Демон слегка кивает, почти незаметно.

— Почему сейчас не считаешь? — он задаёт вопрос.

— Я не волнуюсь.

Ложь.

Демон поворачивает голову, смотрит прямо. Понимает, что я вру, но не давит.

В голове пусто, ни одной мысли. Я закрываю глаза.

— Боль тебя не сломала, — произносит он. — Тишина тоже.

— Сломала.

Отвечаю тихо, без сопротивления. Его взгляд опускается на меня.

— Нет, — говорит демон.

Открываю глаза, смотрю в темноту перед собой.

— Просто не так, как ты хотел. — Отвечаю ему.

Демон не спорит, только чуть откидывает голову назад, упираясь затылком в стену.

— Я ненавижу тишину, — говорит он.

— Здесь тихо.

— В этой камере по-другому.

Я думаю над его словами, но объяснения не нахожу.

— Там, где я был раньше, — продолжает демон, — не было ничего.

Слова ложатся тяжело.

— Знаешь, что происходит потом? — спрашивает он и сам отвечает:

— Ты начинаешь забывать.

Я не перебиваю, слушаю, не потому что интересно, просто слушаю.

— Сначала желания. Потом мысли. Потом...

— Ты исчезаешь сам, — заканчиваю за него.

Он замирает, поворачивает голову.

— Ты не боишься исчезнуть?

Я думаю.

Долго.

Настолько, что сама начинаю терять нить.

Демон не торопит.

— Нет.

— Почему?

— Потому что уже почти.

Воздух становится плотнее. Демон смотрит на меня так, будто пытается что-то увидеть.

Не снаружи.

— Нет, — произносит он тихо.

Впервые поворачиваюсь к нему и вижу в его глазах усталость.

Вдруг...

Он двигается.

Рука поднимается медленно, осторожно, слишком аккуратно для того, кто привык действовать резко. Пальцы замирают у моего виска. Я не отстраняюсь. Чувствую, как холод проходит по коже, не касаясь её. Он хочет заглянуть глубже, туда, где остаётся что-то, что он не смог достать. Я это понимаю, он тоже.

Секунда.

Ещё одна.

Его пальцы слегка напрягаются.

И...

ничего.

Демон останавливается, сжимает руку в воздухе, будто наткнулся на границу. Не мою. Свою. Опускает руку, не доводя действие до конца.

— Нет, — повторяет он почти неслышно.

Я смотрю на него, жду, сама не знаю чего.

Удара? Приказа? Тьмы, которая выжжет мне глаза?

Ничего не происходит. Он просто сидит, смотрит куда-то мимо, дышит. Я всё ещё чувствую холод на виске там, где его пальцы замерли в миллиметре от кожи.

Медленно выдыхаю.

Он не сделал.

Он мог — и не сделал.

Это страннее, чем любой удар. Любая боль. Любая угроза. Потому что у этого нет объяснения.

Смотрю на его руку, она расслабленная лежит на колене. И тут я понимаю, что даже не знаю, как его зовут. Слова срываются сами:

— Ты Хранитель?

— Да.

— Это имя?

— Нет.

Киваю.

— У тебя есть имя. — утвердительно произношу.

Демон отвечает не сразу.

— Есть.

Где-то в глубине коридоров ритмично капает вода, отмеряет секунды. Раз, два, три...

— Ты не спросишь? — говорит он.

— Зачем?

— Чтобы знать.

— Ты не скажешь. — Отвечаю.

Демон прищуривается, смотрит на меня иначе. Как на живую.

— Имя — это власть, — говорит Хранитель.

— Над кем?

— Над тем, кто его носит.

Я обдумываю.

— Тебя можно убить им? — спрашиваю демона.

На его губах появляется тень усмешки.

— Ты слишком быстро понимаешь.

— Это не ответ.

Он выдерживает паузу.

— Возможно.

Демон отворачивается.

И вдруг:

— Твои родители...

Перебиваю его:

— Не надо.

Он останавливается сразу, без давления, без насмешки, просто принимает.

— Хорошо.

Я смотрю на него. Это странно. Он не продолжает, не давит.

— Ты всё равно узнаешь, — говорит мне.

— Не хочу.

— Это ничего не меняет.

— Почему?

Демон поднимается. Чувствую, как становится холоднее. Смотрит сверху вниз.

— Потому что ты причина.

Я не понимаю. И не пытаюсь. Демон задерживается на мгновение, будто внутри ещё есть слова, но он их не произносит. Разворачивается и уходит. Шаги постепенно растворяются в глубине коридора.

Ничего не чувствую.

Не злость. Не страх. Не благодарность.

Просто пусто.

Прокручиваю в голове наш разговор. Слова. Паузы. То, как он сжал руку в воздухе, так и не коснувшись.

Я причина.

Причина чего?

Перебираю варианты, но все они звучат глупо. Я ничего не выбирала. Ни тюрьму. Ни голод. Ни ту еду. Ни смерть за стеной. Просто оказалась здесь. А теперь он садится рядом, говорит о тишине, спрашивает, боюсь ли я исчезнуть. Раньше он хотел меня сломать, теперь сидит в моей камере и молчит. Как будто мы оба ждём. Чего — не знаем.

Я не верю ему.

Не верю, что это не игра.

Но почему-то...

Почему-то я не готовлюсь к удару.

Может, дело в нём, а может во мне. Я перестала ждать, что кто-то меня спасёт. Перестала надеяться, что это закончится, перестала бояться, что умру. Когда отключаешь всё — остаётся только существовать. И в этом существовании нет места ни ненависти, ни прощению. Есть только стены. И иногда чужое дыхание рядом.

Прислоняюсь затылком к стене.

Холодно.

Как всегда.

Он сказал, что я не сломалась. Может, прав. Может, сломаться значит перестать сопротивляться. А я не сопротивляюсь, я просто есть, и этого, видимо, достаточно.

Закрываю глаза, считаю про себя.

Раз. Два. Три.

Не чтобы успокоиться, а просто чтобы заполнить тишину.

Четыре. Пять. Шесть.

В конце коридора глухо хлопает дверь.

Семь. Восемь. Девять.

Он не вернётся сегодня.

Я знаю это.

Десять.

Дыхание выравнивается, сознание плывёт, и, перед тем как провалиться в темноту, думаю только об одном —

странно, когда перестаёшь ждать становится легче. Не хорошо, не плохо, просто не тяжело.

Глава 18. Кора

— Вставай, — его голос звучит грозно.

Он даже не смотрит на меня. Я поднимаюсь с каменного пола, стою на месте.

— Куда?

Голова раскалывается, будто по ней бьют кувалдами каждые десять секунд. В ушах звон. Решётка камеры открывается, демон стоит рядом с ней.

— Ко мне.

Смотрю на него, пытаюсь понять, в чём подвох.

— Зачем?

— Здесь холодно. — Он чуть наклоняет голову.

Ноги подкашиваются, как только встаю, осторожно переступаю порог — дверь за мной закрывается. Хранитель разворачивается и идёт вперёд по коридору, даже не проверяет, следую ли я за ним. Делаю неуверенный шаг, ещё один. Смотрю на камеры по пути, почти все пустые. Проходим мимо клетки, где был ребёнок, я отворачиваюсь раньше, чем успеваю посмотреть.

Перед нами появляется пара охранников.

— Хранитель.

Демоны склоняются в поклоне перед ним, но перед этим их взгляды задерживаются на мне. Обо мне никто не знал?

Первая железная дверь, поворот налево, здесь побольше заключённых. Иду, считая по привычке шаги.

Раз.

Два.

Три...

...Семь...

...Одиннадцать...

Сбиваюсь.

— Потеряла счёт? — спрашивает демон.

Поднимаю голову, встречаюсь с его взглядом, уголки губ приподняты в ухмылке. Не отвечаю.

Вторая дверь, лестница наверх. Так я всё это время была на самом нижнем этаже. Коридоры становятся светлее, факелы горят ярче, камень чище. В груди появляется тяжесть, дыхание сбивается, сглатываю и иду дальше.

Мы останавливаемся у последних ворот. Сквозняк скользит по позвоночнику, мурашки бегут к затылку. Прикрываю глаза и обнимаю себя руками. Сердце стучит ровно, дыхание спокойное.

— Надень.

Поднимаю глаза на него, но не двигаюсь. Холод пробирает до костей, зубы едва не стучат, но я стою. Лучше так.

Он смотрит секунду.

Две.

А потом просто резко делает шаг ближе. Пальто ложится мне на плечи тяжело, почти грубо. Тёплая, чужая ткань касается кожи. Я вздрагиваю.

— Я не спрашивал, — тихо говорит он.

Пальцы на секунду задерживаются у воротника, сжимают ткань. Будто проверяет на месте ли она. Или...не ткань.

Он отпускает, пальто остаётся. Мы выходим наверх, воздух здесь более плотный, вдыхаю и тут же кашляю. Серая земля, грозовое небо, высокие горы, ни одного растения. Большой, чёрный, острый замок чуть подальше, он будто врос в скалу. И странные существа, похожие на демонов, но не на человека. Невольно засматриваюсь на них, а они на меня.

— Низшие, — отвечает Хранитель на мой немой вопрос.

Мы идём к ним ближе, и все как один встают на колени, их маленькие тела дрожат.

— Свободны. — Говорит им демон.

Подходим к входу. Двери тёмные, тяжёлые, с коваными петлями, они открываются без звука, будто сами. Внутри царит полумрак, где-то горят факелы, света от них мало, только тени. В конце огромного зала зажжён камин. Каменные стены, высокий потолок, который теряется в темноте. По углам расставлены статуи каких-то существ. Я не всматриваюсь. Моя клетка по сравнению с этим местом — ничто. Песчинка.

Голову резко пронзает острая боль, перед глазами всё плывёт, оступаюсь. Рука демона тут же невесомо ложится мне на спину, придерживая. Я отшатываюсь.

— Всё в порядке, — стараюсь произнести твёрдо, но голос меня выдаёт.

Хранитель молча кивает и двигается дальше. Я плетусь за ним, хватаясь руками за стены. Мы идём по бесконечным коридорам. Сначала поднимаемся по винтовой лестнице — ступени узкие, стёртые. Потом длинный переход с высокими окнами, за которыми ничего не видно. Снова лестница, в этот раз широкая, мраморная.

— Здесь начинаются мои владения, — слова эхом отскакивают от стен. — Запомни, — он говорит тише, но от этого страшнее, — за них ни ногой.

Я киваю.

На повороте нас кто-то встречает. Сначала слышу быстрые лёгкие шаги, затем вижу её. Девушка.

Тёмные волосы небрежно собраны, на губах — полуулыбка, взгляд внимательный. Она останавливается, увидев нас.

— Это она? — в её голосе нет страха, как у остальных.

Хранитель молчит.

— Эшит, — представляет её демон.

Девушка подходит ближе, разглядывает меня.

— Ты её из темницы вытащил? — спрашивает она.

— Да.

— Зачем?

— Нужно.

Эшит усмехается:

— Удобный ответ.

Девушка подходит почти вплотную ко мне.

— Она еле стоит, — говорит демону.

— Дойдёт.

— А если нет?

Хранитель не издаёт ни звука. Эшит улыбается и качает головой.

— Понятно.

Делаю шаг назад и почти падаю, мир резко уходит в сторону, я успеваю зацепиться за стену, пальцы скребут по камню. Закрываю глаза на секунду, просто чтобы не упасть. Перевожу дыхание и выпрямляюсь сама.

— Как тебя зовут?

— Кора.

Она не сразу отходит. Взгляд цепкий, будто пытается что-то разглядеть, отступает на несколько шагов в сторону, разворачивается и медленно уходит. Только сейчас я замечаю аккуратные тёмно-фиолетовые крылья, сложенные за спиной. Демоница.

Хранитель шумно вздыхает, потирая глаза ладонью.

— Дальше, — кидает мне.

Мы идём по коридору, и наконец — дверь. Массивная, деревянная, с резными ручками в виде звериных голов. Он открывает её и пропускает меня вперёд.

— Твоё новое место обитания, — голос стал немного теплее. — Вещи на кровати.

Тепло. Неожиданно.

Я думала, будет темно и холодно. В камине горит огонь, потрескивают дрова. Дальше расположена ещё одна комната. Чёрный балдахин над кроватью, белые простыни, чистые. У стены стоит книжный шкаф.

— Не выходи, — произносит Хранитель. — Переоденься.

За спиной с глухим стуком закрывается дверь. Слышу, как затихают его шаги. Сажусь на кровать и подтягиваю к себе колени. Прикладываю ладонь ко лбу — кожа горячая. Меня знобит. Наверное, простудилась.

Разглядываю одежду, провожу по тканям рукой. Дорогие. Тёмное платье в пол из плотного шёлка, словно специально подобранное по размеру. Рядом лежат тёмные классические брюки и простая белая рубашка. Всё новое, с иголочки. Чужое.

Втягиваю воздух носом и шумно вздыхаю. В голову сразу бьёт запах дождя.

Пол под ногами кажется неровным, мне приходится задержаться на месте, прежде чем сделать шаг. Захожу в ванную. Белый камень, тусклый свет, влажный тёплый воздух. Стягиваю с себя одежду. Из лейки льётся тёплая вода, кожу покалывает. Я тру её сильно, будто хочу снять не только грязь, но и всё, что здесь со мной делали. Беру мыло и смываю с себя остатки крови, запёкшейся под ногтями. Синяки отзываются глухой болью.

Взгляд падает на зеркало.

Чистая кожа, впалые скулы, под глазами тени. Глубже, чем раньше. На секунду кажется, что отражение двоятся.

Обматываюсь полотенцем и выхожу в спальню. Двигаюсь медленно, стараясь не делать резких шагов. Надеваю чистую рубашку и брюки, сухая ткань приятно холодит разгорячённое тело.

Смотрю на потрескивающий огонь и ложусь на кровать. Глаза медленно закрываются, сначала приходит облегчение, потом тяжесть. Мысли обрываются на середине.

Я не помню, как проваливаюсь в сон.

Резкий холод заставляет проснуться. Он накатывает мгновенно, будто меня окунули в ледяную воду. Подскакиваю и тут же слышу:

— Ложись обратно.

Пытаюсь оглядеться, но перед глазами пляшут чёрные точки. На руки падает что-то мокрое.

Тряпка?

Меня бьёт озноб. Настолько сильно, что я чувствую, как пот стекает по ногам. Не могу согреться, одеяло не помогает. Кто-то легонько толкает меня обратно на подушку.

— Воды, — голос охрип и не похож на мой.

К губам приставляют кружку. Делаю глоток и тут же кашляю. Жидкость обжигает горло, но я глотаю снова.

— Не спеши.

Ложусь обратно и пытаюсь открыть глаза, но веки тяжёлые, словно свинцовые. Кто-то сидит рядом, на краю кровати. Холодная тряпка снова ложится на лоб, я вздыхаю от облегчения.

— Горячая, — говорит голос.

Хочу ответить, но язык не слушается. Тряпка медленно скользит по щеке, по шее. Не понимаю, кто это делает, но руки чужие, осторожные.

— Спи, — слышу.

Или мне кажется?

Голос уходит в темноту, потом возвращается. Где-то далеко скрипит дверь. Шаги. Потом снова тишина, только потрескивают дрова.

Время ломается. Может, проходит минута, час или вся ночь. Иногда становится жарко настолько, что кажется, кожа сейчас лопнет. Иногда — холодно до судорог. Меня поднимают, придерживая за спину. Голова падает на чьё-то плечо, к губам вновь подносят воду. Я пью, не открывая глаз. Потом меня опускают обратно. Тряпка снова на лбу. Холодная и мокрая.

Просыпаюсь от того, что дышать становится легче. Влажная тряпка всё ещё на лбу, но уже тёплая. Озноб прошёл. Осталась только слабость — такая, что даже пальцем пошевелить трудно.

Открываю глаза. Комната та же. Огонь в камине почти погас. На столе горят свечи. Чувствую рядом с собой что-то тёплое и живое. Поворачиваю голову.

Кошка. Моя кошка.

— Эй, — тихо зову её.

Горло охрипло, голова болит уже не так сильно, но она словно ватная.

Животное не реагирует.

— Тебя же здесь найдут, — шёпотом говорю.

Она медленно открывает глаза, смотрит на меня и зевает. Протягиваю руку, кошка принохивается и ложится обратно. Мягкая шёрстка касается пальцев. Провожу рукой по её шее, за ушами, а в ответ слышу тихое, ровное урчание. Оно вибрирует где-то глубоко, разливается по груди теплом, и на секунду мне кажется, что это единственное живое тепло во всём Аду.

Оглядываю помещение.

Кто-то сидит в кресле у стены. Руки сложены на груди, голова чуть набок. Пепельные волосы.

Он спит.

Смотрю на него несколько секунд, прежде чем память возвращается. Холод. Тряпка. Голос.

Это был он.

Смотрю на его руки. Такие же, как тогда, в моей комнате. Тогда они сжимали моё запястье, сейчас просто лежат расслабленные. Сердце делает странный скачок. Я сжимаю зубы и закрываю глаза.

— Ты долго будешь делать вид, что спишь?

Он уже смотрит на меня, как будто ждал.

— Чего тебе? — спрашиваю демона.

— Проверяю, жива ли.

Секунда.

— Разочарован? — тихо произношу.

Его губы едва заметно дёргаются.

— Пока нет.

Отворачиваюсь. И в этот момент ловлю себя на мысли — я ждала, что он скажет что-то другое, что-то... менее острое.

Меня это злит.

Сильно.

Он подходит ближе. Я напрягаюсь мгновенно, тело реагирует быстрее, чем разум. Рука сама сжимает одеяло.

Он это видит.

Конечно, видит.

Останавливается на секунду, а потом всё равно садится на край кровати.

— Пей.

Протягивает воду. Я смотрю на кружку, потом на него.

— Отравил?

— Если бы хотел — ты бы уже не проснулась.

Логично.

Беру кружку.

— Почему? — вырывается у меня.

Демон чуть наклоняет голову.

— Что?

— Ты... — запинаюсь. Ненавижу это. — Вчера. И сейчас.

Слова путаются. Я сжимаю кружку сильнее.

— То ты... — вдох. — То ты как будто...нормальный.

Секунда тишины, и я уже жалею, что сказала это. Его взгляд меняется.

— Я не нормальный, — тихо.

Он наклоняется ближе. Слишком близко. Я замираю.

— Не путай, — почти шёпотом. — То, что я не дал тебе сдохнуть с... добротой.

Сердце проваливается куда-то вниз.

Вот оно.

Вот настоящий он.

Я отворачиваюсь к стене. Сзади звук шагов, затем входная дверь хлопает.

Глава 19. Хранитель

Шея ноет, открываю глаза, и тут же свет из окна бьёт по лицу, заставляя щуриться. В Аду редко бывает солнце, обычно небо затянуто серой пеленой, и свет здесь тусклый, мёртвый, больше похожий на отражение, чем на настоящее тепло.

Я шумно выдыхаю и оглядываюсь.

Она лежит на кровати, укутавшись в одеяло по самую шею. Дыхание тихое, его почти не слышно.

Прислушиваюсь.

Сердце стучит ровно. Жива.

Рядом, свернувшись клубочком, спит Киара в облике кошки. Я уже не удивляюсь. Бледное лицо, тени под глазами, рыжие волосы, разметавшиеся по подушке. Странное чувство. Раньше я смотрел на неё и видел только душу, загадку, головоломку, которую нужно разобрать на части.

Теперь...теперь я вижу её — хрупкую, сломанную, но не сломленную. Мог бы продолжить пытаться снова и снова, пока стена не рухнет.

Но не хочу.

Просто это было бы бессмысленно. Как ломать то, что и так трещит по швам, как бить по камню, который уже рассыпается.

Я устал. От неё. От себя. От всего.

Встаю с кресла, делаю шаг к кровати. Протягиваю руку, чтобы потрогать лоб — проверить, до конца ли спал жар.

Пальцы замирают в нескольких сантиметрах от её лица.

Не стоит.

Отступаю.

Демоны не болеют. По крайней мере, у нас это называется иначе. Мы не горим в огне, не мёрзнем в снегу, наше тело восстанавливается быстрее человеческого. Но мы можем потерять силы, истощиться или выгореть. Это происходит либо в бою, когда враг высасывает из тебя энергию по капле, либо когда отдаёшь кому-то слишком много себя. Тогда сила незаметно уходит, потом однажды просыпаешься и понимаешь, что ты уже не тот. Что крылья не слушаются, что тьма внутри тебя больше не отзывается.

У меня была сестра.

Я не часто вспоминаю о ней, но сейчас, глядя на эту девушку, почему-то думаю именно о ней.

Её звали Лира. Ей было тринадцать лет, когда она решила спасти друга.

Мальчик. Ангел. Её ровесник. Они встретились ещё до войны. Он был болен душой. Угасал медленно, тихо, без криков.

Лира привязалась к нему. Они играли вместе, болтали, смеялись. Он называл её «белая», потому что её крылья сияли ярче, чем у других детей демонов. А потом она узнала, что он умрёт, и добровольно отдала часть своей души, частицу себя. Протянула руку и перелила в него свою энергию, свою жизнь.

Мальчик выжил.

Лира — нет.

Она угасала на глазах, силы уходили, как вода сквозь пальцы, крылья стали серыми, потом прозрачными, а затем перестала дышать. Мне было пятнадцать, я держал её за руку, когда она уходила, смотрел, как её глаза тускнеют, как тело становится лёгким, почти невесомым. Я не плакал, демоны не плачут. Но внутри что-то оборвалось.

Люди думают, что бессмертие — это дар. Они ошибаются.

Бессмертие — это когда все, кого ты любил, превращаются в пепел, когда имена стираются из памяти, когда ты просыпаешься однажды и понимаешь, что не помнишь лица матери.

Мы не бессмертны. Мы просто живём дольше.

До двадцати пяти лет растём как люди. Год за годом. Месяц за месяцем. Та же детская беспомощность, те же ссадины на коленях, тот же страх темноты.

Потом всё меняется.

Тело замирает, старение замедляется. Сначала ты замечаешь это в зеркале — лицо перестаёт меняться, потом в сражениях: раны заживают быстрее, сил становится больше. Люди стареют за десятилетия. Для нас десятилетие — как месяц. Сто человеческих лет — почти один наш год.

Сестра умерла, когда ей было четырнадцать. По человеческим меркам — ребёнок, по нашим — ребёнок. Разница только в том, что она успела полюбить, отдать часть себя и исчезнуть.

А я живу дальше. Тысячу лет. И буду жить ещё.

И пришла она.

Девушка, человек, срок жизни которой для меня — как короткий сон.

Хотя человек ли она?

Не знаю, что хуже — жить вечно и ничего не чувствовать или почувствовать что-то, зная, что это исчезнет через мгновение.

Прохожу в гостиную. Большой диван из тёмной кожи, обеденный стол из чёрного дерева, на стенах висят картины в массивных рамах. На одной изображена охота демонов на ангелов, на другой — падение первого серафима. Всё в мрачных тонах.

Выхожу на балкон.

Холодный воздух ударяет в лицо, он шелестит моими перьями, заставляет их расправляться. Я раскрываю крылья во всю длину, метров пять от кончика до кончика. Тёмные, с металлическим отливом. Медленно поднимаю их вверх и резко опускаю.

Меня выталкивает с балкона, ветер подхватывает, несёт вверх. Поднимаюсь выше, пролетаю мимо башен, мимо шпилей, мимо облаков. Ад внизу расстилается чёрной, потрескавшейся землёй, где-то далеко текут огненные реки, где-то горят города проклятых.

Прижимаю крылья к спине.

И падаю.

Воздух свистит в ушах, воздух бьёт в лицо, срывает слёзы, которых нет. Земля несётся навстречу. Сердце ускоряется, кровь стучит в висках. Внутри — пустота, ни одной мысли, только ощущение полёта, свободы, смерти, которая ждёт внизу. Это чувство, оно почти как страх, но без ужаса. Обжигает изнутри, заставляет тело напрячься, крылья сжаться. В груди что-то щекочет, давит, распирает.

Адреналин.

Сотня метров.

Восемьдесят.

Пятьдесят.

Земля уже близко, вижу трещины на камне.

Сорок.

Резко распахиваю крылья.

Они разрезают воздух с глухим, упругим хлопком. Ветер вновь подхватывает меня, подкидывает вверх, гасит скорость. Я приземляюсь на ноги, сгибая колени, камень под подошвами трескается.

В этот момент сзади появляется Морт.

— Тебя ищет Правитель, — говорит он без приветствий.

В его глазах отчётливо читается настороженность. Он смотрит на меня чуть дольше, чем обычно, словно оценивает, словно ищет что-то.

— Что-то случилось? — спрашиваю его.

— Не знаю, — Морт пожимает плечами, но взгляд не отводит. — Но он не в духе.

Я киваю. Разворачиваюсь и неспеша иду к главному входу. Коридоры Ада как будто нескончаемые. Высокие своды, чёрный камень, факелы через каждые несколько шагов. Иду медленно, сапоги стучат по камню, звук разносится эхом, множится, теряется где-то в глубине.

Что же потребовалось отцу? За последнее время мы слишком часто видимся.

Поворачиваю за угол, прохожу мимо статуи первого демона — огромной, высеченной из обсидиана. Мимо зала, где собираются высшие. Сейчас там пусто.

Чёрные, кованые двери, с барельефами падших ангелов, открываются бесшумно, стоит мне приблизиться. В нос ударяет запах металла, старой, вьёвшейся в камни крови.

Мрачное помещение. На возвышении в центре стоит трон, вырезанный из цельной скалы. На спинке выкованы расправленные хищные крылья. Слева от трона, прислонившись к колонне, стоит Азазель, его губы растянуты в привычной полуулыбке, глаза блестят.

Я делаю несколько шагов вперёд и останавливаюсь.

— Сатана, — чуть склоняюсь в поклоне.

Правитель не двигается. Он сидит на троне, положив руки на подлокотники, его лицо как маска: ни гнева, ни одобрения.

— Подойди ближе, — произносит он.

Голос низкий, тяжёлый, давит на плечи, заставляет инстинктивно напрячься. На лице брата появляется гадкая улыбка.

— Кто та заключённая в темнице? — спрашивает Сатана.

Чёрт.

— Обычная девушка с Земли.

— Ты ведь знаешь, сын, как я не люблю ложь, — спокойно говорит отец. — Я дам тебе ещё одну попытку. Кто она?

Пауза.

Я взвешиваю каждое слово.

— Девушка с необычной душой.

Правитель не произносит ни слова, слушает.

— Она не открывается. У неё есть защита, которую я не смог пробить. — Говорю медленно, не отводя взгляда. — Пытал её несколько недель.

— Она несёт опасность? — спрашивает Сатана прямо.

— Не думаю.

— Ты высший демон. Ты сын Правителя! — его голос повышается, раскатывается по залу. — Ты не можешь быть не уверен в своих ответах!

Пламя факелов дрожит, воздух становится плотнее, тяжелее.

— Теперь ответь мне: она для нас угроза?!

— Нет.

Отвечаю быстрее и твёрже, чем чувствую. Сатана долго смотрит на меня, потом переводит взгляд на Азазеля. Тот что-то нашёптывает отцу, наклоняясь к самому уху. Я не слышу слов, но вижу усмешку в его глазах.

— Что было в той книге, которую ангелы украли? — спрашивает Правитель.

— Легенды. Сказки. Ничего важного.

— Ты недоговариваешь, — встречает Азазель.

— Замолчи, — кидаю ему, поворачиваясь к брату в упор. — А ты сам рассказал отцу, что недавно делал на Земле?

Брови Азазеля напрягаются, скулы выступают, он сжимает челюсть.

— Хватит, — прерывает нас Сатана. — Оба свободны.

Я делаю пару шагов назад, не поворачиваясь спиной к отцу.

Азазель уже успел всем разболтать. Но он не знает, кто эта девушка на самом деле. Это хорошо, пусть пока остаётся в тайне.

Заворачиваю за угол. Поднимаюсь по лестнице, прохожу мимо библиотеки. Энох стоит у дверей. Испуганный. Старый. Жалкий.

— Добрый вечер, — тихо бросает он мне.

Я не отвечаю.

Захожу в просторный зал из серого камня. Стены здесь гладкие, без трещин, отполированные до зеркального блеска, пол выложен чёрными и белыми плитами, как шахматная доска. В центре — длинный стол из тёмного дерева, на нём несколько книг, развёрнутые свитки, чернильница.

— Морт.

Светловолосый демон резко оборачивается и роняет книгу из рук.

— Это ты, — говорит он, прижимая руку к груди. — Ты меня напугал.

— Что читаешь?

— Мифы о Несущей равновесие, — говорит парень, наклоняясь за книгой. — Я наш...

— Я забрал её из темницы, — перебиваю.

Морт замирает. Поднимает голову, смотрит на меня с интересом, но в глазах что-то ещё, какая-то тень, словно он уже знал или догадывался.

— Где она сейчас?

— В моих владениях.

— С ней всё в порядке?

— Пока да.

— «Пока»?

Я киваю и отвожу взгляд.

— Что ты нашёл? — спрашиваю друга.

Морт молчит секунду, потом раскрывает книгу на заложенной странице.

— «Несущая равновесие придёт, когда мир начнёт трещать по швам, — читает он. — Она не будет ни светлой, ни тёмной. Она будет и тем, и другим. И никем одновременно. Восстановит баланс между ангелами и демонами. Или уничтожит их обоих».

— Что ещё?

— У неё должен быть знак. Клеймо. В виде спирали.

Я запоминаю. Надо будет проверить.

— Судя по легендам, сила огромна. Любой демон, если впустит в себя свет — сгорит, также и с ангелами, если впустят тьму — падут. А Несущая равновесие держит в себе и то и другое. Вместе.

— Откуда ты это знаешь?

— Из...свитков, которые нашёл Энох, — демон запинаясь. — Тех, что не сожгли.

Морт проводит рукой по странице.

— Она не просто сильная, — тихо произносит он, — она настоящее чудо и проклятие одновременно. Потому что такая сила не для одного человека. Рано или поздно раздавит кого угодно.

— Ты хочешь сказать, что она не выдержит?

— Я хочу сказать, что никто не знает, выдержит ли она. Даже те, кто писал эти свитки. Они только предполагали. Они никогда не видели вживую Несущую равновесие. Только легенды.

Демон закрывает книгу.

— Если она сломается, то свет и тьма вырвутся наружу. Что будет тогда? — Морт переводит на меня взгляд.

Я оставляю его вопрос без ответа.

— А бабушка? — задаю вопрос Морту.

— Серафим.

Мои брови поднимаются вверх.

— Она всё ещё серафим?

— Да, — отвечает Морт. — Еле нашёл информацию. Энох двое суток не спал, пришлось даже слетать на Землю.

— Вы её поймали?

— Нет. Её и след простыл. Исчезла, как только поняла, что за ней пришли.

Я потираю рукой лоб.

— Ты ничего не говорил отцу?

— Нет, — Морт качает головой. — Но Азазель он что-то подозревает. Он приходил, спрашивал, я сказал, что ищу информацию о душах для тебя.

— Он поверил?

— Не знаю, но отстал.

Морт смотрит на меня, теперь в его взгляде светится не только интерес, а какая-то настороженность. Словно он оценивает, сколько я знаю, сколько готов рассказать.

— Ты уверен, что она — та самая? — спрашивает он тихо.

— Нет, — отвечаю честно. — Но другого объяснения у меня нет.

Морт кивает. На секунду мне кажется, что он хочет что-то добавить, но парень молчит.

— Я пойду, — говорит он. — Если найду ещё что-то — скажу.

Прохожу к окну, смотрю на светлое небо Ада, на горы вдалеке, чёрные башни замка. Мысли путаются. Слишком много вопросов и ни одного ответа.

Сзади слышу мягкие шаги.

Оборачиваюсь.

Киара. Белая шерсть, чёрные полосы, янтарные глаза. Она подходит ко мне, трётся головой о ногу. Я опускаю руку, провожу пальцами по её гриве.

— Она проснулась? — тихо спрашиваю.

Львица молчит, только смотрит на меня. В её глазах — спокойствие. И предупреждение.

Глава 20. Кора

Во сне холод приходит раньше звуков, раньше боли. Сначала липкий, густой, забирающий воздух из лёгких холод. Он заползает под кожу, в кости, в зубы. Я стою босиком на чёрном камне и не чувствую пальцев ног.

Темно.

Я не помню, как сюда попала. Пытаюсь сделать вдох и чувствую запах старой крови, от него мутит.

Где-то впереди капает вода.

Кап.

Кап.

Кап.

Звук чересчур громкий, я иду на него, хотя всё внутри кричит не двигаться. Камень под ногами влажный, скользкий, стены сужаются, воздух становится тяжелее.

Потом я слышу дыхание.

Не своё.

Останавливаюсь.

Тишина.

Нет. Не тишина.

Кто-то стоит впереди. Не вижу его, но точно ощущаю взгляд. Он медленно скользит по коже, как нож.

— Кто здесь? — голос ломается.

Никто не отвечает. Я делаю шаг назад.

Смех.

Он звучит сразу отовсюду.

По позвоночнику проходит дрожь.

— Хранитель? — шепчу прежде, чем успеваю подумать.

Смех становится громче.

Не он.

Резко разворачиваюсь и иду обратно, быстро, почти бегом, но коридор уже другой, он длиннее, уже. Я не помню этого места.

Кап.

Кап.

Кап.

Теперь вода капает прямо надо мной. Что-то тёплое падает на плечо, поднимаю руку.

Кровь.

Свежая.

Меня начинает трясти.

— Нет...

Сверху снова капает, поднимаю голову и застываю. На потолке кто-то висит. Тело прибито цепями, руки вывернуты, голова опущена вниз, волосы закрывают лицо. Кровь стекает по ногам, по камню, падает на меня.

Отступаю.

Это тело дергается, на нём нет лица, только чёрная дыра. И оттуда — голос.

Мамин.

— Кора...

Я вскрикиваю.

Нет.

Нет, нет, нет.

Она умерла. Я сама её хоронила.

Тело начинает биться в цепях, дёргается сильнее. Кости хрустят. Голос ломается, становится сразу несколькими голосами.

Мамин.

Отца.

Мой.

— Почему ты не спасла нас?

Я закрываю уши руками.

— Замолчи

— Почему ты выжила?

Цепи рвутся, тело падает вниз с мерзким влажным звуком и начинает ползти ко мне. Ноги не слушаются, я пытаюсь бежать, но коридор будто растягивается, камень под босыми ногами становится мягким. Смотрю вниз —

не камень.

Руки.

Сотни рук вылезают из пола и хватают меня за щиколотки. Ледяные пальцы впиваются в кожу. Я ору и пытаюсь вырваться, но они тянут вниз.

— Ты принадлежишь нам!

Голоса вокруг шепчут это со всех сторон. Стены начинают двигаться, дышать, пульсировать.

Задыхаюсь.

Впереди появляется дверь, бросаюсь к ней. Руки хватают сильнее, ногти рвут кожу, но я дёргаюсь и изо всех сил. Коридор тянется бесконечно, стены сужаются, дышать почти нечем. Но впереди — свет. Белый, чистый, почти живой.

Я вылетаю в небольшое пространство и тут же застываю. Передо мной белая фигура. Женский силуэт, почти прозрачный, будто сотканный из тумана и света. Она стоит неподвижно, руки опущены, лицо скрыто. Я не вижу черт, не вижу глаз, только форму. Но когда она чуть поворачивается, я чувствую запах.

Лаванда.

Знакомый. До боли. До слёз.

Бабушка?

Я хочу спросить, но рот не открывается, хочу двинуться, но ноги не слушаются.

Фигура медленно делает шаг ко мне. Воздух становится плотнее, свет вокруг неё начинает пульсировать неровно, с перебойми, будто она с трудом удерживает себя в этом сне. Её рука поднимается, пальцы дрожат. Я смотрю на эту руку и почему-то знаю: она хочет дотронуться до меня. Но не может.

Фигура замирает на мгновение, колеблется, размывается по краям. И вдруг я слышу тихий звук, похожий на вздох, который застрял в горле. Или на плач.

Свет начинает постепенно гаснуть, будто кто-то выкручивает яркость, и белая фигура тает, оставляя вместо себя только тень. Сначала я вижу её контуры, они ещё держатся, ещё пытаются остаться, потом становятся темнее, плотнее, тяжелее. И на их месте появляется он.

Хранитель.

Я почти плачу от облегчения и делаю шаг вперёд, а потом вижу комнату. Его комнату. Она появляется из ничего, будто всплывает, и пространство начинает меняться.

Камин.

Кровать.

Кресло у стены.

Он сидит в кресле и смотрит на меня, только что-то не так.

Слишком неподвижный.
Слишком тихий.
Делаю шаг к нему.
— Хранитель...
Он не отвечает, только медленно поднимает глаза.
Чёрные.
Полностью.
Без белков.
Без зрачков.
Улыбается.
И у меня внутри всё обрывается.
Существо в кресле встаёт. Оно высокое, ломаное. Крылья раскрываются за спиной с влажным треском. Огромные. Чёрные. На перьях кровь.
Оно идёт ко мне.
Шаг.
Ещё.
— Ты звала его? — голос низкий, чужой, но иногда в нём проскальзывает голос Хранителя. — Зря.
Врезаюсь спиной в дверь, она исчезает, некуда бежать. Запах гнили ударяет в нос. Существо подходит ближе, наклоняется к моему лицу.
— Он всё равно тебя сломает.
Ледяные пальцы касаются моей щеки. Я дёргаюсь, но не получается, тело не двигается.
— А потом бросит.
Оно улыбается шире, кожа на лице трескается, а под ней — пустота.
— Как все остальные.
Зажмуриваюсь и слышу голос.
— Кора.
Существо замирает.
Открываю глаза, позади него стоит Хранитель.
Настоящий.
Тёмные крылья раскрыты, в глазах плещется ярость, от которой дрожит воздух. Он смотрит не на меня, а на тварь.
— Отойди от неё. — Приказывает демон.
Существо смеётся:
— Она сама пришла сюда.
Хранитель делает шаг вперёд, и пространство вокруг начинает буквально трескаться. Стены идут чёрными разломами, пол дрожит, воздух становится тяжёлым. Я никогда не видела его таким.
Страшным.
По-настоящему страшным.
Тварь тоже это чувствует, отступает. Хранитель подходит ближе и берёт меня за запястье.
— Смотри на меня, — говорит он.
Я смотрю.
И всё вокруг начинает рушиться.
Комната.
Тварь.
Стены.
Голоса.

Они рассыпаются, как стекло. Но прежде, чем сон исчезает окончательно, слышу тихий, почти ласковый шёпот прямо над ухом:

— Ты уже не убежишь от него.

Просыпаюсь от своего же крика, горло горит так, будто я сорвала его до крови. Несколько секунд не понимаю, где нахожусь, темнота давит со всех сторон, грудь ходит рывками, пальцы судорожно впиваются в простыню. Мне кажется, что стены снова каменные и мокрые, что под ногами — пол темницы, а за дверью уже слышны шаги.

Но это не темница.

Вновь комната Хранителя. Камин почти догорел, красные угли тлеют внизу, отбрасывая тусклый свет на стены, тяжёлые шторы колышутся от ветра. Я пытаюсь вдохнуть глубже, но не выходит. Воздух застревает где-то в горле, сердце бьётся так сильно, что меня начинает мутить, перед глазами всё плывёт.

Сон.

Это был просто сон.

Я резко сажусь, сбрасывая одеяло. К горлу подкатывает животная паника, она разливается под кожей, заставляя руки дрожать. Мне кажется, что кто-то стоит за спиной.

Оборачиваюсь.

Никого.

И всё равно не могу избавиться от ощущения чужого взгляда. Холод пробирается под рёбра. Я встаю, ноги ватные, колени подкашиваются, приходится ухватиться за край кровати.

Дыши.

Дыши.

Дыши.

Не помогает.

В голове снова вспыхивает сон. Тёмный коридор, плач, чьи-то пальцы на моём затылке, фигура.

Голос.

«Открой дверь».

Меня начинает трясти. Я прижимаю ладони к ушам, но всё равно слышу этот голос.

«Открой».

— Нет... — шепчу хрипло.

Тишина.

Потом раздаётся глухой стук со стороны двери. Я замираю, медленно поднимаю голову. Стук повторяется.

Раз.

Два.

Три.

У меня леденеет всё внутри. Стук не громкий, не агрессивный, наоборот, размеренный. Будто тот, кто стоит за дверью, точно знает, что я всё равно открою.

Отступаю назад.

— Открой.

Голос.

Мужской.

Низкий.

Не сразу понимаю, кто это, мозг будто отказывается соображать.

Хранитель.

Это Хранитель.

Но облегчение не приходит, потому что я не уверена. А если это снова сон? Мне кажется, стоит открыть дверь — и там окажется не он, там будет что-то другое. Ладони мокрые от пота, меня трясёт так сильно, что зубы начинают стучать.

И вдруг ручка двери дёргается. Я вздрагиваю всем телом.

Ещё раз.

Дверь закрыта, но кто-то снаружи медленно нажимает на ручку.

Раз.

Отпускает.

Снова.

Металл тихо скрипит в темноте.

— Глупая, — голос становится жёстче. — Открой дверь.

Я не могу, не могу сделать ни шага, потому что в этот момент мне кажется, что если дверь откроется — меня снова сломают.

Не тело.

Что-то глубже.

Начинаю пятиться назад, пока не упираюсь в стену. Ручка дёргается сильнее.

И вдруг —

тишина.

Полная.

Такая, что я слышу собственную кровь в ушах. А потом голос, совсем рядом, прямо за дверью.

— Он не настоящий.

Замираю.

— Что?..

— Сон, — спокойно говорит Хранитель. — Это был сон.

Я зажмуриваюсь.

Нет.

Нет-нет-нет.

Он не может знать. Я никому не рассказывала.

— Ты кричала.

Голос приглушён деревом двери, но от этого становится только хуже.

— Открой дверь.

Я качаю головой, хотя он не видит. Пальцы сводит судорогой.

— Не могу...

Слова выходят едва слышно. За дверью становится тихо, потом я слышу тяжёлый выдох.

Что-то щёлкает.

Замок.

Моё сердце проваливается куда-то вниз.

Он открыл.

Дверь медленно распахивается, Хранитель входит внутрь без резких движений, но от него всё равно веет опасностью. Тёмная рубашка расстёгнута у горла, волосы влажные, будто демон только что вышел из дождя. В полумраке его глаза кажутся почти белыми. Он смотрит на меня, и я понимаю, что выгляжу жалко — загнанная в угол, бледная, дрожащая.

Ненавижу это. Ненавижу, что он видит меня такой.

— Подойди, — произносит тихо демон.

Резко качаю головой. Он щурится.

— Не подходи. — Мой голос срывается.

Он замечает. Взгляд становится тяжелее. Хранитель закрывает дверь и делает шаг ко мне, я вжимаюсь в стену.

Ещё шаг.

— Не надо...

— Это я, — спокойно говорит он. — Смотри на меня.

Я не хочу, но смотрю. И это ошибка. Потому что в его взгляде нет привычного холода, только напряжение, и что-то ещё, что-то слишком внимательное. Демон подходит вплотную, чувствую запах дыма, дождя и металла.

— Что ты видела?

— Ничего.

— Врёшь.

— Это был сон.

— Я знаю.

Он поднимает руку, я дёргаюсь прежде, чем успеваю подумать, и в этот момент что-то меняется. Лицо Хранителя становится жёстким, не злым, хуже — пустым. Он медленно опускает руку, а мне вдруг становится стыдно.

За этот страх.

За себя.

За то, что я всё ещё боюсь его даже сейчас.

— Что ты увидела? — спрашивает тише.

Сглатываю.

— Не помню.

Ложь.

Он делает ещё шаг, теперь между нами почти не остаётся воздуха. Я закрываю глаза и всё возвращается: тёмный коридор, кровь на полу, чьи-то руки. Меня начинает трясти сильнее.

— Смотри на меня.

Пытаюсь сосредоточиться, не получается, паника снова затапливает с головой. Он долго смотрит на меня, потом неожиданно притягивает ближе настолько резко, что я не успеваю сопротивляться. Моя голова упирается ему в грудь, его ладонь ложится мне на затылок.

— Тихо, — говорит он низко. — Дыши.

Я должна оттолкнуть его.

Должна.

Но вместо этого цепляюсь за ткань его рубашки, потому что иначе мне кажется, что я развалюсь на части. Демон молчит, только держит, и от этого становится ещё страшнее. Потому что впервые за всё время в Аду я понимаю одну ужасную вещь. Если однажды он решит окончательно меня сломать —

я уже не смогу сопротивляться так, как раньше, потому что часть меня начнёт искать у него защиты.

Огонь в камине трещит размеренно, почти убаюкивающе. Я сижу на кровати, поджав ноги. Тени от света прыгают по стенам, потолку, по моим рукам. За окном темно, в небе ярко горят звёзды, полумесяц освещает дорожки Ада.

Встаю, подхожу к камину, протягиваю руки к огню, кожа нагревается, но тепло не проникает внутрь.

Я не слышала, как он вошёл, просто в какой-то момент почувствовала холод по спине, чужое присутствие. Пальцы сами собой сжимаются, дыхание становится глубже.

— Не спишь, — голос прозвучал за спиной.

— А должна?

Медленные, неторопливые шаги сзади. Хранитель отвечает не сразу, как будто даёт мне время. Или наблюдает.

Его взгляд давит не так, как раньше, не ломает, теперь мне непонятно, чего ожидать.
— Ты уже не в той камере, где тебя заставляют, — наконец говорит демон.

Я усмехаюсь коротко, без звука.

— Забавно. А ощущение то же.

Он останавливается совсем близко. Воздух становится плотнее, тяжелее, словно его можно потрогать. Сжимаю пальцы в кулак.

Почему он здесь?

Почему не оставит в покое?

Вопросы роятся в голове, не дают сосредоточиться.

— Зачем ты меня сюда притащил?

— Я уже отвечал.

Раздражение поднимается медленно, сначала как фон, едва заметное.

— Нет, — резко поворачиваюсь. — Ты сказал, что хочешь мою душу. Это не ответ.

Наши взгляды встречаются. Я не заметила, когда он сократил расстояние. Он всегда так делает. Появляется там, где не ждёшь.

— А что ты хочешь услышать? — тихо спрашивает он.

Сглатываю.

— Правду.

Демон чуть наклоняет голову, разглядывая меня так, будто я не человек, а что-то новое, странное.

— Правда тебе не понравится.

— Попробуй.

Он делает шаг, я инстинктивно отступаю и упираюсь спиной в край стола.

Ловушка.

Сердце ускоряется. Злость поднимается вместе с этим ощущением — липким, знакомым, ненавистным.

Опять он. Опять я без выхода.

Хранитель останавливается в полушаге. До меня доходит тепло его тела, неправильное для этого места, и сладковатый, с примесью железа запах.

— Ты боишься, — произносит он спокойно.

— Нет, — вру.

И сама это слышу. Демон протягивает руку, его пальцы касаются моей щеки. Лёгкое касание, почти невесомое. И именно поэтому внутри всё сжимается.

Почему не больно?

Почему не так, как раньше?

Замираю. Не понимаю, нужно ли двигаться.

— Странно, — тихо говорит он. — Обычно на этом месте люди уже кричат.

Раздражение нарастает в груди.

— Я не «обычно».

В его глазах мелькает интерес. Острее, живее, чем раньше. Пальцы скользят ниже, к подбородку. Он приподнимает моё лицо, заставляет смотреть.

Я могла бы оттолкнуть.

Наверное.

Но не делаю этого.

— Именно поэтому ты всё ещё жива, — почти шёпотом произносит он.

Секунда.

Две.

Слишком близко.

Чувствую его дыхание. И в какой-то момент становится непонятно, что пугает больше — он или то, что я не отстраняюсь. Злость вспыхивает резко, как спичка. Я отвожу взгляд и бью его по ладони.

— Хватит.

Он не отдёргивает руку сразу. Секунда задержки.

— Хорошо, — спокойно говорит он.

И это...

Это окончательно срывает.

— Просто «хорошо»? — голос ломается.

Я указываю на него пальцем:

— Ты держал меня в клетке несколько недель. Морил голодом. Ломал. Стирал мне память. Ты показал мне родителей — и забрал это! Что тебе нужно от меня?!

Глаза жжёт, слёзы появляются сами.

Я ненавижу это. Ненавижу, что не могу остановиться.

— Сбавь тон, — сдавленно произносит он. Голос низкий, напряжённый.

— НЕТ! — крик разрывает горло. — Я молчала! Всё это время! Терпела, выживала, слушала! Ты меня пытал! За что?! За то, что моя душа тебе «интересна»?!

В голове шум, мысли путаются, сталкиваются. Слишком долго это копилось.

— Я не знаю, кто я! — хриплю. — Я не знаю, кто мои родители! Ты — причина! Причина чего? Почему я здесь?

Слёзы текут по щекам, я не вытираю их.

— Ты чёртов ублюдок. — Заканчиваю.

Его плечи напрягаются, глаза темнеют, становятся глубже.

— Замолчи.

— ЗАТКНИСЬ!

Демон резко сокращает расстояние, пространство между нами сжимается до предела.

— Я не твоя игрушка!

Бью его кулаком в грудь.

Раз.

Слабый удар.

Но я не останавливаюсь.

— Ты заставил меня убить его! Ты сделал из меня монстра!

Слова повисают в воздухе.

Тяжёлые.

Необратимые.

Руки дрожат.

— Зачем?.. — тихо спрашиваю.

Тишина.

— ЗАЧЕМ?! — кричу.

И он срывается.

— Ты думаешь, я хотел его смерти?! — резко, жёстко.

Я вздрагиваю.

— Он был обречён! С первого дня! Такие, как этот мальчик, не выживают в Аду! Слишком слабые!

— Ты мог его отпустить!

— КУДА?! — почти рычит демон. — На Землю?!

Пауза.

— Там его ждало бы то же самое! Только медленнее!

— О чём ты вообще?!

— АНГЕЛЫ! — он делает шаг вперёд. — Они собирают всех, кто побывал в Аду! Особенно детей!

Я не двигаюсь.

— Думаешь, для чего, Кора?! Чтобы вернуть домой?! Чтобы обнять?!

Тишина. Он впервые назвал меня по имени. Замираю. Это звучит странно.

Демон смотрит прямо в глаза.

— Они делают из них оружие. Или щиты. Или сжигают. Потому что такие души — уже не чистые. Для рая — слишком много ада. Для ада — слишком много света.

Слова ложатся тяжело. Я не знаю, правда ли это.

— Он был ничьим. А ничьи долго не живут.

Молчу, в голове пусто.

— И ты выбрал смерть, — тихо произношу.

— Я выбрал быструю смерть! — резко отвечает он. — Вместо долгой! Вместо того, чтобы он год кричал по ночам, а потом всё равно умер, но уже пустой!

Гнев уходит так же внезапно, как пришёл, остаётся только угнетающее чувство внутри.

— Я дал ему шанс уйти быстро.

— И ты, — тише добавляет он, — ты дала ему надежду перед смертью.

Я поднимаю взгляд на него.

— Это больше, чем есть у большинства здесь. — Заканчивает демон.

Молчание растягивается. Слова не укладываются в голове. Пытаюсь зацепиться за злость, за привычное, но она не возвращается. Внутри что-то слабо смещается, почти незаметно. Я просто стою, смотрю на свои руки, и впервые не знаю, что чувствовать.

Демон не уходит.

— Кто я? — шёпотом спрашиваю. — На самом деле.

Он молчит так долго, что я думаю — не ответит. Потом делает шаг назад, прислоняется плечом к стене, складывает руки на груди.

— Не человек, — наконец отвечает.

— Это я поняла.

Хранитель выдерживает паузу. Слышу, как трещат дрова в камине.

— Твою мать звали Анна, — начинает он. — Отца Джеймс.

— Я знаю их имена.

— Анна была ангелом.

Задерживаю дыхание.

— А Джеймс — демоном. — Продолжает он.

— Ты врешь.

— Они отказались от своей сущности, — говорит демон, — когда началась война. Скрылись на Земле, стали людьми. Ты родилась человеком, но твоя мать была ангелом, когда носила тебя.

Смотрю на него, не моргая. Шумно вдыхаю.

— Твоя душа, — он рассказывает медленно, будто взвешивает каждое слово, — В ней и свет, и тьмы. Вместе. Поэтому ты дышишь в Аду.

Опускаю голову, разглядываю своё тело. Длинные ноги, как у человека, бледная кожа, на спине никаких крыльев.

— Поэтому я не могу забрать твою душу, — добавляет демон тише.

— Что я?

Хранитель молчит.

— Что я такое?

— Не знаю.

Он что-то умалчивает.

— Ты — демон, ты должен знать.

— Я не всё знаю, Кора.

Он снова называет меня по имени. В этот раз оно звучит как предупреждение.

— Не называй меня так, — говорю.

— Почему?

— Это моё имя. Ты не имеешь права...

— Имею, — перебивает он. — Я буду называть тебя как захочу.

Я не вещь. Не его вещь. Я живой человек.

Но вслух произношу другое:

— Что со мной будет?

— Ты станешь сильнее. Либо умрёшь.

— От чего?

Хранитель смотрит на меня.

— От того, выдержишь ли ты себя.

Я перевожу взгляд на огонь, он почти погас.

— Мои родители знали? — спрашиваю его.

— Знали.

— Они умерли не в аварии?

Он не отвечает.

— Они ушли сами? — задаю тот же вопрос, но под другим углом.

— Нет.

Подхожу к окну.

— Моя бабушка?

— Серафим.

Замираю.

— Кто?

— Высший ангел.

Прижимаюсь лбом к холодному стеклу. Слышу, как демон уходит в соседнюю комнату, но дверь не закрывается, он оставляет её приоткрытой. Слишком много информации. Она не укладывается, не переваривается, просто висит где-то внутри, как камень.

Ангел. Демон. Серафим.

Прокручиваю слова. Снова. Снова. Они не становятся понятнее.

Мама — ангел. Папа — демон. Они отказались от своей сущности. Стали людьми. Рас-
тили меня. Пекли пироги. Водили в парк.

И молчали.

Всю жизнь молчали.

Я не знаю, сколько стою у окна. Минуту. Десять. Час. Время течёт по-другому, когда
внутри всё рушится.

Дверь в соседнюю комнату всё ещё приоткрыта. Я вижу край кровати, угол тумбочки,
его руку, лежащую на колене. Он сидит на краю, смотрит в пол. Не спит, просто сидит.

Делаю шаг. Второй. Останавливаюсь в дверях.

— Хранитель.

Он поднимает голову.

Хочу его поблагодарить. Не за то, что сказал, скорее за то, что не соврал. Но слова не
выходят, я просто смотрю на него. Демон молчит, а потом чуть заметно кивает.

Сажусь на пол, прислоняюсь спиной к дивану.

Ангел и демон. Свет и тьма.

Ответ есть.

Но легче не становится.

Глава 21. Хранитель

Я захожу в гостиную, останавливаюсь у окна и смотрю на серое небо. Слышу, как девушка забирается на кровать, шелест простыней, тихий выдох. Её сердце бьётся ровно, прислушиваюсь к нему, как к маяку.

Нельзя, чтобы её нашли.

Сатана уже заинтересовался, Азазель что-то подозревает, Эшит знает, что она здесь, Морт — тем более. Вопрос времени, когда кто-то из них захочет забрать её. Для допроса. Для силы. Для забавы.

А ещё этот странный сон. Я больше не посылаю девушке кошмары. Кто это делает?...

Сжимаю челюсть.

Не отдам.

Выхожу на балкон. Ветер бьёт в лицо, он играет с перьями, поднимает их вверх. Закрываю глаза на секунду и глубоко вдыхаю. Грудь приподнимается, воздух проходит по лёгким, в голове становится чище. Расправляю крылья во всю длину, отталкиваюсь от перил и взлетаю. Внизу низшие снуют туда-сюда, как муравьи, бесформенные тени. Они не смотрят вверх, им нельзя. В главном зале горят факелы. Сквозь высокие окна вижу сборище демонов, силуэты движутся, жестикулируют.

Ужин.

Мы питаемся не так часто, как люди. Одного приёма пищи хватает на неделю, иногда на две. Наши тела устроены иначе. Мы не тратим энергию на тепло, на рост, на поддержание ненужных функций, но есть надо, иначе силы уходят.

Двери открываются, в нос ударяет плотный, почти осязаемый запах мяса, вина и пота. Гул в помещении на секунду затихает, все взгляды устремляются на меня. Демоны замирают с бокалами в руках, с ножами, с кусками мяса, кто-то не донёс вилку до рта.

Я киваю. Один короткий жест, и шум возвращается даже громче, чем раньше. Сажусь за стол в дальнем конце, мне приносят маринованного кролика и бокал.

— Коньяк, — говорю демонице, что принесла блюдо. — И ещё одну тарелку.

Она забирает бокал и исчезает. Через несколько секунд возвращается — в руках стакан с янтарной жидкостью и вторая порция.

В Аду почти нет мест, где могли бы существовать животные. Всё слишком мёртвое. Земля выжжена, вода грязная, но сохранились нейтральные территории. Огромные леса, реки, трава. Их никто не трогает, всем нужна еда.

Беру вторую тарелку и выхожу из зала. Людям нужно есть чаще, где-то три раза в день, а то и больше. Их тела слабее, они не могут копить энергию неделями.

Захожу в спальню. Она лежит на кровати, не двигается. Может, спит, может, притворяется. Я ставлю ужин на письменный стол и возвращаюсь в зал.

На моём месте сидит Эшит. Голова откинута назад, волосы струятся по спинке. Она смотрит на меня из-под полуопущенных век, улыбается.

— Смотри, сколько свободных скамеек вокруг, — говорю ей. — Удивительно, да?

— Много времени не займу, — её голос тягучий, как шёлк.

Я выжидающе смотрю на неё.

— Скоро будет ежегодный бал, — продолжает она. — Хочешь стать моей парой?

Эшит смотрит на меня. Взгляд заманчивый, обещающий. Многие повелись бы, многие уже повелись.

— Подумаю.

Она довольно улыбается, отсаживается на несколько метров, но не уходит.

В голосе появляется усмешка.

— Я же выбью эту дверь. — Добавляю.

— Что тебе надо? — кричит она.

— Ты.

Дёргаю ручку. Заперто.

— Если не выйдешь сама, я тебя оттуда силой вытащу.

Молчание.

Бью плечом в дверь, из ванной доносится удивлённый визг. Считаю до трёх. Она любит считать, пусть посчитает со мной.

— Раз.

Бью ещё раз. Дверь скрипит.

— Два.

Направляю сгусток энергии в петли. Они гнутся, нагреваются, начинают светиться.

— Три.

Дверь со свистом вылетает и падает на пол. Девушка стоит, прижавшись к стене душевой. В глазах — животный страх. Такой настоящий, что у меня на секунду что-то сжимается внутри.

— Не надо... — шепчет.

— Раздевайся.

— Нет, пожалуйста...

Подхожу вплотную, крепко хватаю Кору за руку, второй берусь за край рубашки.

Рву.

Пуговицы летят на пол, звенят по камню, ткань рвётся с сухим треском. Из глаз девушки скатывается слеза. Она сжимает губы.

Смотрю на её шорты и топик.

— Сама снимешь или мне?

Кора всхлипывает, дрожащей рукой тянется к шортам. Остаётся в нижнем белье.

Я замираю на секунду.

Тело. Хрупкое. С изящными изгибами. Рёбра выступают — она всё ещё не оправилась от темницы. Кожа бледная, почти прозрачная в свете свечей. Отпускаю её вторую руку. Она поворачивается спиной, колеблется, руки подёргиваются. Тянется к краю топа и стягивает его. Смотрю на её спину, лопатки, поясницу. Внутри поднимается что-то чужое — горячее, тяжёлое.

Желание.

Я давно не чувствовал ничего подобного.

Задерживаюсь взглядом на левой лопатке. Под ней что-то есть. Белые полосы, как от старых порезов, но не шрамы.

Присматриваюсь.

Знак.

Спираль.

Тонкая, почти невидимая, но она есть. Вьётся вокруг центральной точки — сжимается и раскручивается одновременно, как будто свет и тьма танцуют внутри одного рисунка.

Это она.

Не сомневаюсь больше, не гадаю.

Делаю шаг назад. Ещё один.

— Одевайся, — бросаю.

Она вздрагивает, оборачивается.

— Что? — спрашивает девушка.

— Я сказал — одевайся.

Разворачиваюсь, оставляю её одну в разорванной одежде, прижатую к холодной стене.

Шаги гулко отдаются в каменном полу. До гостиной дохожу не сразу. Останавливаюсь в дверях, смотрю на тёмные окна, на погасший камин. Провожу рукой по лицу. Пальцы дрожат. Не от холода.

Я знаю, зачем пошёл. Увидеть знак. И увидел. Она — Несущая равновесие, и теперь знаю это точно.

Взгляд падает на графин с янтарной жидкостью. Наливаю. Жжение разливается по груди, поднимается к голове. Ставлю стакан слишком резко, он опрокидывается, катится по столу, падает на пол. Стекло не бьётся, но звук режет тишину.

Не поднимаю.

Иду в свою спальню, ложусь на кровать и смотрю в потолок.

Там ничего. Только камень. Только тьма.

В ванной включается вода.

Она испугалась, сжалась, как от удара, хотя я даже не прикоснулся. Глупая. Сама захотела правду — получила. Не нравится? Не мои проблемы.

Вода стихает.

Закрываю глаза, не сплю.

Думаю. О знаке. О том, что ангелы уже знают. О том, что она — угроза.

И она — моя угроза.

Просыпаюсь с рассветом. Свет из окна тусклый, солнце еле светит. Девушки рядом нет. Встаю, прохожу в гостиную. Она лежит на диване, свернувшись клубочком, плед упал на пол, дрожит во сне. Острые скулы, хрупкость, упрямство, которое прячется за испуганными глазами.

Отворачиваюсь.

Стук. Три коротких уверенных удара. Из-за двери тянется запах жасмина.

Эшит.

Игнорирую.

Пара стуков — и она уйдёт, Эшит не из тех, кто будет ломиться, но дверь открывается.

— Я разве приглашал?

Она не отвечает, переводит взгляд на Кору. Та спит, не слышит нас. В глазах демоницы — гамма. Удивление. Смятение. Вопрос.

— Ты с ней спишь?

— Нет. — Голос жёстче, чем планировал. — И не могла бы ты говорить потише?

— Заботишься? — усмехается.

— Ближе к делу.

— Бал.

Именно на этих словах Кора просыпается, она подскакивает с дивана так, будто от удара. Глаза красные, распухшие от слёз.

— Простите, — говорит девушка, оглядываясь.

— О, Кора, — Эшит тут же поворачивается к ней, голос мягкий, почти ласковый. —

Пойдёшь на бал?

— Нет, — я отвечаю раньше, чем Кора успевает что-то ответить.

— Бал? — переспрашивает она тише. Переводит на меня взгляд и тут же отворачивается.

— Ежегодный бал демонов, — Эшит подходит ближе, оценивающе скользит взглядом по

Коре с головы до ног. — Хранитель не хочет быть моим эскортом. Может, ты согласишься?

Демоница улыбается:

— Фигурка у тебя ничего. Будем хорошо смотреться вместе.

Кора краснеет почти мгновенно. Сначала щёки, потом уши, цвет поднимается волной, выдаёт её сильнее любых слов.

— Я даже не знаю, — бормочет она. — Меня не выпускают из комнаты.

— Она не пойдёт, — в моём голосе появляется сталь. — И точка. Доброе утро, Эшит.
— Я беру её за локоть и буквально вывожу за дверь. — И пока.

Закрываю, поворачиваю замок. Несколько секунд стою, не двигаясь, затем разворачиваюсь к Коре. Она уже сидит на диване, пальцы сжаты.

— Жалуешься? — спрашиваю ровно. — Может, обратно в темницу?

Она поднимает голову. Во взгляде мерцает глухая плотная ярость. Обида. Ненависть. Никакого страха. Никакой мольбы.

Чистая, холодная злость.

Задерживаюсь на секунду дольше, чем нужно. Ответа не требуется, я всё понял. Разворачиваюсь и ухожу в спальню, дверь за спиной закрывается глухо, отсекая её взгляд. На секунду останавливаюсь и прислушиваюсь. Только едва слышное дыхание из гостиной.

Стягиваю вчерашнюю одежду, бросаю её на спинку кресла. Горячая вода бьёт в лицо, потоки стекают по плечам, спине. Сжимаю пальцы, разжимаю. Внутри засело напряжение, и оно не проходит.

Закрываю глаза.

Не помогает.

Провожу рукой по мокрым волосам. Надеваю чёрные брюки, майку, сверху рубашку. Не застёгиваю до конца — жарко. Выходя в гостиную, заранее знаю, где она. Сидит за столом.

Но...

Кора читает. Мою книгу. «Мифы о сотворении». Пальцы аккуратно держат страницу, будто она может исчезнуть, если отпустить. Я останавливаюсь у стены, наблюдаю. Губы едва заметно шевелятся, девушка вдумчиво читает про себя.

— Понимаешь?

Она поднимает взгляд на секунду.

— Да.

— Это язык демонов.

Пауза. Молчание между нами уже не давит так, как раньше, но и не становится легче.

— Ты меня отсюда выпустишь когда-нибудь? — спрашивает она, не поднимая головы.

— Нет.

— Хотя бы просто погулять?

— Нет.

Девушка замирает. Пальцы чуть сильнее сжимают край страницы, челюсть напрягается, но она молчит, не спорит, просто принимает. Смотрю на неё ещё секунду, разворачиваюсь. Закрываю дверь на ключ.

Нужно проверить границы.

Мысль приходит спокойно, без спешки. Слишком много внимания к ней. Ангелы не действуют случайно, они ищут. Или уже рядом.

Прохожу через коридоры, спускаюсь по лестнице. Массивные двери отворяются передо мной, как по приказу. Холодный воздух врывается в лёгкие. Прыжок — и меня подхватывает поток.

Границы Ада — это не стены. Это линии. Тонкие, почти незаметные, но их чувствует каждый высший. Я лечу низко над треснувшей землёй, над чёрными равнинами, мимо редких скал, из которых сочится огонь.

Здесь тише. Меньше демонов, меньше движения.

Проверяю пространство. Каждый импульс, каждое колебание. Если бы ангелы пересекли границу — остался бы след, свет всегда оставляет след в этом месте.

Пусто.

Это хуже.

Поднимаюсь выше и смотрю вдаль, где-то на горизонте — едва заметное свечение, почти иллюзия.

Граница.

Я зависаю в воздухе, прислушиваясь.

Ничего.

Но ощущение остаётся.

Как будто за гранью что-то есть. И оно ждёт.

Резко разворачиваюсь.

Через несколько часов я снова у дверей, внутри всё так же. Она за столом. Даже поза почти не изменилась, только страница другая. Кора читает упрямо, не отвлекаясь.

Я прислоняюсь к стене.

— Трудно?

Она не сразу отвечает, потом качает головой.

— Да.

Поднимает взгляд.

— Почему ты меня не отпускаешь?

Я прохожу внутрь, сажусь в кресло напротив.

— Ангелы придут за тобой. Демоны тоже. Те, кто захочет использовать, кто захочет убить.

Она молчит, смотрит на меня в упор, а потом произносит:

— Ты ведь тоже хочешь меня убить.

Я усмехаюсь, скольжу взглядом по её лицу.

— Если захочу — убью. Но не сейчас.

— А когда?

— Когда ты перестанешь быть полезной.

Она не отводит взгляд, не боится, только в уголках губ появляется едва заметная дрожь.

— А если я никогда не перестану быть полезной?

Наклоняюсь ближе и вижу, как расширяются её зрачки.

— Тогда ты проживёшь очень долго, Кора.

Откидываюсь в кресле. Правильный вопрос. Не вовремя. Но правильный.

— На балкон можно выйти? — спрашивает.

— Да.

Она кивает и возвращается к книге, а я смотрю на нее. На её шею. Тонкую. Беззащитную. Интересно, что она почувствует, если я сейчас подойду сзади. Если проведу пальцами по её позвоночнику. Если сожму...

Кора на секунду поднимает голову, наши взгляды встречаются. Я не отвожу глаз.

Она — первая.

И хорошо. Потому что я не отступлю.

Остаюсь сидеть, слушаю, как она листает страницы. Бумага шуршит тихо, почти неслышно. Подхожу к полке, пальцами провожу по корешкам книг, выбираю одну наугад. Старая, потёртая, та, к которой давно не возвращался.

Не возвращаюсь в спальню, сажусь в кресло напротив неё. Кора на секунду скользит по мне взглядом — быстро, настороженно. Задерживается на книге в моих руках, но ничего не говорит, возвращается к своей.

Тишина заполняет комнату.

Ровная. Тянувшаяся.

Я сжимаю пальцы на книге.

Терплю.

Тишина давит. Ненавижу её. Всегда ненавидел. Но сейчас... терплю. Её дыхание заполняет пустоту.

Переворачиваю страницу, смотрю на строки, не вчитываясь. Слышу только её дыхание и шорох бумаги. Крылья за спиной остаются напряженными.

Я не двигаюсь.

И ничего не меняю.

Глава 22. Кора

Демон сидит напротив меня, читает книгу. Глаза быстро скользят по строчкам, иногда останавливаются, возвращаются назад. Спокойный, собранный, как будто ничего не произошло.

С ним бессмысленно спорить — это я усвоила.

Он сильнее, быстрее, опаснее и непредсказуемее, чем я думала. Лучше пока молчать, подстраиваться, смотреть, запоминать. Сейчас я слишком слаба, напугана, слишком не понимаю, что происходит, и что от меня хотят.

Закрываю книгу, тихо встаю, демон даже не поднимает головы, никак не реагирует. Как будто я — часть комнаты.

Это даже злит.

Разворачиваюсь и ухожу в спальню. Открываю дверь на балкон. Прохладный вечерний воздух обволакивает тело, я прикрываю глаза на секунду. После духоты комнаты — это как глоток свежей воды. Покрываюсь мурашками, они бегут по рукам, по шее, по спине. Но это не от холода.

От свободы.

Хоть и иллюзии.

В небе горят звёзды, не такие, как на Земле. Здесь они крупнее, ярче, но чужие. Луна освещает скалы, они острые, похожие на клыки в темноте. Меня передёргивает, как будто Ад хочет меня съесть.

Тишину прерывает урчание живота. Я морщусь и возвращаюсь внутрь. Подхожу к зеркалу. Веки распухшие и красные от слёз, под глазами пролегли тени. Провожу пальцами по скуле. Тело ещё не восстановилось, хоть и кормят чаще. Синяки потихоньку проходят — жёлтые пятна на руках, на бёдрах. Рёбра всё ещё ноют при вдохе.

Что он искал?

Вчера в душевой. Он заставил меня раздеться не чтобы...

Нет. Не для этого.

Он смотрел на мою спину. На лопатки. Что-то искал.

Разворачиваюсь спиной к зеркалу, задирая рубашку. Шея, лопатки, позвоночник. Провожу по нему рукой сверху вниз. Позвонки выступают сильнее, чем раньше. Где-то на середине пальцы чуть покалывает. Я хмурюсь.

Провожу ещё раз.

Под левой лопаткой белые полосы, едва заметные, похожи на старые шрамы, раньше не замечала их. Кожа там гладкая, без рубцов, но рисунок есть. Придвигаюсь ближе к зеркалу, почти вплотную. Дотрагиваюсь пальцами аккуратно, боязливо. Шрам будто пульсирует в ответ. Нажимаю сильнее. И внезапно он начинает светиться. Сначала слабое свечение под пальцами, потом ярче. Белое с золотистым отливом.

Резко втягиваю воздух.

Пальцы обжигает, но не больно, даже наоборот — приятно. Тепло разливается по руке, поднимается к предплечью. Где-то глубоко внутри что-то отзывается на свет. По телу проходит крупная дрожь от позвоночника до кончиков пальцев. Сердце начинает биться быстрее. Чувствую, как в груди нарастает давление. Сначала маленький комочек, чуть давящий, но с каждой секундой он становится больше, как снежный ком, который катится с горы.

Грудь вспыхивает огнём изнутри.

Я сгибаюсь пополам, прижимаю руки к рёбрам. Ток проходит от солнечного сплетения ко всем конечностям.

К рукам. К ногам. К голове.

В ушах звенит.

Что это?

Смотрю на свои руки. Они светятся бледным, холодным светом. Перевожу взгляд на зеркало. Это не шрам. Это знак.

Спираль.

Живая. Медленно вьётся вокруг центра, сжимается и раскручивается одновременно. Белые линии пульсируют в такт моему сердцу. Я не знаю, что это. Но внутри — в груди, в животе, в кончиках пальцев — что-то меняется.

Выпрямляюсь и смотрю на свои руки. Я видела, как бьют демоны энергией, как из пальцев вырываются сгустки тьмы, как они сжимают кулаки — и воздух вокруг становится плотнее.

Закрываю глаза.

Стараюсь нащупать тот самый сгусток, тот, что зажётся в груди. Он всё ещё там. Горячий. Пульсирующий. Представляю, как он перемещается. От груди — к плечу, потом к предплечью, затем к пальцам.

Медленно, не спеша.

Открываю глаза, и перед моим лицом образуется маленький шар. Снаружи он светлый, почти прозрачный, внутри — тёмный, густой. Он висит в воздухе, пульсирует, дышит.

Это я сделала?

Не знаю, сколько времени на это ушло. Секунда. Минута. Час. Отвожу руку, и шар гаснет, остаётся только тепло в ладони.

Слышу шелест крыльев.

На перилах сидит маленькая птичка. Открываю дверь, она не улетает, только прыгает чуть в сторону и замирает. Похожа на синичку, но окрас другой. Грудка ярко-оранжевая, почти огненная. Спинка серая, с металлическим отливом, крылья с белыми крапинками, хвост длинный, раздвоенный.

Почему не улетает?

Смотрю внимательнее.

Одно крыло как-то неправильно вывернуто чуть в сторону. Не симметрично со вторым, оно висит ниже, под неестественным углом. Птица наклоняет голову. Ждёт?

Я не думаю, просто тяну руку. Приближаюсь к ней, пальцами дотрагиваюсь до её крыла. Замираю.

Внутри что-то шевелится, отзывается, течёт по запястью к пальцам, рвётся наружу. Птица не дёргается, просто смотрит на меня чёрными блестящими глазами. Сгусток внутри начинает гореть сильнее, чем в первый раз. У меня перехватывает дыхание, но руку убрать не могу, пальцы будто приклеились к крылу.

Из ладони выходит слабая тёплая вспышка. Птица недовольно чирикает и дёргается. Я осторожно обхватываю её двумя руками.

Внутри что-то щёлкает, как тогда, в темнице. То же ощущение, та же вспышка. Резкая боль проносится по телу, я охаю, но держусь, стиснув зубы. Раскрываю ладони...

Крыло целое.

Оно встало на место. Птица расправляет его медленно, неуверенно, потом резко — и крыло замирает ровно, симметрично второму.

Я не верю своим глазам. Она смотрит на меня. Наклоняет голову в другую сторону, чирикает, взлетает. Кружится надо мной — один круг, второй и улетает в ночь.

Я оседаю на пол, прислоняясь спиной к стене. Смотрю на пустой балкон, на звёзды.

Улыбаюсь.

Первый раз за не помню сколько времени. Просто улыбаюсь. Внутри расправляется что-то тёплое, лёгкое. Это длится мгновение.

Потому что потом — удар.

Яркая боль разливается по телу. Я жмурюсь. Из горла вырывается скулёж. Глубоко дышаю. Боль идёт волнами, то накатывает, то отступает. Кажется, что кости сейчас треснут. Пытаюсь дышать ровно.

Через пару минут резко отпускает.

Остаётся только тяжесть и усталость, такая, что веки слипаются сами собой.

Поднимаюсь с трудом. Грудь чешется. Сильно. Я тру её ладонью, но не помогает. Дохожу до кровати, падаю на неё, стягиваю рубашку и надеваю первую попавшуюся футболку. Она пахнет дождём.

Глаза закрываются сами.

Последняя мысль — о птице. О её крыле. О том, как оно встало на место.

Это не нормально.

Проваливаюсь во тьму.

Просыпаюсь от ощущения взгляда. Передо мной стоит Эшит в обтягивающем платье, будто сошла с какого-то праздника, а не из этого места. Ткань плотно облегает тело, подчёркивая каждое движение. Я дёргаюсь и быстро приподнимаюсь, подтягивая одеяло к груди, чувствую себя голой, хотя одета. Но под её взглядом — будто нет.

— В тебе что-то изменилось, — произносит она медленно, будто пробует слова на вкус. — Как будто...

Замолкает. Щурится и скользит взглядом ниже. Я машинально опускаю глаза.

Грудь. Руки.

Ничего.

Обычная кожа.

Сердце бьётся быстрее.

Мне приснилось?

— Ладно, — выдыхает она и резко меняет тон. — Ты идёшь со мной на бал.

Я поднимаю голову.

— Мне нельзя.

Голос звучит тише, чем хотелось бы.

— Мне всё равно, — спокойно отвечает она. — И тебе должно быть тоже.

Сжимаю край одеяла.

— Он меня убьёт, если увидит.

Эшит улыбается лениво, почти с удовольствием.

— Он тебя сожрёт, если увидит, во что я тебя одену.

Замираю.

— Что?...

Демоница чуть наклоняет голову, разглядывая меня внимательнее. И я понимаю — рядом с ней легче. Нет этого давления, как с ним, нет ощущения, что тебя сейчас разберут на части.

С ней проще. Опасно, но проще.

— Вы решили меня прикончить своими руками? — спрашиваю.

— Давай на «ты», Кора, — перебивает Эшит.

Невольно улыбаюсь.

Слабо.

Но впервые искренне.

— Хорошо.

— Занесу тебе платье через час, — продолжает она. — Хранителя не будет до вечера.

До вечера.

Странное облегчение прокатывается внутри.

— Ладно.

— И помойся хоть, — добавляет она с лёгкой насмешкой.

Я фыркаю, тихий смешок сам вырывается из горла. На секунду становится почти нормально, но следующая её фраза рушит всё:

— Удивительно, что ты выжила.

Картинки вспыхивают сразу.

Темница.

Ребёнок.

Кровь.

Тварь.

Я резко отворачиваюсь, дышать становится тяжелее. Эшит не отводит взгляда, она изучает, словно пытается залезть внутрь.

— Я не хотела выживать, — говорю тихо.

— А сейчас?

Вопрос зависает.

Я молчу, пытаюсь найти ответ.

Кто я теперь?

Та, что убила?

Та, что выжила?

Та, что светится?

Сглатываю.

— Ладно, — Эшит разворачивается. — У меня ещё есть дела. Скоро вернусь.

Она уходит, дверь за ней громко закрывается.

Прохожу в гостиную. На столе стоит тарелка с тёплой кашей. Эшит принесла? Оглядываюсь, демона и правда нет. Сажусь, живот перестаёт урчать после первых же глотков.

Книга лежит на той же странице, что я вчера оставила. Сначала слова выглядят непонятно, они чужие, древние, но потихоньку меняются — складываются в предложения, потом в текст. Я не знаю, как это работает. Может, знак на спине. Может, просто привыкла.

Книга о сотворении мира.

О том, как свет и тьма были единым целым. Как потом разделились, начали бороться. Как создали баланс — хрупкий, временный. И как он всегда рушился.

Снова.

И снова.

Я ловлю себя на мысли, что читаю внимательнее, чем нужно, будто ищу что-то.

Ответ.

Подсказку.

Ставлю пустую тарелку на край стола. Обхожу гостиную. Здесь тихо, слышны только мои шаги по камню и редкое потрескивание дров в камине.

Остановливаюсь у картин.

На одной изображена битва. Ангелы и демоны. Свет и тьма. Крылья, мечи, кровь. Всё смешалось, не разобрать, кто победил. Да и не было победителей, просто горы трупов и пустота.

На другой — огромное, старое дерево. Корни уходят глубоко в землю, а ветви высоко в небо. Одна половина зелёная, цветущая, другая — сухая, мёртвая. Но ствол один.

Долго смотрю на эту картину.

Древо. Жизнь и смерть. В одном стволе.

Иду к двери и закрываю её на замок на всякий случай. Прохожу в спальню и замираю.

На балконе сидит птица.

Та самая.

Делаю шаг ближе.

Живая.

Целая.

Дышу чаще.

— Так это был не сон...

Протягиваю руку, почти дотрагиваюсь. Птица смотрит на меня, наклоняет голову, но не даёт. Быстро взмахивает крыльями и исчезает в сером небе.

— Это вместо благодарности? — тихо спрашиваю.

Ответа нет, только ветер.

Я опускаю взгляд на руки, потом резко стягиваю рубашку. Смотрю на грудь. Кожа обычная, чистая. Поворачиваюсь к зеркалу. На левой лопатке тот же едва заметный знак. Спираль. Она не светится сейчас, просто белые линии на коже, но знаю — она там, живёт, дышит.

Неужели я и правда...

Не заканчиваю мысль.

В размышлениях бреду в ванную, включаю душ. Вода тёплая, почти горячая, смотрю на пар, который поднимается к потолку.

Если я могу лечить...

Если во мне есть это...

То кто я?

Человек?

Нет. Уже нет.

Но и не демон.

Тогда что?

И главное — почему?

Закрываю глаза. Вода стекает по лицу, смывая остатки сна. Но не вопросы, они остаются где-то внутри и становятся только громче. Выключаю воду и обматываюсь полотенцем. Сажусь на кровать. Смотрю на дверь.

Жду.

Проходят минуты. Двадцать. Тридцать. Не знаю.

Я всё так же сижу на кровати, поджав ноги, и смотрю в стену. Мысли текут медленно, тяжело, как смола, они не цепляются друг за друга — просто плывут, сталкиваются, расходятся.

Спираль на спине. Свет внутри. Тьма внутри.

Мысли прерывает стук в дверь.

— Зачем закрылась? — раздаётся уже знакомый голос.

Я подсказываю с кровати, поворачиваю замок.

Эшит заходит в комнату, даже не заходит — она плывёт. Грациозные движения, лёгкая походка, распущенные волосы струятся по плечам. В руках лежит красное сатиновое платье, ткань переливается в свете свечей, как жидкое пламя.

— Примерь, — она кидает одежду на диван.

Я забираю платье и иду в спальню. Бросаю полотенце на пол, остаюсь голой на секунду, холодный воздух ту же касается кожи, покрывает мурашками. Натягиваю новое нижнее бельё. Не знаю, кто его приносит, но оно всегда есть. Как по размеру. Как будто за мной наблюдают, будто знают каждый миллиметр моего тела.

От этой мысли становится не по себе.

Влезаю в красное платье сначала туго — ткань не слушается, застревает на бёдрах, потом скользит вниз, облепляет тело, как вторая кожа. Лямки от лифа смотрятся странно, они выпирают, портят силуэт. Расстёгиваю, бросаю вещь на кровать.

Платье в пол. Красное, как кровь, как что-то запретное. Оно сидит идеально — облепает грудь, подчёркивает талию, расходится мягкими складками от бёдер. Ткань дорогая, качественная, под ней не видно швов, не видно ничего лишнего. Только я.

Захватываю рукой волосы в хвост, приподнимаюсь на носочках.

Красиво.

Слово приходит само.

Я не видела себя красивой давно. В темнице была грязной, худой, сломленной. А сейчас...

Сейчас я похожа на кого-то другого. На ту, кто не боится, на ту, кто может.

— Ну? — кричит Эшит из гостиной.

Открываю дверь, в глазах демоницы сразу вспыхивают огоньки — живые, азартные, довольные.

— Превосходно, — произносит она. — Волосы соберём.

— А что это за бал вообще?

— Ежегодный. Раньше проводился вместе с ангелами, но сейчас мы немного в ссоре.

— А другие знают обо мне?

Эшит усмехается коротко, без злости.

— О тебе уже весь Ад знает.

— Это плохо?

— Это ничего не значит. — Резко обрывает она.

Я вздыхаю и сажусь на стул, который она пододвигает к зеркалу.

— Расскажи мне о вашем мире. — Прошу девушку.

Эшит встаёт за моей спиной, берёт расчёску, начинает медленно проходить ею по волосам.

— Ангелы, демоны, всё как в книжках, — говорит она. — У каждого демона свой порок. Кто-то считает это даром, кто-то проклятием. Я, например, — блуд. Беру то, что мужчины готовы отдать сами. Их силу, их желания, их жизни. Они думают, что получают меня, а получают пустоту.

Она усмехается.

— Другой демон, Морт, забирает чувства. Через мечты, через желания. Он даёт людям то, о чём они молят — а взамен забирает способность чувствовать это. Они не знают, пока не становится слишком поздно.

— А Хранитель?

Эшит замирает на секунду, через мгновение продолжает расчёсывать.

— Он забирает души целиком. Не высасывает по частям — берёт сразу. Его метод грубее, но быстрее. Морт считает его варваром, он считает Морта нытиком.

Я почти улыбаюсь.

— Они дружат?

— Представь себе. Тысячу лет. Ссорятся, спорят, чуть не убивают друг друга, но всегда рядом. Это странно для демонов.

— А ты с кем дружишь?

Эшит тихо отвечает:

— Ни с кем. Демоны не дружат, они используют.

Я смотрю на неё в зеркало, на её лицо, на тени под глазами, которые она не прячет.

— А меня ты используешь?

— Не знаю ещё, — отвечает честно. — Посмотрим.

Берёт со стола заколки.

— Лучше расскажи мне о себе. Как живётся человеком?

Вопрос сбивает меня с толку. Я не думала об этом. О своей прошлой жизни, о Лондоне, о кофейне, о Тодде, Рике, бабушке, родителях.

— Ну, как обычно. Живём, радуемся, работаем, огорчаемся, строим семьи.

— А твоя семья?

— Погибла.

Эшит кивает.

— Понятно.

Ни тени сожаления, ни капли сострадания. Впервые вижу, чтобы собеседник не жалел меня, и от этого становится легче. Не нужно утешать, не нужно оправдываться. Просто факт.

Эшит собирает мои волосы в низкий аккуратный пучок. Передние пряди выпускает, они обрамляют лицо, падают на щёки.

Берётся за макияж. Её пальцы лёгкие, быстрые. Она двигается уверенно, как художник, который знает каждый штрих. Красит ресницы, и они становятся длиннее, гуще. Румяна ложатся на скулы ровно, добавляя жизни моему бледному лицу.

Ничего лишнего, ничего кричащего.

— Смотри, — говорит она.

Поворачиваюсь к зеркалу. На меня смотрит незнакомка.

Те же глаза. Те же веснушки. Но что-то изменилось. Что-то важное.

Раньше в моём взгляде были только усталость и страх. Сейчас — нет, сейчас там что-то твёрже.

Платье. Причёска. Лёгкий макияж.

Я привыкла быть незаметной, растворяться в толпе, не привлекать внимания.

Но сейчас.

Я красивая.

Мысль пугает и одновременно согревает. Эшит смотрит на меня в зеркало, её лицо довольное, почти гордое.

— Готова? — спрашивает она.

Я медлю.

— А он он придёт?

— Хранитель? — Эшит усмехается. — Обязательно. Он не пропускает такие мероприятия, слишком любит вино и коньяк.

— Он меня увидит.

— В этом и смысл.

Я смотрю на неё.

— Зачем тебе это?

Она пожимает плечами.

— Скучно. А ты — самое интересное, что случилось в Аду за последние сто лет.

Эшит берёт меня за руку и тянет к двери.

— Пошли.

Глава 23. Хранитель

Коньяк давно выветрился, но ощущение осталось, засела какая-то сосущая пустота под рёбрами. Я не пью часто, не люблю терять контроль, но прошлая ночь... Сжимаю челюсть, выкидываю всё из головы.

Дела.

Нужно проверить границу. После нападения ангелов я приказал усилить посты, однако доверять низшим — сомнительное удовольствие.

Выхожу из замка и расправляю крылья, ветер тут же бьёт в лицо. Он вымывает остатки сна, заставляет кровь бежать быстрее.

Люди думают, что Ад — это красиво. Пламя, кожа, шипы. Они ошибаются. Ад — это серость, мёртвая земля, вечная усталость, запах, который не выветривается. Лечу низко, над самыми скалами. Внизу виднеются трещины, провалы, застывшие потоки лавы. Иногда вижу низших, они замирают, смотрят вверх, потом прячутся. Не любят, когда на них смотрят сверху. На западной границе всё спокойно.

Приземляюсь на утёс, оглядываюсь и замечаю его.

Морт.

Он стоит на краю обрыва, вглядываясь в туманную дымку за границей. Один.

Странно.

Парень слышит шаги и оборачивается. На его лице появляется тень удивления, но быстро гаснет.

— Хранитель, — кивает.

— Что ты здесь делаешь?

— Ищу лазутчиков, — отвечает он, — После того нападения ангелы могли оставить след.

— Один?

— Я быстро летаю.

Смотрю на него, вглядываюсь, в глазах мерцает что-то неуловимое, какая-то тень. Настороженность?

— Нашёл что-нибудь?

— Нет, — он пожимает плечами. — Пусто. Либо они хорошо прячутся, либо их действительно нет.

— Либо они уже получили, что хотели.

Морт молчит.

— Возможно, — наконец произносит он.

— А твоя сестра? — поднимаю взгляд от границ на друга. — Нашёл что-нибудь?

— Нет. Всё ещё нет.

— Ты её ищешь уже пятнадцать лет, — произношу. — Может, её уже нет.

— Она есть, — сухо отрезает Морт. — Я знаю.

В этот момент сзади раздаётся тихое рычание.

Киара.

Она сидит на камне в нескольких метрах от нас в облике львицы. Шерсть встала дыбом, глаза сужены, из горла вырывается низкое, протяжное рычание. Нацелена на Морта.

— Тихе, — говорю ей.

Киара не успокаивается. Крадучись подходит ближе, нюхает воздух, рычание становится громче. Морт замирает, не двигается.

— Она меня забыла? — тихо спрашивает демон.

— Может быть, не знаю.

Киара подходит вплотную. Глаза янтарные, немигающие. А потом вдруг расслабляется. Шерсть ложится на место, рычание затихает, она трётся о ногу Морта, довольно шурясь.

Я хмурюсь.

Парень медленно наклоняется, протягивает руку, Киара подставляет голову.

— Странно, — говорю.

— Мы с ней давно не виделись, — Морт усмехается.

Киара отходит и запрыгивает на камень.

— Мне пора, — говорит друг. — Ещё нужно проверить восточный пост.

— Ступай.

Он разворачивается и улетает. Я смотрю ему вслед. Киара — на меня.

— Что это было? — спрашиваю.

Львица медленно моргает.

Прохожу в пустой главный зал. Сажусь в кресло, кладу ногу на ногу. Киара ложится рядом. В этот момент слышу шаги.

Эшит.

Она входит бесшумно, плавно. Платье длинное, тёмно-зелёное, с разрезом до бедра, волосы распущены.

— Хранитель, — улыбается.

— Что тебе нужно?

— Я забираю Кору.

Внутри всё холодеет.

— Нет.

— Ненадолго, — Эшит подходит ближе. — На несколько часов.

— Зачем?

— Не твоё дело.

— Она моя пленница.

— Она — человек, который сидит в твоей комнате и сходит с ума от одиночества. Она заслуживает выйти.

Сжимаю пальцы, тьма отзывается, но я быстро гашу её.

— Ты не можешь просто прийти и забрать её.

— Могу, — Эшит делает шаг вперёд. — Потому что ты мне должен.

Замираю.

— Что?

— Сто двадцать лет назад, — говорит демоница медленно, — ты проиграл мне в споре. И сказал: «Я буду должен тебе. Что хочешь, когда хочешь».

Я вспоминаю. Смутно. Давно.

— Ты не использовала этот должок.

— Использую сейчас. Забираю Кору на несколько часов. Я отвечаю за неё.

Тишина. Смотрю на Эшит, на её глаза — серьёзные, без намёка на игру.

— Куда вы пойдёте?

— В мои покои. Никуда больше.

— Она не должна...

— Она не узнает ничего лишнего, — перебивает Эшит. — Я просто хочу показать ей, что Ад — это не только темница и боль. Что здесь есть и другие вещи.

Молчу. Киара смотрит на меня, лениво моргает.

— Иди, — выдыхаю. — Я проверю.

— Проверяй, — Эшит улыбается. — Я ничего не скрываю.

Она идёт к выходу, но резко останавливается.

— И, Хранитель — оборачивается. — Она не игрушка. И не заложница.
Выходит.

Львица трётся о мою руку.

— Ты на её стороне? — тихо спрашиваю животное.

Я несколько часов провожу в библиотеке, облетаю еще раз границы Ада, но никого не встречаю, даже Морта.

Устало пожимаю плечами, делаю глубокий вдох. На улице темнеет, время близится к балу. Захожу в замок, иду по знакомому пути до своей части. Когда дохожу до двери в комнату — что-то меня настораживает. Опускаю ладонь на ручку двери. Открыто.

Тишина.

Слишком тихо. Даже дрова в камине прогорели, только красные угли тлеют в пепле. Прохожу в спальню. Пусто. Кровать застелена не так, как это делаю я, а аккуратно, по-женски.

Её нет.

— Кора? — зову.

Проверяю ванную, гостиную, заглядываю за шторы — детство, конечно, но вдруг.

Пусто. Пусто. Пусто.

Замечаю на столе записку. Тонкий лист, знакомый почерк — Эшит. Её завитушки, её нажим.

«Забрала твою девочку. Бал. Не опаздывай».

Читаю дважды. Трижды. Сжимаю лист в кулаке. Тьма срывается с пальцев, превращает бумагу в пепел, она оседает на столе серым налётом.

Эшит с ума сошла?

Делаю шаг к выходу.

Поздно. Если Эшит вывела её из моих владений, значит, её уже видели или увидят. Пря- тать бесполезно. Весь Ад знает о девушке в моих покоях, а теперь увидят и те, кто только слышал.

Шумно вздыхаю.

Надеваю чёрный строгий костюм. Рубашка без галстука, верхние пуговицы расстё- гнуты. Не люблю эти демонские церемонии — фальшивые улыбки, притворные комплименты, взгляды, которые оценивают, взвешивают, примеряют. Как будто мы не воины, а продажные девки на рынке.

Смотрю на себя в зеркало. Пепельные волосы, ледяные глаза, острые скулы. Костюм сидит идеально — плечи расправлены, торс подчёркнут.

Пора.

Главный зал замка утопает в свете. Тысячи свечей в массивных подсвечниках, сотни факелов на стенах, их пламя отражается в чёрных мраморных плитах пола, множится, дрожит, создаёт иллюзию бесконечного пространства. Кажется, что зал уходит вниз, вверх, в стороны — и нет ему конца.

Везде демоны в дорогих костюмах и платьях, с украшениями из чёрного золота и крова- вых рубинов. Играет тягучая, медленная, почти похоронная музыка. Скрипки плачут, виолон- чели стонут, что-то древнее, забытое, от чего кровь стынет в жилах. В воздухе витает запах вина, духов, пота. И крови. Её запах здесь всегда, она въелась в камни за тысячи лет. Демоны смеются, разговаривают, пьют. Платья, костюмы, блеск украшений. Всё как всегда.

Прохожу к столу с напитками, беру коньяк. Первый глоток обжигает горло, прочищает голову, второй разливается теплом по груди, расслабляет мышцы, третий заставляет мысли стать тише, отступить на второй план.

Ко мне подходят три демоницы. Платья в пол, декольте до неприличия, подведённые глаза, накрашенные губы. Они улыбаются одинаково пусто, как куклы.

— Хранитель, — мурлычет одна, касаясь моего плеча, её холодные пальцы чувствуются даже сквозь ткань. — Ты сегодня один?

— Я всегда один.

— Это можно исправить, — шепчет вторая, проводя пальцем по моему рукаву, её ноготь царапает ткань.

Отвечаю лениво, слова текут без интереса, без желания. Они не замечают. Или делают вид. Им не нужен я, им нужен мой статус, моя сила, моя близость к трону.

— Может, составишь компанию?

— Может, нет.

Они смеются. Привыкли. Я всегда так отвечаю.

Сажусь в кресло у стены, здесь, в тени, меня почти не видно. Вокруг царит привычная суэта. Кто-то танцует, кружится в медленном, тягучем вальсе. Кто-то спорит, размахивая руками, — о землях, о власти, о старых обидах. Кто-то пьёт алкоголь залпом, как воду, не чувствуя вкуса. Азазель улыбается какой-то демонице, та смеётся, но его взгляд скользит по залу — ищет, оценивает, выжидает. Он всегда что-то ищет, всегда что-то замышляет.

Делаю ещё глоток, и...

Что-то меняется в воздухе.

Шум будто глохнет.

Или это у меня в голове.

Поворачиваюсь.

Замираю.

Двери открываются.

Она входит.

Кора.

Красное платье в пол облегает каждую линию её тела: талию, бёдра, грудь. Ткань переливается в свете свечей, она то тёмная, как запёкшаяся кровь, то яркая, как пламя костра. Девушка движется, и платье движется с ней, струится, шелестит, прилипает к бёдрам.

Волосы собраны в низкий пучок, передние пряди выпущены, они падают на лицо, обрамляют скулы, подчёркивают шею. Длинную, тонкую, хрупкую.

Она выглядит...

Живой.

Слишком живой для этого места.

Слишком красивой.

В груди что-то резко сжимается.

Идёт медленно, неуверенно, но не прячет взгляд. Она гордо смотрит прямо перед собой.

Я не сразу понимаю, что происходит вокруг.

Потом замечаю.

На неё смотрят *все*.

Демоны замолкают. Музыка не стихает, но голоса — да. Кто-то замирает с бокалом у губ, не донеся до рта. Кто-то оборачивается, толкает соседа локтем. Кто-то привстает с места, чтобы лучше рассмотреть.

Взгляды цепляются за неё. Скользят. Задерживаются.

Голодные.

Оценивающие.

Жадные.

И в этот момент внутри меня поднимается ярость.

Глухая. Тяжёлая. Быстрая.

Как удар.

Сжимаю бокал сильнее, стекло трещит в пальцах.

Как она посмела?

Шум стихает, сменяясь шёпотом, он ползёт по залу, как змея.

— Кто это?

— Человек?

— Это она? Та самая?

— Смотри, как одета.

— Кто её привёл?

— Эшит. Эшит привела.

Кровь приливает к лицу. Кулаки сжимаются сами так, что когти впиваются в ладони.

Внутри поднимается что-то горячее, острое, неконтролируемое.

Какого дьявола она здесь делает?

В этом платье?

С этой причёской?

Почему все смотрят на неё?

Наши взгляды встречаются.

Я встаю. Кресло скрипит по каменному полу. Несколько демонов рядом вздрагивают, чувствуют моё настроение.

Делаю шаг. Второй. Третий.

Толпа расступается, демоны быстро и без лишних вопросов отходят в стороны. Они чувствуют тьму, которая поднимается из меня. Она сочится сквозь поры, сгущается в воздухе, заставляя факелы дрожать.

Кора не двигается, стоит на месте, смотрит на меня испуганно, но не отступает. Подхожу вплотную, чувствую её запах сандала. И страх. Он есть, даже если она его прячет. Наклоняюсь к её уху и говорю шёпотом так, чтобы слышала только она.

— Ты сейчас же уходишь. Или я вышвырну тебя отсюда сам. И не факт, что живой.

Она молчит. Я сжимаю челюсть.

— Я сказал — уходи.

— Нет.

Слово тихое, но твёрдое. Девушка отстраняется, протягивает руку к столу, берёт чей-то бокал с вином, подносит к губам и пьёт залпом, не поморщившись. Ставит пустым на стол, звон стекла разносится по тишине.

— Я никуда не уйду.

Голос дрожит, слова — нет. В этот момент подходит Эшит, спокойно берёт Кору под руку.

— Всё в порядке? — спрашивает, глядя на меня. В её глазах читается насмешка. Она знает, она всё рассчитала.

— Да, — отвечает Кора. — Пойдём.

Я неподвижно стою. Смотрю им вслед.

Вокруг ползёт шёпот, некоторые демоны ухмыляются — им нравится моя реакция, нравится видеть Хранителя сбитым с толку. Некоторые отводят глаза, потому что боятся. Боятся, что ярость, которая клокочет внутри меня, выплеснется на них.

Беру с подноса новый бокал. Выпиваю залпом. Ещё один. Коньяк жжёт горло, но не гасит огонь внутри.

Я вижу, как какой-то молодой наглый демон с горящими глазами берёт её за руку. Как она вежливо, натянуто улыбается, словно через силу. Как он смотрит на неё.

На её платье.

На её шею.

На её губы.

Убери руки.

Мысль приходит сама.

Я не понимаю, что это. Почему мои пальцы сжимают бокал так, что стекло трещит, и коньяк капает на пальцы?

Она моя пленница.

Моя ответственность.

Её не должны трогать.

Не должны смотреть.

Не должны даже думать о ней.

Тогда почему я сжимаю зубы? Почему хочу вырвать руки тому, кто к ней прикасается?

Пью дальше. Краем глаза всё равно слежу за ней. За каждым её движением. За каждым, кто подходит, кто смотрит.

Эшит что-то говорит ей, Кора отвечает. Я не слышу слов, но вижу, как она двигается, как чуть склоняет голову, как осторожно оглядывается по сторонам.

Она здесь чужая.

И одновременно —

нет.

Слишком заметная.

К ней подходит другой демон. Говорит что-то, улыбается. Я сам не замечаю, как делаю шаг вперёд.

Останавливаюсь.

Сжимаю зубы.

Он наклоняется ближе, и в этот момент Кора чуть отступает.

Незаметно.

Но я вижу.

Она не даёт ему приблизиться. Ответ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.